THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK169
.V5
A3

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/moevremia00vins

МОЕ ВРЕМЯ

ЗАПИСКИ

Г. ВИНСКАГО

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ «ОГНИ»

ЗАПИСКИ ВИНСКАГО.

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОГНИ“.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ.

Записки Н. В. Басаргина.
Записки бр. Бестужевыхъ.
Записки Г. С. Винскаго.
Записки несчастнаго (В. П. Колесникова).
Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго.
Записки Я. И. де-Санглена.

Редакція П. Е. Щеголева.

MC DK169
.V5
A3
MOE VREMIA

МОЕ ВРЕМЯ

ЗАПИСКИ Г. С. ВИНСКАГО.

Редакція и вступительная статья

П. Е. Щеголева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГНИ“.
С.-Петербургъ.
1914

LIBRARY.
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

5-14

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Записки Григорія Степановича Винскаго являются однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ русской мемуарной литературы. Въ нихъ нѣтъ разсказовъ о великихъ людяхъ и великихъ подвигахъ, ихъ авторъ не игралъ сколько-нибудь выдающейся роли въ современной ему жизни, не занималъ видныхъ мѣстъ; и тѣмъ не менѣе, не какія-либо иныя записки, а именно Винскаго даютъ читателю живое ощущеніе русской жизни Екатерининской эпохи. Записки Винскаго сохранили и донесли до насъ со всею тонкостью ароматъ бытовой жизни того времени. Читая разсказы Винскаго, чувствуешь непосредственное касаніе давно исчезнувшей эпохи. Такое впечатлѣніе записки Винскаго производятъ не потому, чтобы въ нихъ были закрѣплены въ изобиліи подробности бытовой жизни. У Винскаго есть, конечно, картины быта, притомъ написанныя замѣчательно ярко и сочно, но дѣло, пожалуй, не въ нихъ. Винскому удается то, что авторамъ мемуаровъ удается сравнительно рѣдко: показать, какъ чувствовалось въ его время. Обычно пишущіе мемуары показываютъ только, какъ жилось. Такого результата достигаетъ Винскій отчасти потому, что подходитъ къ предмету своего повѣствованія безъ всякихъ

7008 12

предвзятостей, совершенно просто и непосредственно, а отчасти потому, что въ немъ, несомнѣнно, есть художественная жилка. Онъ пишетъ со всѣми особенностями господствовавшей тогда литературной манеры (сравн. Радищева), но за этой манерой чувствуется не подражатель, а создатель. Записки Винскаго ближе всего напоминаютъ одинъ литературный родъ—романъ приключеній и читаются съ такимъ же неослабѣвающимъ интересомъ, какъ хорошій, добрый романъ XVIII вѣка, напримѣръ, Смолетта; только приключенія Винскаго не были выдуманы, а совершались въ самой настоящей дѣйствительности.

Первое упоминаніе о запискахъ Г. С. Винскаго было сдѣлано въ 1845 году Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, извѣстнымъ собирателемъ и розыскателемъ матеріаловъ и документовъ по русской исторіи [1]). А. И. Тургеневъ въ своей краткой замѣткѣ о запискахъ совершенно правильно отмѣтилъ ихъ своеобразіе и далъ имъ высокую оцѣнку, какъ важному источнику по исторіи нашего XVIII вѣка. Характеристика, набросанная А. И. Тургеневымъ, сохраняетъ все значеніе и до сихъ поръ и потому воспроизводится здѣсь безъ сокращеній.

...«Я прочелъ въ одни сутки записки Винскаго: «*Мое время*». Эта рукопись уже $^1/_4$ вѣка у меня, и я въ первый разъ вполнѣ прочелъ ее. Я не могъ оторваться отъ книги. Винскій, уроженецъ Малороссійскаго городка Почепа (р. въ 1752 г.), учился въ

[1]) «Хроника русскаго въ Парижѣ» въ «Москвитянинѣ» 1845, мартъ, смѣсь, стр. 11—13.

Малороссіи, но оставилъ ее въ первой молодости и переселился въ Петербургъ въ первые годы царствованія Екатерины II (на 18 году). Онъ бѣгло описываетъ Петербургъ, но прежде оригинально описалъ малороссійскую жизнь свою, воспитаніе, семейство и отбытіе на чужую сторону. Несмотря на отсутствіе важныхъ происшествій, повѣсть его привлекательна какою-то искренностію и подробностями семейной и провинціальной жизни. «*Мертвыя души*» снова ожили бы въ сей существенности. Для Гоголя эта рукопись была бы кладомъ. Кіевъ, Академія, шляхетство, Глуховъ, общественная жизнь въ Малороссіи, нравы и справедливый взглядъ на вліяніе французовъ въ Россіи, рѣдкій и въ наше время, вліяніе Екатерины II на смягченіе нравовъ, «*апелляція къ потомству*», ученіе вмѣсто воспитанія: вотъ содержаніе первыхъ главъ этой біографіи. Но я не досказалъ вамъ дальнѣйшихъ похожденій аутобіографа. Въ Петербургѣ онъ записался въ военную службу, какъ недоросль, и въ школу; выключенъ изъ оной за негодностью прямо въ полкъ, хотя ученикъ зналъ болѣе учителей. Картина нравовъ тогдашнихъ въ полкахъ и въ обществѣ, ненависть взаимная русскихъ и малороссіянъ, и причина оной. Винскій дѣлаетъ дурныя знакомства, мотаетъ, закладываетъ деревнишку въ банкъ, чрезъ заклады дѣлается орудіемъ секретной полиціи. Доносъ на Винскаго, крѣпость и казематы (но прежде поѣздка въ Москву, къ торжеству побѣды надъ турками и тамошнія приключенія: Потемкинъ, Орловъ, кн. Голицынъ, Шепелевъ и проч.). Допросы въ крѣпости: Терскій,

губернаторъ петербургскій Петръ Васильевичъ Лопухинъ, къ коему привезли его передъ крѣпостію; содержаніе въ крѣпости. Толстой—ангелъ утѣшитель! Допросы, судъ. Взаимная злоба между Вяземскимъ и Потемкинымъ спасаетъ многихъ, изъ полковъ забранныхъ. Портреты, *легкій абрисъ Европы*, право, мастерски написанный, особливо, если подумаешь, что писатель былъ до ссылки своей въ Оренбургъ *едва ли и читатель*! Политика Екатерины, учрежденіе намѣстничествъ, совѣстныхъ судовъ, и пр. «Нравы умягчаются, сердца распущаются, роскошь во младенчествѣ»,—все это живо и вѣрно изображено. Слогъ самоучки, выучившагося писать до Карамзина, но по французскимъ образцамъ, изъ коихъ превозноситъ Вольтера, Руссо, Бюффона и особенно Мерсье! Есть какая-то оригинальность, хотя и не всегда правильная. *Буйная жизнь* его въ Малороссіи и въ Петербургѣ носитъ яркую печать вѣка. Мы должны дорожить этою вѣрною картиною стараго быта русскаго: кто иной передастъ намъ его, особливо въ низшемъ или среднемъ слоѣ общества, въ коемъ жилъ, гнилъ и погибалъ Винскій? Описывая законодательство Екатерины и именно Комиссію для проэкта новаго уложенія, подъ заглавіемъ: *Русскіе Фоксы и Шериданы,* Винскій сообщаетъ важный историческій фактъ: «Изъ всего происходившаго въ сей комиссіи достопамятнѣйшимъ можетъ почесться публичное преніе князя Щербатова съ депутатомъ Коробьинымъ, которое прекращено было безъ дальнихъ пустословій объявленною чрезъ Вяземскаго волею государыни. Рукопись императрицы, положенная въ драгоцѣнный

ковчегъ, отдана для сохраненія въ Сенатъ, сочиненіе же законовъ подъ разными начальниками продолжается и по сей день». (Винскій писалъ во время Розенкампфа). Сосланный, по лишеніи дворянства, въ Оренбургскую губернію, Винскій провелъ тамъ большую часть жизни своей и кончилъ ее тамъ же. Тутъ началось его нравственное возрожденіе съ молодой, милой женою, послѣдовавшей за нимъ, вопреки всему, въ ссылку. Винскій началъ заниматься языками, науками, учиться, чтобы быть учителемъ. Описаніе эпохи своего *секретарства* при винномъ распутномъ откупщикѣ, учительства у губернаторовъ, помѣщичьей жизни въ городкахъ и въ деревняхъ; обхожденіе дворянъ съ крестьянами и съ дворовыми; охота псовая и ружейная, и различное вліяніе каждой на нравственность охотниковъ. Портреты помѣщиковъ, женъ и дѣтей ихъ: «жизнь русская домашняя». Чтеніе и книги, вліяніе на дворянъ. Благодарность его нѣкоторымъ помѣщикамъ: Мюллеру, Андреевскому. Знакомство съ Рычковымъ. Біографъ, кажется, довелъ свою рукопись до XIX-го столѣтія, но главная жизнь въ XVIII-мъ. Она отражается и въ Петербургѣ, посѣщаемомъ Дидеротами, и въ Бугульмѣ, гдѣ читаютъ Мерсье и Вольтера».

Въ печати записки Г. С. Винскаго появились только въ 1877 году на страницахъ «Русскаго Архива» [1]). Ихъ появленіе вызвало обширную статью А. Н. Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» [2]). Раздѣляя

---

[1]) Русскій Архивъ, 1877, янв., 76—123, февр., 150—197.

[2]) Вѣстникъ Европы, 1877, іюль, 245—269, «Разсказы изъ Екатерининскаго вѣка».

взглядъ А. И. Тургенева на историческое значеніе записокъ Г. С. Винскаго, А. Н. Пыпинъ подчеркиваетъ отсутствіе въ нихъ обычнаго для всѣхъ мемуаровъ объ Екатерининской эпохѣ панегирическаго тона. «Но и въ тѣ времена, по его словамъ, бывали люди, которые умѣли трезво понимать происходящее, не ослѣплялись шумными эффектами, и которыхъ сужденія совпадали съ мнѣніями «потомства». Это была, очевидно, «одна изъ крутыхъ головъ», какъ онъ выражается иронически и шутливо, — несомнѣнно, умныхъ головъ, которые умѣли бы сказать полезное слово и, однако, прошли совершенно безслѣдно въ свое время. Когда случается, какъ въ примѣрѣ Винскаго, узнавать подобныхъ людей только въ ихъ «посмертныхъ» произведеніяхъ, является не только сожалѣніе, что эти люди не имѣли въ свое время возможности сказать современникамъ то, что они говорятъ потомству: польза, которую они могли принести, исчезла для ихъ собственнаго времени, и ихъ произведенія являются только, какъ историческая защита ихъ мнѣній, въ свое время мало раздѣляемыхъ и для нихъ лично небезопасныхъ. Исторія оказываетъ имъ только запоздалую защиту... Записки Винскаго производятъ, по крайней мѣрѣ, на насъ производили, между прочимъ, одно впечатлѣніе, какого вообще не производятъ наши старые писатели: онъ такъ близокъ къ нашимъ понятіямъ, что, читая его, не нужно никакого усилія переноситься въ старое время, становиться на «историческую точку зрѣнія». Онъ судитъ просто и здраво и угадываетъ сужденія позднѣйшей исторіи».

О самомъ Винскомъ наши свѣдѣнія очень скудны. Къ тому, что онъ самъ разсказалъ о себѣ въ «запискахъ», можно сдѣлать самыя незначительныя дополненія. П. И. Бартеневъ въ «Русскомъ Архивѣ» [1]) напечаталъ нѣкоторыя данныя о жизни Винскаго, извлеченныя изъ принадлежавшихъ ему бумагъ дѣйств. ст. сов. А. Величко, который былъ однимъ изъ воспитанниковъ Винскаго и сохранилъ о немъ благодарную память. Вотъ эти данныя:

«Каптенармусъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Григорій Степановичъ Винскій, хотя и былъ лишенъ правъ состоянія, но могъ, съ вѣдома главной мѣстной власти, проживать во всякомъ городѣ или уѣздѣ Оренбургской губерніи. Съ 1801 по 1806 годъ находился онъ въ Оренбургѣ, у директора Оренбургской пограничной таможни, Павла Елисѣевича Велички и былъ наставникомъ при его сынѣ. Впослѣдствіи Винскій былъ прощенъ и, подъ конецъ, съ 1808 по 1818 годъ, жилъ на покоѣ въ городѣ Бузулукѣ, откуда часто ѣзжалъ въ Астрахань къ одной изъ дочерей своихъ, бывшей тамъ замужемъ. Въ Астрахани ежедневно бывалъ онъ у начальника пограничнаго таможеннаго округа Александра Михайловича Тургенева (дальняго родственника извѣстнымъ братьямъ Тургеневымъ) и давалъ ему читать свои записки. Знакомымъ своимъ въ Астрахани онъ отзывался, что сосланъ безвинно по интригамъ. Въ бумагахъ Велички сохранились два литературныхъ труда или перевода, принадлежащихъ

[1]) Русскій Архивъ, 1877, іюнь, 233: «Къ жизнеописанію Г. С. Винскаго».

Винскому: «Ораторъ Французскихъ генеральныхъ штатовъ въ 1789 году» и «Драма въ 3 дѣйствіяхъ о спасеніи епископомъ Іоанномъ Гепнюеромъ реформатовъ, вблизи Парижа, въ городѣ Лизье, 27 августа 1572 года».

Въ 1878 году въ «Русскомъ Архивѣ» былъ напечатанъ написанный Винскимъ «проектъ о усиленіи россійской съ Верхней Азіею торговли чрезъ Хиву и Бухарію». Эта работа Винскаго, не безъинтересная для его характеристики, перепечатана нами въ приложеніи къ запискамъ.

Текстъ записокъ Винскаго былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» П. И. Бартеневымъ «по старинной рукописи, доставшейся ему послѣ покойнаго А. Н. Афанасьева».—«Не знаемъ, сообщалъ П. И. Бартеневъ, откуда онъ получилъ ее, и была ли она подлинникомъ, или только спискомъ». Гдѣ въ настоящее время находится эта, принадлежавшая А. Н. Афанасьеву, рукопись, намъ неизвѣстно. Еще одна рукопись записокъ находится въ библіотекѣ Университета св. Владимира (Указаніе у В. П. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи, т. I, ч. I, 945). Эта рукопись осталась недоступной для нашего изданія, воспроизводящаго записки по тексту, напечатанному въ «Русскомъ Архивѣ».

ЗАПИСКИ ВИНСКАГО.

Мое время.

Введеніе.

Все перечитавши, и нѣсколько разъ, что только нашлося своего или занятаго, все передумавши и неоднократно, что только задержалось въ моей старой головѣ, всѣмъ наскучивши, что только могла доставлять благодатная мечта, наконецъ, съ мѣсяцъ нахожусь я въ совершенномъ бездѣліи, слѣдовательно, въ несносной скукѣ. Работать въ огородѣ или бродить по окрестностямъ моего самопроизвольнаго заточенія? Препятствуетъ ежедневный жаръ. Выѣзжать на охоту? Стрѣлять въ сіе время нечего, къ тому оводы одолѣваютъ коней. Чѣмъ же наполнять день, особенно чѣмъ сокращать предолгіе предъобѣденные часы? Писать... Правда, въ среднихъ моихъ лѣтахъ я много писалъ, перелагая изъ иноземныхъ на отечественный языкъ истины, тогда у насъ неизвѣстныя. Но сіе упражненіе давно мною оставлено; затѣвать его вновь, по нынѣшнимъ временамъ, и не изъ чего и не для чего. Я бы, кажется, забылъ давно писать, ежели бъ не поддерживалось сіе неважною перепискою, которая не можетъ дать дѣльнаго вещесловія. Но что дѣльное? Пиши, какъ и всѣ почти пишутъ, что попадать станетъ подъ кончикъ твого пера. Такъ... но ничтожность не занимательна, слѣдовательно, не можетъ быть продолжительна. Инъ пиши, сыскавъ себѣ предметъ и что ты лучше знаешь. Дѣльно!.. Я знаю самого себя

лучше всего; такъ вотъ мой предметъ: МОЕ ВРЕМЯ. Заглавіе, однако, принадлежитъ вѣнценосному сочинителю—тебя съ перваго шага оговорятъ. Порфирородный жилъ, имѣлъ свое время; я живу, имѣю мое; итакъ, каждому свое. Я хочу писать мою жизнь и какія мнѣ памятны важнѣйшія, случившіяся въ теченіи оной происшествія. Да не подумаетъ кто-либо, что симъ маловажнымъ занятіемъ я хочу втѣсниться въ ликъ творцовъ сочиненій? Нѣтъ, нѣтъ! Я знаю, какія потребны дарованія, свѣдѣнія, знанія, ученіе, витійство писателямъ посвятившимъ себя или пожалованнымъ препровождать до позднѣйшаго потомства громкіе подвиги витязей, славу владыкъ, бѣдствія народовъ. Я намѣреваюсь писать о себѣ, для себя, для своихъ; слѣдовательно, я буду писать, какъ умѣю, не поставляя себѣ образцами ни Ксенофонтовъ, ни Титовъ-Лиліевъ, ниже К... Слогъ мой, подобно дѣяніямъ, будетъ простъ, но правдивъ, въ чемъ призываю на помощь мою богиню, истину.

I.

Шестнадцать лѣтъ или дѣтство и юношество.

Мое рожденіе.

Родился я въ малороссійскомъ городкѣ Почепѣ, отъ родителей, ежели не знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ, то отъ самыхъ здоровыхъ и молодыхъ. «Важное преимущество!» говоритъ надувшись графъ.— «Гораздо важнѣе, ваше сіятельство, нежели вы изволите понимать». Отецъ Степанъ Акимовичъ Винскій, юноша 21 года, женился по взаимной сердечной склонности на матери моей, 16-ти лѣтней отроковицѣ, Марѳѣ Артемьевнѣ Пискаревской, и ихъ счастливый союзъ Богъ на десятомъ мѣсяцѣ благословилъ мною. «Что же тутъ особаго»? — возражаетъ сенаторъ. — «Особое, графъ, извольте выслушать. Родиться первенцемъ отъ неискусобрачныхъ (за что буду крѣпко стоять, по меньшей мѣрѣ съ одной стороны), молодыхъ здоровыхъ родителей; быть воздоену матернею грудью, значитъ: получить съ жизнію прочное членоустроеніе, чистую кровь, здоровые соки, что все вмѣстѣ доставляетъ человѣку крѣпкое тѣло и мужественную душу, такія преимущества, которыя одни дѣлаютъ людей истинно-благородными и счастливыми. Сіе наблюдается, какъ и вы изволите знать, по всѣмъ хорошимъ конскимъ и другимъ заводамъ; но графскіе,

княжескіе и всѣ отличающіе себя домы сего не уважаютъ, и отъ того сколько же въ ихъ семьяхъ всякихъ игрушекъ природы»!

О любезный Шанди! Какъ бы я порадовался, встрѣтившись съ истиннымъ послѣдователемъ твоей глубокомысленной о зачатіи и рожденіи системы! Какимъ бы я могъ быть доказательствомъ твоего умствованія! Ни десятилѣтняя въ молодости самая распутная петербургская жизнь, ни шестинедѣльное въ подземномъ сыромъ погребѣ заключеніе, ни заточеніе въ суровой башкирской край и 30-ти лѣтнее въ ономъ пребываніе, ни всѣ удары несчастія не могли совершенно разрушить или ослабить мое крѣпкое сложеніе. Теперь, имѣя 61 годъ отъ рожденія, я многихъ еще заставлю себѣ завидовать по наружности; а внутренно? О! я еще живу.

Шандеизмъ.

Остроумный Шанди, отъ одного неосторожно и не въ пору сдѣланнаго вопроса: «заведены ли часы», выводитъ самое глубокомысленное умствованіе о зачатіи, рожденіи и слѣдствіяхъ отъ того на всю жизнь человѣка. Дѣло съ перваго взгляда кажется неважнымъ, шуточнымъ; но, разсматривая оное терпѣливо, освѣщая со всѣхъ сторонъ свѣтомъ здраваго разсудка, отстраняя при семъ розысканія и высокопарныя философскія промблемы и Богомъ вдохновенныя богословскія темы, а паче всего уклоняясь большинства голосовъ, шандеизмъ на сіе вещесловіе столько разливаетъ ясности, что всѣ почти затрудненія касательно уродовъ, выродковъ, изверговъ, какъ естественныхъ, такъ и нравственныхъ, весьма много облегчаются. Вспомни, любезный Прокоповичъ, какъ мы въ 1806 году въ Санктъ-Петербургѣ, за дружескою трапезою у Плавковскаго, рѣшали по сей системѣ задачу: «какъ могли родиться отъ благороднаго, ум-

наго, храбраго боярина три сына негодяя?» По ней же, почти показывая пальцемъ, можно говорить: «сей зачатъ украдкою... а сего воспріяла сердитая отъ пьянаго, какъ и сей добытъ огнистою сладострастницею по найму». Взгляните же на сего благообразнаго, преисполненнаго любезности юношу: не являютъ ли всѣ черты его лица и всѣ движенія его тѣла, что онъ есть произведеніе тихихъ, сладостныхъ минутъ вечера, когда добрыя, чувствительныя два существа, проведши день полезно, послѣ вечерней пріятной прогулки, въ уединенной мирной храминѣ, предаются восторгамъ цѣломудренной любви? Или, сей младый сынъ истиннаго кормильца всѣхъ другихъ существъ, не доказываетъ ли яркимъ румянцемъ своихъ щекъ, упругостію своихъ мышцъ, широкою грудью, звонкимъ голосомъ, своею всегдашнею веселостію, что онъ чадо совѣтнаго союза, засѣянное дюжимъ, трудолюбивымъ земледѣльцемъ въ ложесна дородныя, здоровыя подруги, вынесшей въ поле сытный обѣдъ, или, послѣ общихъ лѣтнихъ работъ, въ тѣни ли вѣтвистыхъ рощъ, или въ холодкѣ душистаго стога? Такъ, шандеизмъ можетъ, при тщательномъ розысканіи, развязывать запутаннѣйшіе узлы, и по нему же, «дѣти порочной любви рѣдко бываютъ добрыми существами; сынъ же распутныя не можетъ быть иное, какъ извергъ».

Переселеніе изъ отеческаго дома.

Мать моя, приживши еще сына Осипа, на 20-мъ году своея жизни овдовѣла, и, обижаема будучи по имѣнію нашими родными тетками, а, можетъ быть, и по инымъ видамъ, вторично поступила въ замужство за Михаила Васильевича Губчица, въ семью довольно знатную и достаточную; начала жить въ имѣніи своего второго мужа, куда и насъ переселила.

Первыя впечатлѣнія.

Первые годы моего дѣтства мнѣ почти совсѣмъ непамятны. Отдаляясь, однако, напоминовеніями, сколько можно, къ тѣмъ временамъ, вижу, какъ будто въ туманѣ, нашъ домъ въ деревнѣ Котляковкѣ; памятны сливныя деревья по дорогамъ въ огородѣ; помню еще дальній огородъ, куда шедши единожды съ матерью, захвачены мы были грозою; памятно мнѣ также, что тутъ въ прудѣ дядя мой Тихонъ утопилъ было меня. Но, кажется, все сіе я знаю болѣе по разсказываніямъ домашнихъ. Переѣздъ отсюда на житье въ мѣстечко Баклань, куда вотчимъ мой опредѣленъ былъ сотникомъ, гораздо явственнѣе помню. Какъ теперь вижу приготовленія къ сему путешествію; вывезенные изъ шопы: берлинъ, коляски, таратайки, нѣсколько возовъ и полуботовъ, въ которые я играючи лазилъ; кормленіе у стайни строкатыхъ и буланыхъ коней и самый въ ночь подъемъ живо себѣ представляю. Посаженъ я былъ въ берлинъ между вотчимомъ и матерью; кажется, въ просоньѣ помню, сдѣлался между людьми шумъ, по причинѣ перебѣжавшаго чрезъ дорогу волка, и что вотчимъ говорилъ: «се добрый знакъ; а коли бъ заяцъ, то не добре». Первые, однако, мои годы въ семъ мѣстечкѣ мнѣ непамятны; домъ, садъ, рѣка Судость, гребля, городище и проч. ежели и теперь еще представляются мнѣ весьма явственно, сему виною долговременное тутъ даже до осьмого года пребываніе.

Впечатлѣнія первыхъ лѣтъ.

Съ сего времени до 30 лѣтъ моей жизни, всѣ мѣста, гдѣ только я ни жилъ, даже переѣзжалъ, до самыхъ малѣйшихъ подробностей весьма помню; съ 30 же года по сей день, ежели и памятны мнѣ вообще предметы, но подробности почти совершенно

изгладились въ моей памяти. Такъ, напр., на пятомъ или шестомъ году моего вѣка, ѣдучи осенью изъ Почепа въ Баклань, при захожденіи солнца, спускалася наша повозка съ небольшого бугорка къ рѣкѣ Судости. Отъ солнечныхъ лучей, скользящихъ, что теперь знаю, по гладкой поверхности воды, казалась она огненною; чрезъ нее летѣло нѣсколько сорокъ въ лѣсъ ночевать. Глядя на все сіе, я не знаю отъ чего, стало мнѣ очень грустно. Сія картина и теперь еще такъ жива въ моей памяти, что я, кажется, могъ бы ее нарисовать. Съ того времени, воззрѣніе на заходящее осеннее солнце всегда въ душѣ моей производитъ уныніе. Кіевъ со всѣми своими монастырями, церквами и примѣчательнѣйшими мѣстами, гораздо явственнѣе начертанъ въ моей памяти, нежели городъ Уфа, хотя въ первомъ я жилъ не болѣе четырехъ лѣтъ, и оставилъ его назадъ тому 46 лѣтъ, въ послѣднемъ же я жилъ 12 лѣтъ, а былъ въ немъ предъ симъ за пять. На 18-мъ году пріѣхавши въ Санктпетербургъ, видѣнные тогда предметы, какъ: недостроенныя двѣ стороны Зимняго дворца, неочищенная предъ нимъ площадь, зимовавшій противъ Кунсткамеры, спущенный на Неву военный корабль, каменный сарай, гдѣ отливался Петра Великаго памятникъ, кристальный, у Семеновскаго моста, заводъ, даже первые гренадеры Измайловскаго полка, въ ихъ древнихъ шапкахъ и унтеръ-офицерскія перевязи, такъ свѣжи въ моей головѣ, будто я на нихъ теперь гляжу. Въ январѣ же 1806 года, ѣхавши чрезъ Ярославль въ Санктпетербургъ, города: Кострому, Мологу, Тихвинъ, Новую Ладогу весьма темно вспоминаю; а картинныя мѣста, по деревнямъ вечернія игры, въ богатыхъ селахъ, каковы Дуванной, Васильевское и другихъ, катающіяся нарядныя бѣлотѣлыя молодицы, все таковое мною тогда видѣнное теперь какъ во снѣ представляется. Проживши шесть мѣсяцевъ въ сей великолѣпной столицѣ, бродивши ежедневно по

привлекательнѣйшимъ мѣстамъ, еще довольно картинно я могу себѣ ее представлять; но подробности: вахтпарады, гулянья на Свѣтлой недѣлѣ и перво-майское, прогулки на прекрасныхъ булеварахъ и набережныхъ, неизъяснимо привлекательный для меня видъ, въ лѣтнемъ дворцовомъ саду, играющихъ по утрамъ малютокъ съ ихъ прекрасными, нарядными кормилицами и няньками, весьма темно въ мысляхъ изображаются.

Начало ученія грамотѣ.

Въ Баклани, кажется, начали меня учить грамотѣ. Мечтается мнѣ, что домъ нашъ былъ насупротивъ церкви св. Николая; что школа, принадлежащая ей, находилась чрезъ дорогу; что въ сей школѣ жилъ дьякъ, къ которому меня водили, который, однако, чему и какъ училъ меня, не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по субботамъ, сіе помню. Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ, по причинѣ дьяку нѣкотораго доходишка.

Малороссійская субботка.

Послѣ субботней вечерни, всѣ ученики собирались въ школу и, не садясь по мѣстамъ, а стоя, ожидали дьяка. При вступленіи въ школу, онъ былъ привѣтствованъ ото всѣхъ въ одинъ голосъ: «Миръ ти, благій учителю нашъ»! На что онъ отвѣчалъ: «Треба сѣкты васъ» и тотчасъ начинаетъ екзекуцію: «учись, не пустуй, помни субботку» были его увѣщанія при сѣченіи. Тѣ, которыхъ матери присылали дьяку почаще млинцивъ, боланцивъ, паленыцъ и того-другого, получали удары по платью; а бѣдняки, или у кого матери были скупы, расплачивались голыми задами. Проклятая поповщина! Гдѣ ты не злочинствовала?

Начало ученія латинскаго языка.

Перваго же моего инспектора, т. е. домашняго учителя, поляка пана Мушинскаго, гораздо болѣе помню, не по его ученію, а по тому, что онъ былъ охотникъ стрѣлять, удить рыбу, ловить птичекъ и меня нерѣдко съ собою поваживалъ, и что онъ былъ крайне золъ и насъ сѣкалъ безъ милости. Послѣ сего принятъ былъ панъ Дворецкій, родомъ изъ Сосницы. При семъ учителѣ я прошелъ латинскій алваръ; по россійски же читалъ уже по вечерамъ для матери. Четь-минею, а въ церкви Апостоловъ и Пареміи; писалъ изрядно и по сказыванію. Сей инспекторъ нрава былъ тихаго, и я его душевно любилъ; бывали и отъ него наказанія, но и рѣдко и не напрасно и не жестоко, такъ что ежели за шалости и непрестанныя мои проказы въ иной день мать, полѣнившись сама меня сѣчь, отсылала къ нему, я считалъ сіе помилованіемъ. При семъ инспекторѣ кончилось мое домашнее ученіе, и я посланъ былъ продолжать оное въ Черниговъ.

Зажность перваго десятилѣтія.

Дитя, къ десяти годамъ своего существованія, являетъ уже начатки страстей, имѣющихъ нѣкогда образовать его свойство. Сіе время есть важнѣйшее въ жизни, потому что тутъ должно чрезъ воспитаніе, добрыя склонности въ юношѣ посѣять, возрастить, усилить, какъ дурныя возникающія выполоть, искоренить, по меньшей мѣрѣ ослабить. Но, увы, сіе важнѣйшіе дни моей весны протекли безъ малѣйшаго обработанія! Говорили вообще мнѣ быть добрымъ, тихимъ, искательнымъ, услужливымъ; но сдѣлаться таковымъ предоставляли случаю. Можно сіе уподобить брошеннымъ на ниву нѣсколькимъ горстямъ зеренъ хлѣбныхъ, коихъ всходы, ростъ и со-

зрѣлость оставлены судьбѣ. Какъ бы я ни желалъ начертать первые признаки моего разсудка, первѣйшія ощущенія моего сердца, начальные порывы моихъ страстей, но все мое о семъ стараніе тщетно: едва могу припомнить, что по многокровному моему сложенію, преданный веселостямъ, разсѣянію, забавамъ, я точно не былъ ни золъ, ни скупъ, ни завидливъ. Въ дѣтскихъ играхъ душевно равнялся съ низшими; но господствовать ни самъ не любилъ, ни надъ собою не терпѣлъ. Сіе, какъ бы врожденное, осталось во мнѣ на всю жизнь мою. Да не помыслитъ читатель, чтобы я былъ противникъ властямъ и не повинующійся начальству. Нѣтъ, я смѣло могу божиться, что власть законная всегда для меня была священна; начальникамъ же я бывалъ неизмѣнно покоренъ, и самыя несправеливости правительства, коими преобремененъ я былъ, переносилъ терпѣливо. Скажу торжественно, что я былъ бы лучшій гражданинъ во всякомъ обществѣ, гдѣ бы законы хотя драконовскіе, но тяготѣли равно на всѣхъ.

Домъ вотчима.

Вскормленный въ домѣ вотчима, я испыталъ прежде несправедливости и обиды, нежели ласки и милости, но я ихъ тогда не сильно чувствовалъ и по ребячеству скоро забывалъ. Вотчимъ мой, будучи отъ природы человѣкъ угрюмый и сердитый, къ намъ весьма былъ неласковъ; но самъ, сколько помнится, меня никогда не бивалъ, а исправлялъ сіе чрезъ нашу несчастную мать, которая, какъ теперь помню, при наказаніяхъ иногда сама горько плакивала. Правда, рѣзвости мои, шалости и непрестанныя проказы и не въ вотчимовскомъ домѣ долженствовали бы быть унимаемы; а тутъ, какъ примѣчали ихъ старательнѣе, взыскивали за нихъ тщательнѣе, то наказанія случались ежедневно, нерѣдко съ повтореніемъ и не обходя праздниковъ.

Нѣчто о братѣ.

Братъ мой, ушибленный грудью еще въ дѣтствѣ, почитался хворымъ; потому, его не принуждали учиться, никогда почти его не наказывали, больше ласкали; за то, а больше, что онъ великій плакса былъ, я худо съ нимъ ладилъ и никогда не принималъ въ свои игры. Какъ по ученію далеко отъ меня отсталъ, то я посланъ былъ въ училище одинъ, съ нимъ уже никогда вмѣстѣ не живалъ и очень рѣдко видался. Въ сіе же время, помнится, мать часто мнѣ говаривала о богатствѣ нашего отца расхищенномъ, и что мы бѣдняки противъ сестры нашей, рожденной ею отъ Губчица. Сіе, однако, весьма мало дѣйствовало на меня; ибо я съ юнѣйшихъ лѣтъ не уважалъ богатства и не дорожилъ деньгами до того, что даванныя мнѣ иногда нѣсколько копѣекъ отдавалъ первому, кто захóтѣлъ бы ихъ взять.

Отбытіе на чужую сторону.

Наконецъ, наступило время моего странствованія. Два почепскіе панычи Самоцвѣты, учившіеся уже въ черниговской коллегіи подъ надзоромъ инспектора Цвѣта, со вновь завербованнымъ панычемъ Рославцемъ, заѣхали къ намъ въ октябрѣ 1762 года и, присоединивъ меня къ себѣ, повезли въ Черниговъ. Разставаніе мое съ матерью и домомъ было самое плачевное; во всю дорогу я непрестанно плакалъ, ничего не примѣчалъ и ничѣмъ не занимался. Принятіе меня въ третью школу, т. е. грамматику, да и все мое пребываніе въ Черниговѣ чуть-чуть помню. Знаю, что учитель мой былъ панъ Дембицкій; памятно, что Самоцвѣты, бывши меня гораздо старѣе, часто меня обижали, и что панъ инспекторъ нерѣдко меня сѣкъ понапрасну. Посему, конечно, я взятъ былъ на ваканціи гораздо ранѣе обыкновеннаго, т. е. до Троицына дня и оставался безъ инспектора до осени.

Кажется, въ сентябрѣ мѣсяцѣ мать моя съ своею, а моею бабкою, для какихъ-то надобностей ѣздили въ городъ Нѣжинъ. Я былъ съ ними; очень помню видѣнныхъ тутъ грековъ; въ ихъ лавкахъ особое привлекали мое вниманіе каракатицы и колбасы; базаръ и у́лицы завалены были каунами, дулями, сливами, виноградомъ и пр. Оттуда поѣхали мы въ Кіевъ, гдѣ мать моя, исправивши съ великою торопливостью свое богомолье, оставила меня тутъ на попеченіе какой-то женщинѣ, именемъ Варварѣ. Съ сею женщиною, какъ кажется, ставшею моею нянею, я жилъ недѣли двѣ въ совершенной праздности; шатался съ нею по монастырямъ и, по крайнему изобилію всѣхъ родовъ плодовъ, пресыщался ими. Потомъ я былъ переселенъ на квартиру къ панычамъ, у которыхъ былъ инспекторомъ панъ Разнатовскій. Недолго, однако, оставался я при семъ надзирателѣ: нѣкто панъ Щербацкій, старый богословъ, то есть ученикъ богословія, выпросилъ меня у отца-префекта подъ его инспекцію.

Пребываніе въ Кіевѣ.

Описывать всѣ подробности моего пятилѣтняго пребыванія, хотя и весьма мнѣ памятныя, не считаю нужнымъ; поелику во все сіе время ничего со мною не случилося особенно любопытнаго. Жилъ я на наемныхъ квартирахъ, подъ начальствованіемъ разныхъ перемѣнявшихся инспекторовъ, всегда съ моею Варькою. Учился довольно прилежно, не только не отставалъ отъ другихъ, но всегда числился между отличными. Учителямъ, какъ публичнымъ академическимъ, такъ и приватнымъ инспекторамъ, былъ всегда послушенъ и добрыхъ, особенно умныхъ, душевно любилъ. Несправедливые, однако, ихъ въ разсужденіи меня поступки я умѣлъ уже чувствовать и имъ того не прощать; такъ паны: Щербацкій и Са-

мойловичъ, не взирая на всю ученость послѣдняго, остались въ моей памяти навсегда самыми низкими людьми; напротивъ, тогдашній отецъ ректоръ Самуилъ и учитель реторики отецъ Никодимъ никогда не вспоминаются мною иначе, какъ съ сердечнымъ почитаніемъ и благоговѣніемъ.

Академія.

Кіевская академія, по назначенію своему для духовенства, пеклась наиболѣе образовать людей въ сіе званіе. Посему науки, преподаваемыя въ ней, были: грамматика, піитика, реторика, философія, богословіе и языки: латинскій—какъ основаніе, польской—какъ истолковательный; по нихъ греческій и еврейскій—какъ нужные для разумѣнія церковныхъ писателей; нѣмецкому и французскому хотя также обучали, но весьма недостаточно; прочія же науки тамъ были совершенно неизвѣстны. Изъ сего можно видѣть, что я, учившись весьма похвально, бывши въ одной реторикѣ три года, говоривши и писавши латинскимъ и польскимъ языками, какъ моимъ природнымъ, имѣвши набитую голову тропами и фигурами, умѣвши состроить хрію правильную и превращенную, выѣхалъ изъ Кіева настоящимъ, касательно необходимѣйшихъ знаній, дурнемъ до того, что ежели бы добрый человѣкъ, квартировавшій тогда въ Кіевѣ, канонерскаго полка штабъ-юнкеръ Паченко, не показалъ мнѣ первыхъ правилъ ариѳметики, я бы принужденъ былъ считать по пальцамъ.

Пансіонъ.

Въ половинѣ 1768 года я оставилъ Кіевъ и, прибывши домой, тою же осенью помѣщенъ былъ для французскаго языка въ новозаведенный въ Стародубѣ г. Карповичемъ пансіонъ.

Перейти изъ публичнаго училища въ частное значитъ быть понижену въ своихъ собственныхъ очахъ; но я, по пристрастію къ французскому языку, симъ не затруднился. Лѣта мои, знаніе латинскаго языка и правилъ грамматическихъ, произвели въ учителѣ нѣкоторой родъ уваженія ко мнѣ, такъ что онъ, снисходя на мою просьбу, прошелъ для меня синтаксисъ Пепліеровъ. Сіе одно мнѣ было нужно, и я чрезъ девять мѣсяцевъ оставилъ пансіонъ. Симъ на 16-мъ году моея жизни школьное мое ученіе совершенно кончилося.

Переселеніе въ Глуховъ.

Осенью 1769-го я отвезенъ былъ въ Глуховъ, гдѣ, препорученный генеральному судьѣ г. Журману, я долженствовалъ прожить зиму и потомъ съ его заступленіемъ ѣхать въ заграничную армію. Кратковременное мое въ семъ городѣ пребываніе было какъ бы образчикомъ имѣющей быть жизни. Я находился подъ покровительствомъ вельможи, у коего временно являлся и иногда обѣдывалъ; жилъ же на наемной квартирѣ, располагая моимъ временемъ, дѣлами и поступками самопроизвольно. Городъ Глуховъ въ сіе время, по причинѣ пребыванія въ немъ вышнихъ властей малороссійскихъ, былъ какъ бы небольшая столица. Шляхетство, начиная тутъ свое служеніе по значительному количеству и видной жизни, стеченіе всѣхъ состояній по дѣламъ казали сей городъ и многолюднымъ, и оживленнымъ. Роскошь, хотя и не повсемѣстно, но уже водворялась; трактиры, и нѣмецкій, и греческій, не бывали пусты; шинки также не напрасно заводились, особенно, гдѣ были пригожія хозяйки или наймички. Молодые шляхтичи, приписанные въ разныя присутственныя мѣста, вели жизнь по большей части праздную; уже ничего студентскаго въ нихъ не было видно, а многіе и про-

фессорами распусты могли быть названы. Я былъ причисленъ къ генеральному суду, но присутствовать въ немъ болѣе трехъ разъ не удосужился. Первые дни опредѣлены бывши на приготовленіе необходимаго для пристойнаго появленія въ большомъ городѣ, я провелъ ихъ почти заключеннымъ въ квартирѣ, занимаясь непрестанно пересмотромъ вещей, данныхъ мнѣ изъ дому. Не имѣвши никогда толикаго количества и толикой разновидности, я любовался ими несказанно; самыя бездѣлушки я почиталъ драгоцѣнностями и, пьючи свой чай, при услугѣ моего Матюшки, я почиталъ себя счастливѣе всякаго князя. Знакомиться я весьма былъ тупъ; но дѣлать знакомства поверхностныя почти никогда не умѣлъ и прилѣпленіемъ моимъ откровенностію всегда другихъ опережалъ. Знакомиться началъ съ однолѣтками, но скоро введенъ былъ въ кругъ гораздо старѣйшихъ и тогда пустился, что называется, во вся тяжкая. Скоро нѣмецкіе, греческіе и всякіе другіе благодатные домы мнѣ стали знакомы. Благодаря, однако, моей застѣнчивости, или лучше безденежію, я только былъ повсюду зрителемъ, но дѣйствователемъ нигдѣ; да правду надобно сказать: глуховскіе моты и ихъ шалости къ петербургскимъ такъ были, какъ 5 ко 100; посему мнѣ не удалося тутъ научиться ни пить, ни въ карты играть, ниже...

Разсматривая безпристрастно время моей юности, открывается, что оно протекло для меня весьма невыгодно. Отъ всего моего многолѣтняго ученія пріобрѣлъ я знаніе латинскаго языка и небольшое умѣніе писать; существенныя же и необходимѣйшія для моего благоденствія знанія, какъ святая нравственность и составъ людскихъ обществъ, или яснѣе: «чѣмъ каждый человѣкъ обязанъ обществу, и наоборотъ, общество человѣку»,—до того мнѣ были неизвѣстны, что я ихъ и въ числѣ наукъ, до 40 лѣтъ моей жизни, не считалъ. «Всѣ науки,—пишетъ Мерсье,

даже и божественная астрономія, суть только роскошь ума человѣческаго, однѣ—мораль и политика ему необходимы». Сею важную истину я узналъ поздно. Низринутый въ бездну злополучій, свидѣлся и познакомился я со нравственностію, полюбилъ ее отъ всего моего сердца, прилѣпился къ ней всею душою; но какъ можно было то исправлять, что въ продолженіи сорока лѣтъ портилося? Скажу чистосердечно, что всѣ мои старанія быть добрымъ, справедливымъ, весьма неважные имѣли успѣхи; и я разстанусь съ жизнію, конечно, не злодѣемъ, но весьма мало и добрымъ. Изъ многихъ собственныхъ опытовъ знаю, какъ трудно, ежели не совершенно невозможно, быть истинно добрымъ, когда въ юныхъ лѣтахъ не обсѣменено сердце добромъ. Желѣзо, покрытое и во многихъ мѣстахъ проникнутое ржавчиною, самое тщательнѣйшее очищеніе не можетъ освободить совершенно отъ поврежденія; хорошо хотя бы не допускать усиливаться ржавчинѣ.

Точное начало просвѣщенія въ Россіи.

Несправедливо было бы требовать отъ тогдашнихъ школъ и учителей полезнѣйшаго наученія юношества: они сами точно не имѣли ни малѣйшихъ по сей части свѣдѣній. Заря наукъ для нашего отечества начала пробиваться сквозь мракъ невѣжества въ концѣ осьмого десятка протекшаго столѣтія. Сколько бы изліха ни вопіяли: «Распинайте французовъ!», но они одни гораздо болѣе способствовали нашему наученію, нежели совокупно вся Европа. Россія, по волѣ Петра Великаго, находившись болѣе полувѣка подъ ферулою нѣмецкою, даже и признаковъ не являла просвѣщенія. Царствованію Екатерины принадлежитъ вся честь водворенія въ нашемъ отечествѣ полезныхъ наукъ, которыя разительнѣйшимъ образомъ начали имѣть вліяніе на нравственность. Повторю паки:

сколько бы старообрядцы, и новообрядцы и всѣ ихъ отголоски ни вопіяли: «Распинайте французовъ!» но Волтеры—не Мараты; Ж. Ж. Руссо—не Кутоны, Бюффоны—не Робеспіеры. Ежели когда-нибудь настанутъ времена правды, тогда великіе умы XVIII-го столѣтія, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получатъ всю имъ принадлежащую честь и признательность.

Такъ, искренно судя, что первая существованія моего четверть, долженствовавшая быть основаніемъ моего благоденствія, была почти для меня потеряна, я не ропщу ни на мать свою, ни на моихъ наставниковъ. Всему виною тогдашнія времена. Но ежели бы оставили меня, по крайней мѣрѣ, идти по той дорогѣ, на которую я былъ Академіею выведенъ, я бы могъ быть изряднымъ духовнымъ, искуснымъ врачемъ, а можетъ быть и порядочнымъ писателемъ, слѣдовательно, полезнымъ членомъ общества и способнымъ устроивать свое счастіе. Но, увы, меня, какъ будто съ умысла, возрастили у монаховъ, а заставили служить въ гвардіи! Переведенный изъ мирной, скромной, подчиненной жизни въ мятежную, наглую, своевольную, чѣмъ могъ я сдѣлаться, какъ не самымъ несчастнѣйшимъ твореніемъ?

Такъ бывало, есть и нынѣ, что большая часть юношей заставляется занимать мѣста въ обществѣ, совсѣмъ несообразныя ни съ ихъ склонностями, ни съ ихъ способностями. Наученіе въ публичныхъ и частныхъ училищахъ есть для всѣхъ одно и то же. Мерсье пишетъ: «Надлежало бы завести особый родъ наставниковъ, которые бы, по своему знанію и опытности, умѣли узнавать въ дѣтяхъ склонности и способности, по коимъ бы назначили имъ ученіе». Такъ, распорядивъ дѣтей къ ученію, скоро бы могли имѣть въ каждой части наукъ, художествъ, даже ремеслъ, людей отличныхъ; и сей, родившись быть зодчимъ или ваятелемъ, не потѣлъ бы понапрасну надъ сбор-

нымъ уложеніемъ; а природный витія и піитъ не ломалъ бы головы алгеброю.

Въ Россіи наученіе почти повсемѣстно принимается за воспитаніе. Я самъ, скажу со стыдомъ, проживъ болѣе половины моего вѣка и бывши по несчастію уже домашнимъ учителемъ, различія въ семъ даже и не подозрѣвалъ. Не забуду никогда почтеннаго г. Реми за многія его мнѣ одолженія, какъ и за поясненіе сего различія.

Иноземецъ не можетъ воспитывать.

О, отцы, матери, и всѣ вы, отъ коихъ зависятъ дѣти! Войдите въ подробнѣйшее розысканіе разности между воспитаніемъ и наученіемъ; пекитеся вашихъ чадъ прежде воспитывать, потомъ научать. Знайте, что болтаніе чужеземными языками, балансированье, прыганье, бряцанье на фортепіано и на гитарѣ не есть воспитаніе, но одно наученіе. Вѣдайте, что наемные иноземцы, изъ какого бы они народа не были, хотя бы нравственность ихъ была безъ малѣйшаго нареканія, не могутъ дать вашимъ дѣтямъ воспитанія, по тому одному, что они не знаютъ ни законовъ нашихъ, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни преимуществъ и правъ, принадлежащихъ у насъ каждому состоянію гражданъ, по которымъ необходимо должно прилаживать нравственность. Будемъ искренны: россійскій дворянинъ, по своему званію, обязанностямъ и правамъ, ни малѣйше не сходствуетъ ни съ однимъ европейскимъ дворяниномъ, какъ купецъ, мѣщанинъ и крестьянинъ ничѣмъ неравны заморскимъ. Сколько ни всеобща чистая нравственность, но составъ обществъ, нравы, обычай во всякой землѣ свои, и по нимъ однимъ народы удерживаютъ свое отличіе.

Россіянина долженъ воспитывать непремѣнно рос-

сіянинъ; наученіе же можно попустить и иностранцу, только бы воспитаніе оному предшествовало и никогда изъ вида не потерялось.

Воспитаніе принадлежитъ родителямъ.

Воспитаніе одно есть отличительная принадлежность человѣка, наученіе же не совсѣмъ чуждо и другимъ тварямъ. Сія важная должность отъ самыя природы назначена родителямъ. Дать просто жизнь, по строгой справедливости, не составляетъ великаго благодѣянія; одно воспитаніе можетъ доставлять отцамъ неоспоримое право на дѣтскую благодарность, повиновеніе и пособія. Признаться, однако, должно, что по нынѣшнимъ временамъ ревностнѣйшій отецъ, или искуснѣйшій наставникъ, едва ли успѣетъ обсѣменить юное сердце чистыми правилами нравственности.

Общественное воспитаніе, непремѣннымъ закономъ утвержденное и самимъ правительствомъ назираемое, могло бы идти наивѣрнѣйше къ сей цѣли; ибо добрые нравы не иначе могутъ завестись и утвердиться, какъ когда правительство, согласуя съ нравственностію, займется искренно попеченіемъ о благоденствіи народа и присвоитъ воспитанію всю важность ему должную. Покуда о воспитаніи не будутъ радѣть, нельзя ожидать, чтобы люди сдѣлалися лучшими и счастливѣйшими. Правительство непремѣнно обязано поддерживать нравственность; безъ того она безполезна и не можетъ имѣть никакой власти надъ сердцами. Законы должны быть пополненіемъ и доказательствомъ нравственности, внушенной воспитаніемъ.

Вопросятъ: можно ли цѣлый народъ воспитать, то есть внушить ему правила нравственности?.. Ясныя и простыя правила естественныя нравственности гораздо легче для понятія, нежели догматы и заповѣди духовныя, которыхъ не только поучающіеся, но и сами поучающіе, по совѣсти, не понимаютъ.

Способъ къ облегченію воспитанія цѣлаго народа.

Правительство, которое возымѣло бы искреннее намѣреніе завести въ своемъ народѣ добрые нравы, могло бы, учредивши для дѣтей общественные воспитательные домы, для народа весьма выгодно употребить священниковъ, давъ имъ въ руки катехизисъ чистыя нравственности, по которому бъ они своихъ прихожанъ въ проповѣдяхъ наставляли и на духу повѣряли. Къ сему присоединя знаки отличія для добродѣтельнѣйшихъ, не корыстные, но почетные, какъ строгое и неупустительное взысканіе и наказаніе для порочныхъ и злыхъ, сопровождаемое общимъ отверженіемъ, произвели бы непремѣнно желаемые успѣхи.

Ликургъ, хотя противъ правилъ здравыя нравственности написалъ свои законы, но нельзя не согласиться, чтобы онъ не чувствовалъ могущества общественнаго воспитанія. Въ Спартѣ оно было подъ непосредственнымъ назираніемъ правительства, единообразное для всѣхъ и утвержденное закономъ. Ежели сей свирѣпый законодатель могъ чрезъ воспитаніе образовать изступленныхъ воиновъ, презиравшихъ болѣзни и смерть: почему законодатели, болѣе человѣколюбивые и болѣе благоразумные, не могли бы также образовать людей добродѣтельныхъ и разсудительныхъ? Бюніаны въ Индіи, квакеры въ Америкѣ и сарептцы у насъ въ Россіи не могутъ ли также быть сему доказательствомъ?

Лѣта невинности.

Первый выѣздъ мой изъ благословенныя Малороссіи поставивши предѣломъ моего юношества, я не могу о семъ времени вспомнить безъ сердечнаго умиленія, какъ о лѣтахъ моея жизни, проведенныхъ въ истинной невинности. Я оставилъ Глуховъ, не могучи

себя, по строгой справедливости, ничѣмъ укорять порочнымъ или вреднымъ. Шалости мои и проступки точно были ребяческіе, могущіе быть достаточно изглаженными однимъ признаніемъ. Какъ сладостно воспоминать и теперь, что я тогда не былъ еще виновенъ ни предъ людьми, ни предъ собою!

При разставаньи съ милою родиною и дабы быть чисту ото всего, я долженъ учинить исповѣдь, для всякаго чувствительнаго сердца самую трудную. Къ четырнадцатому году нельзя было не ощутить въ сердцѣ чувствованія, нудящаго всѣхъ — искать любезныхъ, глядѣть на нихъ, любоваться ими и желать отъ нихъ чего-то неисповѣдимаго. Первый позывъ на сіе позналъ я въ Кіевѣ, но безъ малѣйшаго удовлетворенія. Правда, приглашенъ бывши въ одно лѣто прожить нѣсколько недѣль въ домъ одного сельскаго священника и познакомившись тамъ съ дочерью, дѣвушкою лѣтъ 20-ти, полною, румяною, веселою, рѣзвою, простодушною я тутъ научился цѣловаться, прикосновеніе также отвѣдалъ, но пройти далѣе не умѣли: я, по причинѣ моего младолѣтства, она же, какъ кажется, по причинѣ неопытности. Сія первая моя склонность весьма долго была мнѣ памятна. Въ Стародубѣ, находясь въ пансіонѣ, какъ учитель жилъ прежде въ Москвѣ, то имѣлъ почти всю прислугу изъ русскихъ, въ томъ числѣ двухъ дѣвокъ, настоящихъ московскихъ, посему цѣломудріе мое неминуемо должно бы уничтожиться: наслажденіе скотское, которымъ я тогда же мерзилъ. Паночка С. в. ч. в. особое возбуждала во мнѣ къ себѣ благоволеніе; но тутъ я лакомился одними глазами. Въ Глуховѣ по сей части я дѣйствовалъ уже гораздо вольнѣе; славныя тутъ часовщица и трембачиха имѣли и меня прицѣпленнымъ къ своимъ таратайкамъ; съ ними я игрывалъ, лобызался; но по причинѣ великаго стеченія, и паче, что тутъ требовалися доказательства любви наличныя, коихъ у меня не много водилося, я принужденъ былъ

довольствоваться платонизмомъ. Вотъ все, что лежало на душѣ и чего, кажется, за одинъ порядочный грѣхъ почесть нельзя. Кстати помѣстить здѣсь происшествіе, слѣдствія коего я почти во все продолженіе жизни чувствовалъ. На четвертомъ моемъ году посѣтила меня лютая рода человѣческаго враговка, воспа. Не помню самыя болѣзни, но признаки ея бытности оставила она мнѣ вѣчные, которые въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ приносили мнѣ много досадъ: кромѣ того, что меня дразнили дзюбанымъ, со всѣми употребляемыми приговорками, я слышалъ весьма часто, что меня не будутъ дѣвки любить, какъ мерзенаго. Сіе такъ мнѣ бывало чувствительно, что я съ горя самъ въ себѣ говаривалъ: «и я ихъ не хочу любить». Къ природной застѣнчивости чрезъ сіе сдѣлался я осторожнымъ и равнодушнымъ, и какое бъ ни чувствовалъ влеченіе къ красавицѣ, но на исканіе въ ней никогда не рѣшался. По сему легкія пріобрѣтенія были для меня сходнѣе, хотя самымъ пользованіемъ я душевно мерзилъ.

Окончу, повторивъ: ежели, какъ сказалъ прежде, не имѣлъ я самыхъ худыхъ свойствъ, то по совѣсти же не могу похвалиться, чтобы обладалъ отличительно добрыми. Состраданіе, благотвореніе и всѣ сладостныя ощущенія человѣколюбиваго сердца, кажется, въ семъ времятеченіи моей жизни едва ли были мнѣ извѣстны. Я совершенно несклоненъ былъ обижать, себѣ чужое присвоивать, еще меньше хищничать; но вступиться за обижаемаго, плакать о несчастіи другого, пособить нуждающемуся, я точно не умѣлъ. Вотъ и сіе можетъ быть доказательствомъ, что человѣкъ ничего не имѣетъ врожденнаго, и что все онъ пріобрѣтаетъ, перенимая отъ тѣхъ, съ кѣмъ живетъ въ тѣснѣйшемъ сообщеніи. Нравственность нашего дома была средняя между самою хорошею и между самою худою, по коей и мое сердце обсѣменялось. Я не навыкъ мучить несчастныхъ слугъ, глядѣть по-

койно на брызги ихъ крови, слушать хладнокровно ихъ вопли, не трогаться ихъ стонами, видѣть ихъ голодныхъ, холодныхъ и всегда готовыхъ забавлять своихъ мучителей; не навыкъ потому, что въ нашемъ домѣ сіе не видѣлось. Такъ и все занятое мною во время моего дѣтства, какъ доброе, такъ и худое, было средней руки.

Общіе моей отчизны нравы.

Въ сіе время малороссіяне жили только между собою; кромѣ грековъ и поляковъ иностранцы имъ вовсе не были извѣстны; даже съ великороссіянами почти не имѣли сообщенія, почему нравы ихъ были также ни худшіе, ни лучшіе. Злодѣянія, каковы: убійство, разбои, грабежъ и пр. весьма были рѣдки. Пороки: пьянство можно бы почесть всеобщимъ, поелику не только мужчины, даже женщины въ лучшихъ домахъ пили водку, наливку и пр., но напиваться до забвенія почиталося зазорнымъ, и истинные пьяницы всѣми были презираемы. Скупость, родная сестрица расчетливости, родственница бережливости, свойственница хозяйства, довольно была у соотчичей моихъ примѣтна, но скряжничествомъ или лихоимствомъ, кажется, они душевно гнушались. Тяжбы и ябедничество были весьма употребительны и преимущественно между шляхетствомъ. Ссоры и драки у простолюдиновъ случались, но не продолжительныя и неувѣчныя, ибо наиболѣ раздѣлывались чубами; забіячества же были рѣдки. Явная распуста была строго наказываема; волокитство, ежели симъ именемъ назвать жениханье, было терпимо въ простомъ народѣ, но никогда почти не простиралося до порочнаго и по большой части имѣло въ виду супружество.

Сказавши худое, справедливость требуетъ молвить сколько-нибудь о добрѣ. Добронравіе малорос-

сіянъ обнаруживалося разительно тѣмъ, что они въ сіе время имѣли уже общее мнѣніе, т. е. не только злодѣй, порочный, даже своевольникъ, были у всѣхъ и каждаго въ омерзѣніи; начинающаго сочлена безпутствовать каждый отецъ семейства считалъ своимъ долгомъ уговаривать, оговаривать, стыдить, унимать и, въ случаѣ не успѣха въ томъ, по крайней мѣрѣ, искренно отвергать [1]). Дѣти у родителей были въ полномъ повиновеніи, простиравшемся такъ далеко, что ни лѣта, ни званіе не освобождали отъ онаго; сіе, за смертію родившихъ, относилося къ старшимъ родственникамъ. Молодые люди обязаны были почтеніемъ всѣмъ вообще старикамъ. Вотъ черты, коихъ я, по выѣздѣ моемъ изъ отчизны, нигдѣ не примѣтилъ, и противодѣйствія коимъ съ первыхъ дней для меня были крайне удивительны, даже несносны. Страннопріимство и гостепріимство во всей Малороссіи были исполняемы съ истиннымъ усердіемъ и удовольствіемъ. Супружеское состояніе было безпорочно, надежно и тѣмъ похвальнѣе, что жены полновластны во внутреннемъ хозяйствѣ и въ своемъ поведеніи. Откровенность и дружелюбіе были общи всему народу. Праздничать, веселиться, пѣть, плясать—всѣ любили; музыку умѣли чувствовать. Наряжались охотно; чистота и опрятность жилищъ были повсемѣстны. Женщины, какъ и повсюду, убранствомъ старались усилить свои прелести; но поддѣльныхъ нигдѣ не терпѣли, и набѣленная, нарумяненная обѣгаема была, какъ явная к...

Къ вѣрѣ малороссіяне всѣ имѣли душевное прилѣпленіе, и по причинѣ, что тамошнее священство

---

[1]) Дающихъ пристанище ворамъ и завѣдомо принимающихъ краденое законы наказываютъ равно съ преступникомъ, въ справедливомъ смыслѣ: «ежели бъ некуда было сбывать краденаго, на что воровать»? Обратите сіе правило на злочинцевъ, кишащихъ теперь въ обществахъ; авось и они подумавъ: «къ чему злочинствовать?» уймутся хоть трохи.

было довольно просвѣщено, нужнѣйшіе члены закона и церковное служеніе каждый зналъ основательно. Сіе, я думаю, воспрепятствовало завестись у нихъ разнотолковщинѣ или безтолковымъ расколамъ. Въ храмы ходили охотно, привлекаемые нарядным служеніемъ и согласнымъ пѣніемъ. Но, суевѣріе?.. Увы! сіе адское дѣтище и въ благословенной Малороссіи было почти повсемѣстно.

II.

Одиннадцать лѣтъ или молодость.

Отъѣздъ въ С.-Петербургъ.

2-го марта 1770 года повезли меня изъ Глухова въ С.-Петербургъ. Утопая въ слезахъ, простился я съ любезною Малороссіею, какъ бы предчувствуя вѣчное мое изъ оной удаленіе. До Орла я ничего не видалъ, не чувствовалъ. Тутъ, для облегченія моего крайне утѣснительнаго на камергерскихъ повозкахъ помѣщенія, посовѣтовали мнѣ завестись собственною кибитчонкою, которая, въ сотовариществѣ корнета Чигиринскаго, доставила меня къ берегамъ Невы. Переѣздъ мой до сѣверной столицы не заслужилъ никакого моего примѣчанія. Всѣ города и самая Москва не произвели во мнѣ ни малѣйшаго вниманія; я полагаю сему виною, что, живши въ Кіевѣ и видѣвши тамъ строенія довольно огромныя и величественныя, я по ихъ размѣру смотрѣлъ и судилъ о попадавшихся моимъ взорамъ; посему славимый русскими Иванъ Великій предъ кіевскою лавринскою колокольнею былъ въ моихъ глазахъ столбикъ, какъ и Успенскій соборъ гораздо у меня меньше значилъ Кіевобратской церкви. Отъ сего и с.-петербургскія тогдашнія строенія ни малаго не возбуждали во мнѣ удивленія; поелику, зная кіевскія, я объ нихъ воображалъ несравненно выше.

12-го апрѣля того жъ года флигель-адъютантъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, Петрищевъ, посадя меня съ собою въ карету, отвезъ въ полкъ

и представилъ, какъ принятаго его сіятельствомъ въ службу, къ г. премеръ-майору Александру Ильичу Бибикову. Сей, заглянувъ въ бумагу, тогда же ему врученную, что вѣрно была моя челобитная, спросилъ меня, гдѣ я учился, и, отдавая бумагу стоявшему подлѣ него офицеру, сказалъ: «въ школу». Отходя только отъ него, я увидѣлъ, что всѣ его комнаты набиты были офицерами и унтеръ-офицерами, томящимися въ двухъ переднихъ, которыя проходя, какъ полумертвый, я слышалъ со всѣхъ сторонъ слово—недоросль.

Въ сіе время умнымъ и благотворительнымъ Бибиковымъ заведено было въ Измайловскомъ полку училище подъ названіемъ инженерной школы для записывающихся въ сей полкъ дворянъ, изъ которыхъ большая часть едва знали грамотѣ. Заведеніе, безъ прекословія, весьма полезное, ибо тутъ учили: языки, фортификацію, артиллерію и еще нѣкоторыя науки. Для языковъ и высшихъ частей математики были нанятые учители; для нисшей же математики и ариѳметики употреблялись солдатскія дѣти.

Опредѣленіе въ школу.

Снабженный аспидною доскою и грифелемъ, я былъ введенъ и помѣщенъ между учащимися сложенію. Представьте себѣ малороссіянина между москалями, кіевскаго студента между школьниками сидящаго, вмѣсто важнаго профессора, въ оборванномъ солдатскаго сукна сюртукѣ, съ сковерканною рожею Артамонова, который его вопрошаетъ: «Умѣешь ли ты писать?.. цыфры?».. Вообразите, что онъ, остолбенѣвши отъ удивленія, едва ли что отвѣчалъ, и потому г. учитель, сказавши двумъ школьникамъ: «поучите его, братцы», самъ удалился. Первый, взявшійся меня учить, коль скоро услышалъ мою рѣчь, тотчасъ меня попотчивалъ: «хохолъ»! Другіе, вслушавшись, немедленно начали меня величать «безмозглый»! и пр.

Встрѣченный такъ неблагопріятно учителемъ и столько злостно товарищами, я вдругъ, какъ и каждый бы на моемъ мѣстѣ землякъ, претворился въ скотину. Потупивши глаза въ доску, молчалъ и страдалъ. Послѣ обѣда, рѣшившись сѣсть особенно, я будто нарочно выставилъ себя для всеобщихъ нападковъ, отъ которыхъ и добрый нашъ фельдфебель Сумароковъ едва могъ меня защитить. Чрезъ нѣсколько дней привыкши, какъ къ карканью воронъ, къ ругательствамъ русскаго благородства, я приложилъ все мое стараніе открыть, на чемъ вообще основали свое мнимое преимущество гг. москали надъ малороссами. Смотря на бѣдняковъ и мизирныхъ, составляющихъ двѣ трети благороднаго сословія, весьма ясно видѣлъ изо всѣхъ ихъ пріемовъ, поступковъ и рѣчей, что они были сущіе мужики; приближаясь иногда къ достаточнѣйшимъ, хотя и царапаемый, я примѣчалъ, что большая часть и отъ нихъ, даже воспитанные иностранцами, весьма ограничены въ знаніяхъ, особенно касательно словесности. Откуда же и отъ чего подобное предубѣжденіе? По строжайшему розысканію, виною сему старинная, какъ бы прирожденная всѣмъ русскимъ ненависть ко всему иностранному и невѣжественное презрѣніе всего неотечественнаго. Сей недостатокъ въ москаляхъ едва ли когда-нибудь истребится. Я, живши болѣе 40 лѣтъ между ими, знаю ихъ во всѣхъ состояніяхъ; по совѣсти скажу, что глупое сіе самохвальство есть еще и теперь вельми общее всему народу. Любопытный можетъ ежечасно въ томъ увѣряться: заговори только о чемъ бы то ни было иностранномъ, и тотчасъ услышатся самые нелѣпые отзывы, и не отъ однихъ брадоносцевъ; нѣтъ, по сей части, дворянинъ, приказный, военный, даже ученый, всѣ являютъ себя сущими мужиками.

Дурной носъ Артамонова и нападки сотоварищей произвели во мнѣ негодованіе до упрямства. Напрасно

величаемый безмозглымъ, я пустился изъ доброй моей воли въ дураки, притворяясь непонятнымъ до того, что учитель и начальники, уставши рапортовать меня еженедѣльно лѣнивцемъ, выключили наконецъ въ роту.

Служба фронтовая мнѣ также не понравилась; но я и тѣмъ былъ уже доволенъ, что, не находясь подъ подлою ферулою, опредѣленъ былъ вертѣть ружье, поворачиваться, топать ногами, какъ бы дѣлать что-нибудь путное. Признаться, однако, со стыдомъ долженъ, что я, во все продолженіе моей четырехлѣтной службы, былъ неизмѣннымъ самымъ худымъ служивымъ, точно имѣя природное отъ нея отвращеніе, что деспотическое по оной управленіе еще болѣе во мнѣ усиливало. Въ сей ротѣ служилъ землякъ Соханскій капраломъ; и по чину своему, и по землячеству, онъ былъ для меня великою находкою, и ежели бы не такъ скоро выбылъ онъ въ армію, я думаю, изъ многаго худого гораздо было бы у меня меньше.

Хотя воинское званіе по наружности имѣетъ видъ строгаго присмотра, но въ самомъ существѣ едва ли какое другое изъ общественныхъ состояній доставляетъ болѣе своеволія. Умѣлъ бы только опрятно одѣваться, проворно вертѣться, раболѣпнѣйше повиноваться: вотъ и желаемыя качества въ военномъ! Нравственность же, ежели въ которомъ полку, по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ, не уничтожается всесовершенно, то не наблюдается ни въ одномъ; наказываютъ не за то, что крадутъ, отнимаютъ, грабятъ и пр., но за то, что не умѣютъ концовъ хоронить. А о другомъ и говорить не для чего.

Съ первыхъ дней моей службы, увидѣвши себя совершенно въ моей военной жизни независимымъ, я началъ тотчасъ во зло употреблять сію свободу. Правда, девять мѣсяцевъ, пока я не жилъ въ полковыхъ казармахъ, нельзя, по строгой справедливости, назвать порочными; но, проживши ихъ въ совершенной праздности, удаленъ бывши сообщества порядоч-

ныхъ людей, я всматривался и навыкалъ быть негодяемъ. Болѣзненно мнѣ сказать, что первыя лекціи распутства и мотовства началъ я въ сообществѣ земляковъ.

Благо и зло отъ земляковъ.

Въ сіе время были въ Санктпетербургѣ два прокурора, гг. Андреянопольскій и Острожскій, оба по своей части весьма свѣдующіе, славные писцы и довольно, по тогдашнему, знакомые со словесностію. По дѣламъ въ Сенатѣ имѣли покровителями много вельможей, по своимъ качествамъ знакомы были съ лучшими дѣловыми и учеными людьми, особенно со служившими тогда въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Значительные свои доходы проживали благородно, имѣя хорошій столъ и ежедневно гостей. Лучшее занятіе тутъ бывало: веселая бесѣда, шутки, нерѣдко карточная игра; къ вечеру непремѣнно діонисіяки; но пуншъ и... никогда не употреблялися. Введенный въ сіе общество, я приласканъ былъ за мои знанія, скоро пріобрѣлъ любовь за мою живость и сдѣлался для сего общества интереснымъ. Не скажу, чтобы они были ординарные профессоры сихъ наукъ; но нельзя же потаить, чтобы не въ семъ сообществѣ научился я роскошествовать, узналъ вкусъ въ винахъ; а важнѣйшее—держать расходы, не справляясь съ собственнымъ карманомъ. Корысть была, есть и вѣчно будетъ побужденіемъ ко многимъ злодѣяніямъ. Обожаемый мною Острожскій, полюбивши моего мальчика Матюшку, хотѣлъ всевозможно его себѣ присвоить; для сего не посовѣстился заводить меня въ долгъ и окончилъ, принудивши, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ дать первый вексель. Чрезъ сей пріятельскій поступокъ шагнувши разъ по мотовской дорогѣ, я не умѣлъ уже никогда съ оной удаляться. Ничего я такъ глупоохотно не дѣлывалъ, какъ составленіе вѣчныхъ долговъ, безъ размышленія

оные уплачивать. Отъ векселей до закладныхъ, и потомъ до банковыхъ обязательствъ, дошелъ я скорыми шагами. Описывать всѣ происшествія тогдашняго моего времени считаю не нужнымъ; ибо они ничуть незанимательны, еще меньше поучительны. Дни провождать въ трактирахъ, ночи....., быть отчуждену отъ порядочныхъ обществъ, не радѣть о своей должности, угрызенія совѣсти за учиненный поступокъ заглушать поспѣшнѣе другимъ, и такъ отъ напасти стремиться къ другой—дѣло было общее всѣмъ намъ мотамъ. Худшее самое въ семъ родѣ жизни то, что мотовство не иначе остановлялося, какъ совершенно погубивши несчастнаго юношу. Бѣдность, непремѣнная сопутница мотовства, скоро стала быть мнѣ знакома, и, о Боже, до какихъ униженій она меня не доводила! Благодарю Провидѣніе, что и плохое воспитаніе предохранило отъ злодѣяній. Такъ бѣдственно два года проживши, осквернившись всѣми мерзостями распутства, окончилъ я сіе поприще, заключивши себя въ магистратскую тюрьму, что при тогдашнемъ благодѣтельномъ правительствѣ было обыкновеннымъ безразсуднаго юношества удѣломъ.

Не въ оправданіе мотовства, ниже во извиненіе мое и подобной мнѣ братіи, я хочу показать здѣсь нѣкоторыя постороннія причины, способствовавшія въ сіе время распространенію бѣдственныя распусты и гибельнаго мотовства. Я подъ симъ разумѣю благонамѣренныхъ людей, снабжавшихъ деньгами нуждающихся подъ ручные заклады, на векселя, подъ закладъ имѣній, съ самыми умѣренными по десяти на мѣсяцъ процентами.

Банкиры для ручныхъ закладовъ находились изъ всѣхъ состояній, отъ дворянскаго даже до полковыхъ фурлейтовъ; были самые многочисленнѣйшіе и повсемѣстные, такъ что ихъ во всѣ часы дня можно было найти вездѣ, даже въ харчевняхъ и богадѣльняхъ. Нѣкоторые же человѣколюбивѣйшіе ежедневно

жаловали въ трактиры, гдѣ проигравшему послѣднія деньги тотчасъ жаловали за часы, табакерку, шубу или фракъ — продолжать окончательно раззореніе. Такъ, я часто самъ видалъ, какъ нашея первыя роты цырюльникъ Максимка, согибая свой хребетъ подъ ношею разновидной одежды и обременяя свою десницу узломъ вещицъ, шествовалъ медленно въ казармы, тогда какъ наша братья, весьма облегченная отъ излишняго, бѣжала туда будто въ запуски. А сколько еще невидимо скрылись облегченные до камзоловъ и рубахъ!

Банкиры вексельные были гораздо рѣже и, находясь всѣ въ купеческомъ сословіи, имѣли нѣкоторый родъ конторъ и прикащиковъ, исправляющихъ ремесло лазутчиковъ. Сіи выискивали по городу и гвардейскимъ полкамъ нуждающихся, освѣдомляясь объ ихъ состояніи и возможностяхъ; составляли предварительныя условія, т. е. сколько ихъ хозяинъ можетъ дать въ счетъ извѣстной суммы наличными деньгами, сколько товарами, вещами, мебелями, за какіе проценты и пр. Сихъ лазутчиковъ не худо можно уподобить ищейнымъ собакамъ, пронюхивающимъ для охотника дичь; съ тою только отмѣною, что въ охотѣ стрѣлокъ идетъ за собакою къ птицѣ, дабы ее застрѣлить, а тутъ ищейка ведетъ мота къ ростовщику, чтобы быть ограблену.

Заимодавцы подъ закладъ имѣній были какъ бы гофъ-банкиры, немногіе и непремѣнно дворяне, старающіеся свои небольшія денжонки превратить въ значущія деревеньки. Для поясненія операцій сихъ человѣколюбцевъ, я представлю просто мое съ однимъ изъ нихъ дѣло.

Въ нашемъ полку многія офицерскія связи занимались благородными семействами; въ томъ числѣ и г. Стромилова, состоящая изъ жены, дочери и своячины, обитала въ 4-й ротѣ. Я, промотавшись уже до того, что остался въ одномъ мундирѣ съ необходи-

мою аммуниціею, принужденнымъ нашелся нанять квартиру въ сей же ротѣ, въ солдатскомъ домикѣ, по 6 рублей въ мѣсяцъ съ пищею. Не могучи появиться безъ денегъ ни въ трактирахъ ни..., я провождалъ скучные осени вечера волокитствомъ по полку, или спаньемъ дома. Въ одинъ вечеръ является ко мнѣ неожиданно нашего баталіона подлѣкарь, слегка мнѣ знакомый. Послѣ первыхъ словъ онъ мнѣ говоритъ, что идетъ отъ г-жи Стромиловой, которая спрашиваетъ меня: почему я съ нею не познакомлюсь, что она обо мнѣ съ нимъ говорила, что она изъ нашея стороны, знаетъ мою мать и родственниковъ и пр. Будучи вельми не мастеръ съ барынями знакомиться, я ему пробормоталъ нѣсколько словъ, на что онъ прибавилъ: она говорила, что она готова пособить мнѣ, въ чемъ нуждаюсь. Сіе, какъ запахъ похмѣльному вина, тотчасъ возбудило мое вниманіе; и онъ, выпрося у меня, что ему было надобно, обѣщалъ завтра же придти ко мнѣ съ отвѣтомъ. Отвѣтъ былъ самый благосклонный и тягостный: денегъ давали, сколько угодно, но требовали на нихъ въ закладъ крестьянъ; закладную, однако, обѣщали всевозможно совершеніемъ облегчить, при пособіи супруга г-жи Стромиловой, который былъ самъ членъ юстицъ-конторы.

Увидѣться, уладиться, довольно было двухъ дней, и я имѣлъ 500 р.; а г-жа Стромилова на 800 р. закладную на полгода. Не прошелъ мѣсяцъ, еще двѣ закладныя на 600 р. и вексель ея сестрицѣ на 400 р. А всего осчастливленъ я въ семъ благодатномъ домѣ 1500 р. Обязательствъ же съ меня взяли на 4000 р., которые и получили всѣ сполна, какъ помянуто будетъ въ своемъ мѣстѣ. Прочитавши о сихъ операціяхъ, способствовавшихъ мотовству столь дѣятельно, не увидитъ ли безпристрастный читатель, что безъ нихъ число мотовъ было бы гораздо умѣреннѣе? Не будь сихъ грабителей, и кредитъ нашей братьи

мотовъ заключался бы весь у булочниковъ и въ лавочкахъ. Иной благочестивый скажетъ: «Не сильно было, вольно»,—все равно хоть бы винить палимаго горячкою за то, что онъ обопьется холоднаго и умретъ. Не поспорю, что законы есть противъ лихоимцевъ; но не спорьте же и вы, ежели скажу, что они почти всѣ выше сихъ законовъ, и что на одного изъ нихъ наказаннаго вѣрно тысячи погибли ихъ жертвъ.

Говорятъ: «Человѣкъ изо всѣхъ животныхъ есть самое привычнѣйшее». Сіе я нѣсколько разъ въ моей жизни испыталъ. Сѣтованіе, видя себя въ заключеніи; воззрѣніе на оборванныхъ солдатъ, обнаженными палашами охранявшихъ выходъ; зависимость отъ ихъ начальника, который самъ не болѣе былъ, какъ гарнизонный унтеръ; сотоварищество, составленное изъ дворянъ, купцовъ, иностранцевъ, всѣхъ нѣкоторымъ образомъ поровненныхъ; зрѣлище, что тутъ иные ѣли, тѣ пили, другіе въ карты играли, нѣкоторые спали, многіе лежали, и каждый помѣщался беззазорно гдѣ хотѣлъ, производило въ душѣ моей тѣсноту не болѣе недѣли. Ко всему сему привыкъ и два года провелъ въ числѣ тюремниковъ безъ дальняго роптанія. Правда, заключеніе сіе не такъ было строго; корыстолюбіе изъ всего умѣетъ извлекать свои пользы: неоплатные должники давали унтеру годового дохода около 5 тысячъ рублей. Тутъ у мѣста сказать нѣчто о несообразности нашихъ узаконеній, силою которыхъ по вексельному праву всякъ, изъ какого бы состоянія ни былъ, несомнительный заимобратель подвергался суду магистрата, т. е. купеческому сословію. Симъ мечтали ускорить удовлетвореніемъ векселей, но на самомъ дѣлѣ открыли лишь средства къ проволочкамъ, къ злоупотребленіямъ.

Мать моя, узнавши о моихъ мотовствахъ и моемъ уничиженіи, употребила все отъ нея зависящее, дабы вырвать меня изъ моея бездны; но средство, ею упо-

требленное, не имѣло желаемаго успѣха. Она прислала нарочнаго, честнаго малороссійскаго маленькаго чиновника, дабы заплатить мои долги и, меня освободивъ, къ ней привезть. Неопытность сего повѣреннаго, достаточное развращеніе моего сердца, особенно корыстныя наставленія моихъ тюремныхъ пріятелей, все сіе оборотили верхъ дномъ. Выплачены закладныя и нѣсколько векселей, но не всѣ: у присланнаго денегъ не достало, и потому я остался неподвижнымъ въ магистратѣ, воспользовавшись на мою часть, за ложно данный вексель, нѣсколькими сотнями рублей. Не могу безъ ужаса вообразить о моей жизни отъ сего времени, какъ я готовъ былъ на всякое злодѣяніе, и что одинъ недостатокъ только въ случаяхъ не выставилъ меня злодѣемъ.

Въ концѣ 1774 года дворъ отбылъ въ Москву для празднованія торжествъ о заключенномъ съ турками мирѣ. Мать моя, пріѣхавши туда же съ новопріобрѣтеннымъ своимъ зятемъ Аѳанасіемъ Кирилловичемъ Любысевичемъ, бывшимъ генералъ-адъютантомъ у графа Разумовскаго, исходатайствовала мнѣ не только освобожденіе изъ заключенія, но пожалованіе чиномъ и отпускъ въ Москву; для выполненія сего, сама, не пожалѣвши себя, прибыла на почтовыхъ въ Санктпетербургъ. Такъ, вырвавшись изъ бѣды, по неизреченной нѣжности материнской, при покровительствѣ довольно сильнаго моего новаго родственника, я бы конечно могъ все еще исправить, войти въ порядокъ, продолжать службу выгодно и улаживать потихоньку о себѣ дальнѣйшее; но злая моя судьба опредѣлила о семъ иначе.

Зять мой, 45-ти лѣтъ, изъ весьма бѣднаго состоянія, по уму своему и ученію дослуживши полковничья чина, во время служенія за свои достоинства и качества пріобрѣтши дружбу благороднаго вельможи гр. Разумовскаго, его начальника, живши всегда въ большомъ свѣтѣ, зная оный со всѣми его коло-

вратностями достаточно, бывши честенъ и добръ, многихъ молодыхъ людей по покровительству своему выведшій на путь счастія, для меня, однако, ничего не сдѣлалъ, ежели не поставить въ счетъ милостей вывозъ меня изъ Санктпетербурга съ повышеніемъ унтерства. Буйные мои поступки и ежедневныя съ сестрою распри, можетъ быть, отвратили отъ меня его сердце. На что же доброта души и благотвореніе ближнему? Ежели бы я въ то время могъ нынѣшними, хотя и слѣпнущими уже, очами смотрѣть на свѣтъ и его обороты,—конечно, моему милому зятю немного бы труда стоило устроить мое благоденствіе. Миръ праху твоему, любезный Аѳанасій Кирилловичъ! Ты самъ, утѣсненный ехидною твоею супружницею, омочивши иногда твоими слезами моихъ несчастныхъ дѣтей, примирилъ меня всесовершенно съ тобою.

Попущеніе своевольствовать.

Проживши въ Малороссіи три мѣсяца, съ окончаніемъ отпуска отъѣзжая въ полкъ, я предоставленъ былъ снова моему собственному о себѣ распоряженію. Вредныя наклонности, неистребленныя, ожили во мнѣ съ новыми силами. Я снова предался необузданному исканію веселостей, наслажденій и скоро снова пустился странствовать по смердящимъ болотамъ распусты. Хотя погруженный въ распусту и преданный всѣмъ порокамъ своеволія, я долженствовалъ бы на ряду съ прочими быть не инымъ чѣмъ, какъ негодяемъ, но малороссійское и плохое воспитаніе удержало меня отъ всесовершенной погибели: я подъ симъ разумѣю поселенную кіевскою Академіею во мнѣ любовь наукъ. Принятый въ общество Андреяно-польскаго и Острожскаго, о которыхъ уже я говорилъ, кромѣ ихъ ласковостей и часто умныхъ бесѣдъ, значительная библіотека лучшихъ россійскихъ книгъ, у нихъ имѣвшаяся, немало меня привлекала ихъ по-

сѣщать. Тутъ, не досыпая иногда ночей, познакомился я съ Ролленями, Лесажами, Вольтерами и получилъ такое пристрастіе къ чтенію, что никогда никакое занятіе не брало по сей день у меня поверхности надъ онымъ. Такъ, въ караулѣ, въ трактирахъ, въ..., я всегда имѣлъ товарищемъ книгу, какъ и въ заключеніи моемъ занимался переводами. По страсти къ чтенію, не трудно повѣрить, что я имѣлъ любопытство и то узнать, чего въ книгахъ не печатали.

Тогдашняя гвардейская служба доставляла любопытнымъ много способовъ научаться. Сословіе офицеровъ составлялося по большой части изъ сыновей знатнѣйшихъ вельможескихъ домовъ. Сіи молодые люди, воспитанные отлично, по связямъ своихъ семействъ и по близкому допущенію ко двору, получая познанія почти изъ источниковъ, предавали оныя нѣсколькимъ низшимъ подчиненнымъ, которыхъ, какъ свою братью дворянъ, особенно хорошо воспитанныхъ, они принимали въ свое сообщество. Богатѣйшіе съ воспитаніемъ же унтеръ-офицеры, выбираясь къ полковымъ начальникамъ безсмѣнными ординарцами, состояли у нихъ какъ бы домочадцы; сопровождая ихъ при всѣхъ выѣздахъ и, принимаясь съ ними, какъ благородные, во всѣ общества и домы, имѣли довольно случаевъ многое видѣть и слышать.

Ученые и знающіе иностранные языки унтеръ-офицеры находились при иностранной коллегіи для курьерскихъ посылокъ. Сіи, часто бывая въ чужихъ земляхъ, проживая тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ при министрахъ и возвратясь въ отечество, доставляли своей братіи свѣдѣнія, иногда самыя интересныя. Баталіонъ гвардіи, сопровождавшій графа Орлова въ Архипелагъ и довольно времени прожившій въ Италіи, сколько привезъ съ собою прекрасныхъ новостей! Посему, и еще что прилагалъ особое стараніе знакомиться и сыскивать довѣренность иностранцевъ и

болѣе французовъ, читателю моему не покажется затруднительнымъ, что я осмѣливаюсь говорить о политикѣ.

Европа, послѣ Кайнарджицкаго мира, находилась на сей разъ въ покоѣ. Португалія, защищенная Англіею отъ нападокъ Гишпаніи, наслаждалась спокойствіемъ и, въ тишинѣ обработывая свои богатыя земли, произведенія ихъ отдавала своимъ покровителямъ, такъ что ее можно было почитать помѣстьемъ Великобританіи. Гишпанія, сблизившись тѣснѣе съ Франціею, продолжала суевѣрствовать и изувѣрствовать, отъ чего какъ внутреннее ея хозяйство, такъ и торговля были въ худомъ состояніи; ибо богатыя ея колоній произведенія и самые металлы выработывала она для французовъ и англичанъ.

Франція, къ концу царствованія Людовика XV-го истощенная непрестанными войнами, роскошью двора, хищеніями королевскихъ любовницъ и крайне запутанная въ своихъ доходахъ, не оставляла свое тяготѣніе надъ цѣлою Европою; держалась на проложенной Ришельемъ и Мазариномъ дорогѣ, съ перемѣною только своихъ политическихъ связей, чрезъ тѣснѣйшее соединеніе съ Австріею. Основаніемъ сему положенъ бракъ дофина со дщерію Маріи Терезіи, Маріею Антуанетою; но онъ, не одобряемый тогда же почти всѣми благомыслящими французами, особенно впавшимъ въ немилость министромъ Шуазелемъ, при неблагоразумныхъ поступкахъ младыя дофины, начиналъ производить всеобщій ропотъ. Наученіе, особенно словесность, по легкости и чистотѣ французскаго языка, протекши до послѣднѣйшихъ состояній народа, открыли большей части глаза, дабы смотрѣть и видѣть должностныхъ особъ, ихъ дѣянія, ихъ домогательства, въ настоящемъ видѣ, слѣд., совсѣмъ не въ томъ, въ которомъ казало ихъ правительство. Злоупотребленія богатаго французскаго духовенства, наглое высокомѣріе вышняго дворянства, скоро откры-

лись, какъ одинакій духъ, и расположеніе сихъ сословій отъ нихъ, по естественному наклоненію, неминуемо должно было коснуться престола. Сіе время во Франціи можно было почесть броженіемъ умовъ.

Англія, торжествующая на моряхъ, владычица богатыхъ странъ восточной Индіи, производящая весьма выгодную торговлю со всѣмъ свѣтомъ, старающаяся всѣми позволенными и непозволенными средствами оттѣснять отъ оныя другіе народы, въ сіе время занималась подчиненіемъ своей волѣ свободныхъ американцевъ, которые, почувствовавъ свои силы, требовали, чтобы ихъ братія англичане поступали съ ними, какъ съ равными, а Великобританія хотѣла ихъ имѣть своими подданными.

Голландія, растучнѣвши отъ своихъ непомѣрныхъ богатствъ, лежала въ безчувственной спячкѣ. Почитаемая между первыми твердой земли и второю морскою державою, на самомъ дѣлѣ была не иное что, какъ огромный преукрашенный ботъ, прикрѣпленный къ англійскому военному кораблю.

Италія, порабощенная, существовала своими развалинами, древними истуканами, картинами, пѣвцами, музыкантами, но сама собою ничего не значила. Папа, отученный отъ притязаній, держался на своемъ сѣдалищѣ однимъ ревнованіемъ государей, нимало его не уважавшихъ.

Германія, въ своемъ древнемъ чудовищномъ составѣ, являла стараго, дряхлаго великана, котораго и свои и чужіе щипали безбоязненно.

Пруссія, вознесенная умомъ, умѣньемъ и отвагою Фридриха II-го на степень вторыхъ европейскихъ державъ, была въ сіе время, по причинѣ мира, можетъ быть самымъ счастливѣйшимъ государствомъ.

Данія, при благоразумныхъ своихъ правителяхъ, была хозяйственна и покойна.

Швеція, обуреваемая внутри и ослабляемая, ожидала отъ преемника престола перемѣнъ къ лучшему.

Польша, совершенно разлаженная и потерявши значительную часть своихъ земель, которыя присвоили себѣ ея добрые сосѣды, шумѣла, донкишотствовала подъ ферулою россійскихъ посланниковъ, уготовлявшихъ ей окончательное разрушеніе.

Турція, побитая и униженная Россіею, бросилась отдыхать на диванъ; покорна же будучи предопредѣленію, она не видѣла и не хотѣла видѣть готовимыхъ ей снова сосѣдкою занятій. Несчастные греки, въ сію войну поднятые и оставленные Россіею, несли одни все мщеніе своихъ жестокосердыхъ мучителей.

Россія, послѣ Петра I-го мало имѣвшая участія въ дѣлахъ Европы, въ царствованіе Екатерины II-я приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную ролю. Она показала себя во уважительной осанкѣ; дружескія же Англіи и Пруссіи расположенія обнадежили ея первую выступь. Внутреннее ея состояніе, хотя необработанное, было неповрежденно и довольно мочно. Изобиліе и дешевизна первыхъ потребностей жизни содѣлывали народъ здоровымъ, веселымъ и на все годнымъ. Торговля, хотя въ рукахъ иностранцевъ, приносила, по причинѣ великаго плодородія земли, важныя прибытки. Словомъ, мы столько были внутренно благополучны, что для Семилѣтней оконченной со славою войны не болѣе 30 коп. прибавлено подушныхъ; что цѣны, во все продолженіе войны, ни одною копѣйкою ни на какія вещи не возвысились; что курсъ нашъ держался всегда около 30 штиверовъ; и, наконецъ, что деньги, золотыя, серебряныя, мѣдныя и ассигнаціи, ходили для всѣхъ въ своей истинной цѣнѣ.

Екатерина, разстроеніемъ Польши, побѣдами надъ турками и отторженіемъ отъ нихъ Крыма, сыгравши первое дѣйствіе своея политическія фамы, довольно удачно вздумала народъ свой занять, ослѣпить и Европѣ бросить нѣсколько въ глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми, новыми, ежели не

законами, то учрежденіями. Для сихъ важныхъ дѣлъ назначена была древняя столица и цѣлый 1775 годъ.

Мелодрамма открылась наряднѣйшимъ императрицы въѣздомъ въ Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательнымъ дворомъ, видными полками тѣлохранителей и безчисленнымъ народомъ. Торжественные врата, взгроможденные, на скорую руку, хотя изъ лубковъ и рогожъ, но раскрашенные, раззолоченные и въ приличныхъ мѣстахъ убранные соотвѣтственными предмету картинами, восхищали всѣхъ до безумія; къ чему присоединяя военную музыку, колокольный звонъ и пушечную пальбу, каждый можетъ себѣ вообразить, что сіе очаровательное явленіе, не взирая на лютую зиму, было безподобно.

Въ мартѣ мѣсяцѣ государыня, при торжественномъ засѣданіи въ Сенатѣ, пожаловала народу 47-мь милостей. Сіи милости, для овѣковѣченья ихъ внесенныя въ государственную хронологію, тогда же, по сужденію нѣкоторыхъ крутыхъ головъ, не стоили ни одной дѣльной. Затѣмъ, скоро появилося новое учрежденіе, или совершенное преобразованіе правительственной махины. Все переновлено, даже до наименованій: губерніи названы намѣстничествами, губернаторы правителями, воеводы городничими и пр. и пр.

Судебныя мѣста умножены съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись по сему учрежденію на четыре намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованье по тогдашнему времяни назначено было довольно достаточное; но грубой хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду: поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, должны возить ихъ до 15-ти въ городъ.

Учрежденіе совѣстнаго суда, съ важнымъ преимуществомъ рѣшать дѣла безъ переносу, въ рѣшеніяхъ придерживаться болѣе совѣсти, нежели закона, дѣла по суевѣрію или изувѣрству, дѣла слабоумныхъ и малолѣтнихъ, которыя составляли важнѣйшую его обязанность, заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить Екатеринину мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написалъ: «Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на сѣверѣ. Владыки вселенныя, законодатели народовъ! Спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣна, поучайтесь: она первая учредила судъ совѣсти!» Но мы, россіяне, для которыхъ собственно великая законодательница изобрѣла сіи спасительные суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что они были одна кукольная игра. Какихъ дарованій, знаній не долженствовалъ имѣть совѣстный судья по однимъ дѣламъ колдовства, которое въ невѣжествующей черни сколько многочисленно, столько по нелѣпостямъ и сумасбродствамъ разновидно! Бывали примѣры, что, по слѣдствіямъ земскихъ судовъ, цѣлыя селенія обнаруживались преступными въ колдовствѣ; одни, какъ колдуны, другіе—заколдованные, утверждающіе сіе своими собственными признаніями. Какое искусство, какая сила рѣчи потребны судьѣ, дабы образумить сихъ несчастныхъ и истребить въ нихъ вредныя нелѣпости, ставшія имъ какъ бы врожденными! Касательно разбирательства тяжебныхъ дѣлъ, сіи одни, конечно, могли бы существенную доставлять обидимому пользу, ежели бы учрежденіе точнѣе уполномочивало сей судъ въ производствѣ дѣла. Когда одинъ изъ тяжущихся, и несомнительно справедливѣйшій, желалъ предать разбирательству совѣстнаго суда свое дѣло, тогда другой, и непремѣнно виновный, отъ онаго отказывался; и суду не только не дано силы его принудить къ явкѣ, но ниже права его позвать, или записать и сдѣлать гласнымъ его злонамѣренное сопротивленіе.

Такъ, желаніе благонамѣренныхъ быть судиму по совѣсти уничтожалося, и ябедники безбоязненно продолжали угнетать безпомощныхъ. Можно утвердительно сказать, что, во все время существованія сихъ судовъ, едва ли десять дѣлъ произведено въ оныхъ надлежащимъ образомъ. Я, четыре года живши въ домѣ совѣстнаго уфимскаго судьи, видѣлъ, какъ его Алешка, бутузъ, гонялъ со двора несчастныхъ чувашъ и мордвовъ, притекавшихъ къ совѣстному правосудію; какъ судія самъ хвасталъ, что въ двѣнадцать лѣтъ его судейства и двѣнадцати дѣлъ не поступило въ судъ. По навѣдываніямъ, въ другихъ губерніяхъ совершалось то же.

Привиллегіи дворянству и городамъ.

Важнѣйшимъ и точно полезнымъ пожалованіемъ можно бы почесть права и преимущества, дворянству и городамъ данныя, ежели бы мы умѣли читать и понимать. Въ другомъ европейскомъ народѣ подобныя узаконенія произвели бы неминуемо во всемъ полезныя перемѣны, но Екатерина знала основательно своихъ россіянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастіе, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она, не отваживая ни малѣйше симъ смѣлымъ поступкомъ своего самодержавія, броситъ пыль въ глаза Европы и обморочитъ потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало: во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо. Люди благонамѣренные, съ знаніями и душами, или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случались во оныхъ, были заглушаемы кликами черни. Такъ, скажу смѣло, и всякъ благомыслящій меня одобритъ, что у насъ людей со свѣдѣніями весьма немного

тогда было, потому что одни лучшіе и достаточнѣйшіе домы чрезъ воспитаніе доставали знанія, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ, и что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало: жившее же въ деревняхъ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвалъ чернью? И сія-то благородная чернь, будучи самая людная, составляла дворянскія собранія!

Надобно отдать Екатеринѣ справедливость, что въ нѣсколькихъ дворянства съ правителями распряхъ, она принимала сторону дворянъ; но сіи борьбы были маловажны и рѣдки: ибо, по духу рабствованія и невѣжества дворянъ, правители гнули и вертѣли его, какъ податливой тальникъ, во всѣхъ смыслахъ. Вотъ одна изъ истинъ, которая многимъ моимъ соотечественникамъ не понравится; но по совѣсти скажите, выдумалъ ли я ее? Нужны ли вамъ доказательства? Я приглашаю каждаго честнаго и безпристрастнаго человѣка повѣрить строгимъ пересмотромъ собранія ихъ губерній. Впрочемъ, настояніе мое о семъ есть совершенно напрасное: собранія сіи, существуя болѣе тридцати лѣтъ, нисколько не улучшились, т. е. не научились не только болѣе цѣнить общественную пользу или о ней радѣть, но, предавшись повсемѣстному стремленію, такъ же

Всѣмъ торгуютъ,
Да и въ усъ не дуютъ.

Съ сего времени Екатерина перестала себя слишкомъ принуждать и, въ четырнадцать лѣтъ владычества высмотрѣвши, что народъ русскій есть самый повадливый и нещекотливый, пустилась наслаждаться всѣмъ, безъ многихъ оглядковъ. Любимцы ея не имѣли до сего никакого важнаго значенія въ правительствѣ:

Орловъ, не взирая на то, что онъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-адъютантъ и подполковникъ конной гвардіи, по дѣламъ почти былъ непримѣтенъ, и до того скроменъ, что въ каждый праздникъ ѣздилъ съ утреннимъ, по тогдашнему заведенію, поздравленіемъ ко всѣмъ вельможамъ. Но въ сіе время возсіявшій полный генералъ, графъ и скоро князь—Потемкинъ, принявъ во управленіе вообще всю военную часть и особенно гвардіи Преображенскій полкъ, сдѣланъ Новороссійскимъ намѣстникомъ, съ неограниченною властію созидать, разрушать, не даючи въ томъ никому никакого отчета. Сей честолюбецъ, овладѣвши сердцемъ и умомъ своея государыни, видя, что вельможи, по причинѣ низкости его происхожденія, не уважаютъ его возвышенія, рѣшился и въ короткое время успѣлъ всѣхъ знатныхъ бояръ удалить отъ двора и наполнить оный, гвардію и всѣ важнѣйшія мѣста своими приверженцами. Князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, по гражданской части былъ истинный визирь, владычествуя самовластно не только въ губерніяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ. Описывать дѣянія сихъ двухъ мощныхъ сатраповъ здѣсь не мѣсто; я упомяну о семъ въ свое время; теперь же поставлю нужнымъ сказать нѣсколько о тогдашней нравственности.

Вѣра, не тронутая въ своемъ составѣ, начинала въ сіе время нѣсколько слабѣть: несодержаніе постовъ, бывшее доселѣ въ домахъ вельможескихъ, начинало уже показываться въ состояніяхъ низшихъ, какъ и невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ съ вольными отзывами на счетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшія выходить въ свѣтъ сочиненія Вольтера, Ж. Ж. Руссо и другихъ, которыя читалися съ крайнею жадностію.

Нравы посему же хотя начали умягчаться, но съ тѣмъ вмѣстѣ и распуста становилась виднѣе. Многія

женщины, особливо изъ знатности, имѣли гласныхъ любовниковъ; мужчины въ семъ отъ нихъ не отставали; волокитство, хотя съ тонкостію, шло своимъ чередомъ;..... умножались ненапрасно. Но со всѣмъ тѣмъ публичныя забавницы не смѣли еще являться подъ своею собственною вывѣскою, или помѣщаться въ порядочныхъ обществахъ; никто еще не отважился тщеславиться содержаніемъ дѣвки, кольми паче жить съ нею въ однихъ покояхъ и являть ее хозяйкою. Сіе не только было зазорно, но и подвергало молодого человѣка отвѣтственности.

Роскошь примѣтна была только у знатныхъ и богатыхъ людей; ибо другія состоянія, не познакомившись еще съ утонченностію сластолюбія и сладострастія, хотя сладко пили, ѣли, щегольски одѣвались, но сіе по тогдашнему времени не могло составлять важныхъ издержекъ; щегольство же мебелями, экипажами, картинами, истуканами и проч. было еще весьма рѣдко.

Корыстолюбіе, со всѣмъ своимъ племенемъ, единовременное, можетъ быть, всѣмъ человѣческимъ обществамъ, въ невѣжествующемъ народѣ, конечно, имѣло всю свою дѣятельность. Мы имѣли уже въ купеческомъ отдѣленіи своихъ Гарпагоновъ, Каржавиныхъ, Чечулиныхъ; въ подъяческомъ родѣ взяткобраловыхъ, которые, пробившись и въ вышнія степени, не измѣняли своей крови. Таковы были: Терскіе, Ананьевскіе, Бѣльскіе; но самое взяткобрательство было въ тогдашнія времена весьма еще маловажно, какъ по цѣнѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ: ибо оно по большой части относилося къ тяжебнымъ дѣламъ, гдѣ одна сторона платила, дабы другую раззорить, или къ откупамъ, къ подрядамъ, къ поставкамъ и пр. и пр.; покупка же чиновъ, мѣстъ, должностей вельми еще тогда была необыкновенна. Правда, получалися и сіи не всѣми законно, но доставляло ихъ одно покровительство вельможей, ко-

торыхъ тогда еще не подкупали, да и знакомство съ ними не для всѣхъ было удобовозможно.

Возвращеніе на прежнее.

Возвратившись въ концѣ іюля въ Москву, я былъ зрителемъ и нѣсколько участникомъ блистательныхъ торжествъ и веселій, которыя описывать, однако, считаю не нужнымъ, ибо въ нихъ, кромѣ обыкновеннаго, ничего не замѣчалося особеннаго. Для сего торжества императрица пожаловала свою гвардію позволеніемъ облегчиться ей отъ многочисленнаго дворянства, выпускомъ въ армію и отставкою.

Я не пропустилъ случая сдѣлаться всесовершенно свободнымъ, чтобы вести ничтожную жизнь; ибо признаться долженъ, что я испросилъ себѣ увольненіе отъ службы, не имѣя начисто ничего въ предметѣ. Старинный мой знакомый г. Острожскій, столкнувшись со мною въ Москвѣ, пригласилъ жить съ нимъ вмѣстѣ, на что я согласился тѣмъ охотнѣе, что сей человѣкъ, несмотря на то, что по навожденію его сажали меня въ магистратъ, былъ мною всегда любимый, какъ единомысленникъ и сочувственникъ мой. Еще отставка моя не воспослѣдовала, а казна моя была уже истощена; по сему одному соединеніе мое съ г. Острожскимъ сдѣлалося для меня необходимостію. Онъ, продолжая по прежнему адвокатствовать, велъ жизнь почти петербургскую, т. е. мы ѣли, пили сладко, засыпали весело, не заботясь о будущемъ. Я, напуганный магистратомъ въ Москвѣ, остерегался заводить долги, и для сего бѣгалъ всѣхъ знакомствъ, довольствуясь быть въ сообществѣ поповъ и провождая время въ волокитствѣ за попадьями. Годъ проживши такимъ образомъ и истощившись гардеробомъ, чему одному г. Острожскій не могъ пособлять, я рѣшился наконецъ отъѣхать въ Малороссію. Доброхотные извощики, знающіе моихъ род-

ственниковъ, свезли меня въ Почепъ со всѣми отъ себя издержками.

Опасныя слѣдствія распусты.

Не долженъ пропустить здѣсь происшествія, въ которомъ не отъ меня зависѣло, ежели я не учинился злодѣемъ. По связямъ моего товарища Острожскаго, одинъ изъ его знакомцевъ, петербургскій нѣмчикъ Фридрихъ Таубертъ, молодецъ, можно сказать, прошедшій сквозь огнь и воду, на ту пору въ Москвѣ бывшій шляпникомъ, сильно мнѣ не нравился за его наглое стараніе обманывать моего товарища. Открывши ясно г. Острожскому его мошенничества, я мало успѣлъ, и г. Таубертъ, умѣя все употребить для своего поддержанія, не поскупился и своею женою.

Къ концу моего въ Москвѣ пребыванія, товарищъ мой все узналъ, да поздно, и Таубертъ открытый, но сдѣлавшій свое дѣло, продолжалъ нахальное свое съ нимъ знакомство, бывая часто у насъ. Онъ столько же на меня злился, сколько и я его ненавидѣлъ; но въ Москвѣ онъ меня устранялся, я его удалялся; а потому враждованіе наше было безъ всякихъ слѣдствій.

Въ день моего выѣзда, товарищъ мой, хозяинъ и еще нѣсколько нашихъ знакомыхъ, вздумали проводить меня до заставы, и когда мы уже готовы были выходить,—вдругъ является на лихомъ извощикѣ и довольно нагрузивши голову Таубертъ, будто бы проститься со мною. Я поцѣловался сухо, садясь на большія дрожки съ хозяиномъ и думалъ, тѣмъ дѣло кончилось. Но, пріѣхавши къ заставѣ въ сумерки, когда мы расположились выпить кой-что привезенное для прощанья, явился между нами, съ обыкновеннымъ своимъ безстыдствомъ, и Таубертъ. Закипѣлъ было я, будучи уже гораздо заполпьяна, но, удержанный хозяиномъ, успокоился, продолжая съ нимъ бесѣдовать.—Такъ прошло нѣсколько минутъ, и я хо-

тѣлъ было совсѣмъ распрощаться и ѣхать, какъ, взглянувши въ сторону, вижу, что мой Острожскій, въ хмѣлю весьма неспокойный, споритъ съ Таубертомъ. Воспламенясь снова, подхожу и начинаю тѣмъ, что ударомъ по головѣ Тауберта сшибаю съ него шляпу, подъ видомъ, какъ онъ смѣетъ стоять предъ офицеромъ въ шляпѣ? Онъ бросается на меня, но отъ второго удара катится къ своимъ дрожкамъ; я, считая бой конченнымъ, обращаюсь къ своей компаніи; сія, торопливо и не прощаясь уже со мною, садится на коней и уѣзжаетъ. Возвращаясь, чтобы найти Острожскаго, вижу опять Тауберта, держащаго что-то свѣтлое въ рукѣ и крадучись подходящаго. Я, обѣжавши тѣнью на его сторону, схватываю его за горло, отнимаю у него старую, обнаженную однако же шпажонку, бросаю ее въ сторону, тузю его, онъ меня, повергаю его къ моимъ ногамъ, но онъ вывертывается, бѣжитъ къ дрожкамъ, садится и уѣзжаетъ; я же, преслѣдовавши его въ темнотѣ, набѣгаю на заборъ и нехотя останавливаюсь.

Постоявши нѣсколько и намѣреваясь уже воротиться къ огню, слышу двухъ разговаривающихъ не очень далеко отъ меня въ правой сторонѣ; прислушиваюсь, отличаю ясно голосъ Таубертовъ, устремляюсь на него; но чувствую себя удерживаема сзади, при словахъ: «Куда вы, сударь?» оборачиваюсь; это былъ мой Ванька. Велю ему за собою слѣдовать; въ молчаніи подкрадываюсь къ дрожкамъ и слышу слова: «Нѣтъ, не ѣду, не доканавши его»,—бросаясь на говорящаго, схватываю его за волосы. Лошадь отъ испугу помчалась; задѣвши меня колесомъ, опрокинула на землю и моего врага, держимаго мною крѣпко за волосы. Для полнѣйшаго наказанія мнѣ желалось имѣть свидѣтелемъ моего товарища. Для сего поверженнаго мною на землю злочинца потащили мы съ Ванькой къ нему. Но по причинѣ темноты сбившись въ поворотахъ, вмѣсто заставы, бывшей отъ меня, конечно,

не далѣе ста шаговъ, я пустился поперекъ поля къ Серпуховской дорогѣ.

Таща и по временамъ тузя нашего плѣннаго довольно долго и не только не приближаясь къ заставѣ, но видя или, лучше, чувствуя себя совершенно въ пустомъ мѣстѣ, я опомнился, бросилъ страдальца и, схватя Ваньку за руку, ударился съ нимъ почти бѣжать. Темнотою однако паки запутанный, отправился я влѣво и, шедши болѣе часа около заборовъ и нѣсколькихъ строеній, началъ слышать бой часовъ еще лѣвѣе и скоро, по представившемуся мнѣ огромному строенію съ высокими башнями, догадывался я, что нахожусь у Симонова монастыря. Затрепеталъ я во всемъ моемъ существованіи, сообразя всѣ происшествія сея гибельныя ночи. Собравшись нѣсколько съ мыслями, первое что сдѣлалъ, обратился, чтобъ вѣрнѣе идти къ заставѣ.

Въ тогдашнемъ моемъ нарядѣ и съ моимъ видомъ, всякъ почелъ бы меня разбойникомъ. Испачканный кровью халатъ, изорванная такая же рубаха, растрепанные, дыбомъ стоящіе волосы, почти босый (ибо бывшія на мнѣ для дороги туфли въ барахтаньѣ потеряны), пробираясь по усталости весьма медленно къ желаемой заставѣ, я размышлялъ съ ужасомъ о всѣхъ происшествіяхъ и боялся болѣе всего, не убитъ ли Таубертъ? Въ семъ треволненіи, при начинавшей свѣтать ночи, увидалъ мой Ванька и показалъ мнѣ идущаго на насъ довольно скоро человѣка, отъ котораго едва увернувшись къ случившемуся тутъ забору, я примѣтилъ, что это былъ мой нѣмчикъ, выбитый повидимому изъ памяти, направлявшій свои стопы отъ Москвы прямо въ поле. Обрадовавшись неимовѣрно, что буйство мое не сотворило меня убійцею, я попустилъ ему удалиться и, отошедши нѣсколько отъ того мѣста, сѣлъ отдохнуть. Звонъ въ Москвѣ къ заутренямъ поднялъ меня въ походъ, и я съ великою нуждою на зарѣ прибился къ постоя-

лымъ дворамъ, находящимся у заставы, гдѣ нашелъ извощиковъ моихъ, выпрягши лошадей, спящихъ; товарища же моего въ моей повозкѣ храпящаго. Разбудивши всѣхъ, пока запрягли коней, я пересказалъ Острожскому все мое похожденіе; потомъ, простясь съ нимъ, пустился печально въ мой путь.

Вотъ происшествіе, котораго я никогда не могу вспомнить безъ содроганія, и не знаю самъ, почему оно такъ тяжело лежитъ на моей душѣ; развѣ потому, что я точно былъ обидчикъ и сея обиды никогда ничѣмъ не загладилъ? При воспоминаніи гораздо важнѣйшаго побоища, какъ будетъ сказано ниже, я гораздо бываю равнодушнѣе; можетъ быть, потому, что тутъ и мнѣ досталось препорядочно, и обиды заплачены по возможности.

Мать моя искренно обрадовалась моему возвращенію и отъ радости плакала, видя меня при золотомъ темлякѣ. Обстоятельства мои между тѣмъ были самыя хлопотливыя. Мать, для выкупа меня изъ магистрата, принуждена была не только все скопленное издержать, но многое продать или заложить, такъ что, по возвращеніи моемъ въ Почепъ, я нашелъ мое имѣніе, состоящее въ одномъ огромномъ, но пустомъ городскомъ домѣ, въ плохой мельницѣ и въ нѣсколькихъ семьяхъ крѣпостныхъ людей. Къ тому, вотчимъ мой на меня гнѣвался, и зять сердился, такъ что мнѣ и пріютиться было негдѣ. Другой на моемъ мѣстѣ тихостію, угожденіемъ, старался бы сіе неблагопріятствованіе исправить, что и не вельми затруднительно было; но моя буйная голова придумала со всѣми ссориться, бороться и начало сему учинила, помѣстивши меня въ пустомъ домѣ.

Какъ люди мои, по причинѣ нашего всегдашняго въ дѣтствѣ житья въ домѣ вотчимовомъ, жили и въ сіе время у него же, а нѣкоторые у сестры, я тотчасъ рѣшился перезвать ихъ къ себѣ; но, учинить сего добрымъ порядкомъ не могши, увидѣлъ я явив-

шихся ко мнѣ однихъ мужчинъ безъ женъ и дѣтей; отъ сего жилище мое походило на запорожскую сѣчь. 18 человѣкъ мужчинъ и ни единыя женщины, не имѣя ни основательнаго содержанія, ни должнаго занятія, всегда праздные, часто пьяные, не воспрещаемые ни въ какихъ шалостяхъ, скоро стали страшны всему городу.

Ежели бы описывать всѣ дѣянія, учиненныя мною въ сей бѣдственный годъ, можно бы ими наполнить нѣсколько тетрадей. Все то, что буйная распуста имѣетъ отвратительнѣйшаго и порочнѣйшаго, производимо было мною безъ малѣйшаго зазрѣнія. Ни чинъ, ни лѣта, ни родство, ни знакомство, не защищали никого отъ моего буйства. Дюжій самъ по себѣ и подкрѣпляемый 18-ю забіяками, на что я не отваживался? Сколько разъ я былъ близокъ сдѣлаться убійцею и убитымъ, что особенно хочу изъяснить въ приключеніи монастырскомъ.

Острожскій, пріѣхавши по своимъ дѣламъ въ Стародубъ, вздумалъ посѣтить меня въ Почепѣ. Что отпраздновали мы съ нимъ нѣсколько діонисіякъ со всѣми принадлежностями, сіе само собою разумѣется. На одной изъ нихъ случился подгороднаго Костянскаго монастыря строитель, чернецъ во всемъ смыслѣ. Знакомство и пріязнь свести ничто не препятствовало. Приглашеніе посѣтить святого отца въ его кельѣ принято безъ прекословія, и на выполненіе онаго провожаніе пріятеля стало предлогомъ.

Въ ясный осенній день, послѣ обѣда, на тройкѣ удалыхъ, съ тремя залетными молодцами, отправился я провожать гостя. За обѣдомъ и при выѣздѣ выпито было, видно, порядочно; поелику я, прибывши въ обитель, едва могъ различать предметы. На бѣду, товарищъ мой въ хмѣлю былъ одинъ изъ задорнѣйшихъ; а тутъ случился въ гостяхъ какой-то панокъ, съ которымъ у Острожскаго моего скоро начался диспутъ, а тамъ и сраженіе.

Я, богословствуя съ отцемъ-смотрителемъ, былъ въ самомъ дружескомъ расположеніи; но, увидѣвши моего друга, какъ и въ Москвѣ, обижаема, бросился на несчастнаго его противника и, однимъ ударомъ кулака сразивши съ ногъ и лишивши его памяти, готовился топтать ногами. Строитель и двое собесѣдовавшихъ монаховъ кинулись меня удержать. Тутъ, закипѣвъ отъ ярости, я самъ не знаю въ точности, что происходило. По разсказамъ же людей и монаховъ, у отца-эклезіарха съ перваго моего размаху бурая будто отгорѣла; у отца-строителя два зуба пошатнулись. Люди мои, услышавши драку, ворвались въ монастырь, и тутъ уже началося настоящее побоище. Я, разогнавши монаховъ по саду и явившись неожиданно между убійцами на монастырѣ, встрѣченъ былъ всѣмъ, что только служкамъ попадалося въ руки, изъ которыхъ одна вещица, видно довольно полновѣсная, растворивъ мнѣ на двое лобъ, столкнула на землю; и людямъ моимъ, также избитымъ, не осталось иного дѣлать, какъ спасать мое великотѣлесіе; почему, вытащивши меня кой-какъ за монастырскія вороты и вваля въ повозку, отправились въ городъ.

Проспавши мертвымъ сномъ до утра, я содрогнулся, приведя на память происшествіе вчерашняго дня, и по вопросамъ объ окончаніи сраженія почти на вѣрное полагалъ кого-нибудь убитымъ. Но милость Божія явилась еще на мнѣ: посланный для освѣдомленія, возвратясь, донесъ, что безбородыхъ, беззубыхъ, съ переломанными боками и ребрами находилось довольно, но убитыхъ, даже тяжело раненыхъ, ни одного. Сіе доставило мнѣ нѣкоторую отраду, хотя посолъ мой пересказывалъ притомъ, что святые отцы сочиняютъ на меня жалобницу и грозятся ничего не пожалѣть для обнаруженія моего разбойничества.

Вечеромъ, съ завязанною головою, въ сотовари-

ществованіи одного извѣстнаго законника, пустился я въ обитель для утушенія сего дѣла. Затрудненій представили очень много; но стараніемъ и убѣжденіями искуснаго моего адвоката все пошло гораздо лучше, нежели я думалъ, особенно когда я показалъ на моей офицерской башкѣ преогромный провалъ. Окончилось все порядочною вечерею, за которою я, по великодушію, монастырю поднесъ на молитвы нѣсколько осмачекъ гречихи и раненымъ нѣсколько рублей. На другой день я отправился лѣчиться въ Стародубъ, а монахи вылѣчились, какъ знали, дома. Такъ кончился одинъ изъ гибельныхъ моихъ подвиговъ, гдѣ явнымъ милосердіемъ Божіимъ удержано смертоубійство. Послѣ сего, истощенный во всемъ, я принужденъ былъ вести жизнь гораздо тишайшую, хотя не добродѣтельнѣйшую.

1776 годъ въ жизни моей есть одинъ изъ достопамятнѣйшихъ тѣмъ, что отъ буйства моего въ семъ году лилися слезы и нѣсколько кровь моихъ братій, чего ни до того, ни послѣ почти никогда уже не случалось. Я самъ себѣ удивляюсь, когда подумаю, какъ могъ я тогда сдѣлаться столько жестокосердымъ. По природѣ моей не только бить самому, но и видѣть наказанія, было всегда и есть теперь тягчайшее для моей души. Какъ справедливо написано: «Въ порокахъ и злодѣяніяхъ первый шагъ нѣсколько затруднителенъ!» Какъ, нагнувши разъ, всякъ быстро потечетъ ко злу! А возвратъ? Сколько рѣдокъ, столько и труденъ.

Говори, пой, кто хочетъ, обманывай несчастныхъ смертныхъ, будто человѣкъ по природѣ ни худъ, ни добръ, тѣмъ и другимъ, дѣлается по воспитанію; но, взойдя всякъ въ безпристрастное розысканіе своихъ дѣяній и чувствованій, не долженъ ли будетъ по совѣсти признаться, что онъ всегда открываетъ въ себѣ болѣе наклонности ко злу, нежели къ добру? Самое лучшее, бдительнѣйшее, по истинной фило-

софіи учрежденное воспитаніе куда направляетъ все свое вниманіе и тщаніе? Не къ воспрепятствованію ли усилиться худымъ влеченіямъ дитяти, а не ко усиленію добрыхъ? Дитя, еще у сосцовъ матери, какъ скоро начинаютъ его члены дѣйствовать, тотчасъ все попадающееся въ его ручонки любитъ рвать, истреблять, терзать. Попустимъ сіе его несмыслію; но двугодичный младенецъ, понимающій уже съ нимъ говорящихъ, умѣющій самъ изъяснять свои надобности, къ чему болѣе являетъ наклонность: созидать, питать, или разрушать и истреблять? Кто болѣе и охотнѣе мучитъ несчастныя слабыя творенія, какъ не дѣти? Съ самыхъ сихъ лѣтъ до возмужалости, наставники, учители, чѣмъ болѣе заняты касательно своихъ питомцевъ, утвержденіемъ ли ихъ въ добрѣ, или удаленіемъ отъ зла? Представимъ разительнѣйшія доказательства. Пустимъ въ свѣтъ двухъ 18-и лѣтнихъ юношей, съ одинакими, сколько можно, душевными и тѣлесными качествами, изъ коихъ бы одинъ былъ воспитанъ по строжайшимъ правиламъ Ж. Жака или Жанлисы, а другой только наученный слегка грамотѣ. Перваго, какъ достаточно наставленнаго въ знаніи зла, со всѣми проистекающими отъ него бѣдствіями, и добра, съ доставляемымъ отъ него благоденствіемъ, попустимъ жить, безъ всякаго надзора; другого же, какъ истиннаго невѣжду, подчинимъ власти надежнѣйшихъ наставниковъ. Пять лѣтъ достаточны для опыта; и вы увидите, что первый едва ли удержитъ четверть пріобрѣтеннаго добра, а другой едва ли столько потеряетъ зла; и оба навѣрное научатся лицемѣрить. «Изъ всего въ природѣ ужаснаго человѣкъ есть ужаснѣйшее».

Буйная моя почеповская жизнь истощила окончательно всѣ средства къ моему въ Малороссіи существованію. Домъ, мельница и вся худоба перешли къ другимъ. Въ такой крайности, иной на моемъ мѣстѣ по необходимости поискалъ бы у

родственниковъ, которые точно готовы были мнѣ помочь, даже зять самъ заговаривалъ о примиреніи; но своеволіе, наполнявши всю мою душу, направило мои мысли къ такому предпріятію, которое одинъ злѣйшій мой врагъ могъ бы только мнѣ присовѣтовать.

Я рѣшился ѣхать въ Санктпетербургъ, не имѣя ни средствъ тамъ себя содержать, ни же какой-либо надежды улучшить мое положеніе службою или опредѣленіемъ къ какому мѣсту. Бѣдная моя мать, терпѣвши много отъ моихъ безпутствъ, хотя о семъ никогда на меня не роптала, согласилась на мое бѣдственное предпріятіе, уловленная моими лживыми обѣщаніями, что я ѣду точно для опредѣленія себя въ службу.

Сіе послѣднее мое разставанье съ Малороссіей совершалося въ февралѣ 1777 года. Бѣдная кибитчонка, пара плохихъ лошаденокъ потащили меня койкакъ, въ сотовариществованіи одного Степушки, въ градъ Смоленскъ. Сей путь я нарочно избралъ, какъ болѣе соотвѣтствующій моей казнѣ, и на которомъ мое плохое состояніе менѣе подвергало оскорбленію мое самолюбіе.

Дорога на наемныхъ, по лѣсамъ смоленскимъ и болотамъ псковскимъ, при роздыхахъ и ночеваніи въ бѣдныхъ избушкахъ, вельми была не на мой сибаритскій вкусъ; но перемѣнить сего было нечѣмъ, и я въ три недѣли насилу дотащился до Санктпетербургской Ямской.

Расплатившись съ извощикомъ, по справкѣ— казны моей боярской осталось у меня на лицо 35 р., въ вещахъ ничего важнаго, одежды и бѣлья сотни на три. Не выходя еще изъ Ямской и невольно обративши взоръ на мое положеніе, я видѣлъ себя уже на валахъ бурнаго санктпетербургскаго моря, безъ малѣйшей надежды не только плавать по оному безопасно, ни же возвратиться вспять.

Я всегда предчувствовалъ бѣдствія и напасти, мнѣ случавшіяся; но избѣгать ихъ никогда не могъ, какъ бы насильно увлекаемый злымъ демономъ. По совершеніи несчастія, разсматривая обстоятельства ему предшествовавшія, всегда открывалась при нихъ возможность увернуться отъ бѣды, и иногда такъ, что одинъ только шагъ въ сторону, или одна коротенькая записочка все дѣло могла бы поправить; и я, почти увѣренный въ томъ, шелъ, однако, къ разверзшейся предо мною пропасти. Во всѣхъ моихъ несчастіяхъ, сколько мнѣ ихъ ни случалось, хотя по строгому розысканію, я ни одного по справедливости не заслужилъ; но во всѣхъ же, однако, я самъ и одинъ былъ виною, что оныхъ не избѣгъ: ибо по совѣсти не могу сказать, чтобы оныя были часто нападки злой судьбы. Къ оправданію или, лучше, къ утѣшенію моему, не нахожу иного сказать какъ: въ сихъ случаяхъ я былъ предопредѣленный турокъ.

Не умѣвши въ мое первое пребываніе въ Санктпетербургѣ составить порядочныхъ знакомствъ, въ теперешнее я и надежды уже не имѣлъ къ тому, ибо всякъ, бывалый въ столицахъ, знаетъ, сколько для бѣдняка трудно дѣлать знакомства съ порядочными людьми, которые обыкновенно, преобременены будучи своими собственными дѣлами, нуждами, весьма неохотно составляютъ новыя знакомства. Наоборотъ, сколько сіи трудны, столько ничтожныя, ведущія часто къ гибели, часты и легки; такъ что на пріобрѣтеніе знакомства одного порядочнаго человѣка иногда потребно нѣсколько мѣсяцевъ, ничтожныхъ же нѣсколько десятковъ составишь въ одинъ день, съ тою еще странностію, что въ первыхъ, кромѣ стараній, всегда открываются затрудненія, другія же безъ малѣйшихъ попеченій ладятся и будто сами собою клеятся, улаживаются. Все сіе случилося со мною самимъ, слѣдовательно, и извѣстно мнѣ изъ собственныхъ опытовъ. Чтобъ сблизиться съ почтеннымъ,

умнымъ, добрымъ землякомъ г-мъ майоромъ Вербицкимъ, при одобреніи меня ему стариннымъ его другомъ г. Адреянопольскимъ, я въ годъ не болѣе успѣлъ, какъ могъ только посѣщать его свободно, но удостоиться быть его приснымъ никакъ не могъ. Въ три года теперешнія моея жизни въ Санктпетербургѣ, кромѣ г. Вербицкаго и Фродинговъ, какъ моихъ по женѣ родственниковъ, я не имѣлъ почти никакого больше порядочнаго знакомства; но ничтожныхъ и устроившихъ мою погибель, точно не искавши ихъ, столько состроилъ, что перечесть всѣ было бы для меня немалымъ затрудненіемъ.

Сколько ни былъ я однако распутенъ, но прежніе опыты и офицерскій чинъ удерживали мое стремленіе безпутствовать попрежнему. Трактировъ, конечно, я не оставлялъ; ибо гдѣ же я могъ существовать? Но первое, я не бывалъ уже никогда въ самыхъ низкихъ, гдѣ всѣ подлости отправлялись; первокласcные рѣдко посѣщалъ, поелику они были не по моему карману; въ среднихъ велъ себя съ нѣкоторою пристойностію, занимаясь послѣ обѣда или коммерческими играми на небольшія деньги, или бильярдомъ, или бесѣдованіемъ съ знакомыми. Отъ... по жизни моей малороссійской отвыкши, не могъ уже никогда къ нимъ обратиться, чему не мало препятствовало и небольшое волокитство.

Сія ничтожная жизнь продолжалась почти чрезъ весь 1777 годъ, котораго послѣдній мѣсяцъ достопамятенъ по происшествію, доведшему меня до женитьбы. Человѣкъ не молодой, толстенькій, весельчакъ и довольно не дуракъ, имѣвшій прежде въ Санктпетербургѣ три каменныхъ дома, по художеству своему, какъ ювелиръ, знакомый съ лучшими домами, посему видѣвшій для себя лучшіе дни, къ концу пятаго десятка лѣтъ своей жизни, разными случаями обѣднѣвшій и почти потерявшій зрѣніе, кормился, адвокатствуя по маловажнымъ дѣлишкамъ, а вечера

провождалъ въ трактирахъ, куря табакъ, запивая пивомъ, иногда составляя партію въ пикетъ или калавріасъ. Сей человѣкъ, душа, можно сказать, нѣмецкія трактирныя бесѣды, по любезности своихъ свойствъ, полюбился мнѣ, какъ и я ему. Наканунѣ 1778-го года, засидѣвшись мы съ нимъ въ Рижскомъ, вздумали тутъ встрѣтить новый годъ чашею пунша, окончивши который и вышедши на улицу, услышали, что бьетъ два часа по полуночи. Я, имѣя квартиру далеко, невольно молвилъ: «Спать хочется, идти мнѣ не близко, я готовъ на улицѣ лечь». На сіе Фродингъ сдѣлалъ мнѣ самое, по времени, пріятное предложеніе у него ночевать, прибавивъ, что его квартира не далѣе 50 шаговъ. Жилище его было въ Валящевѣ домѣ, въ четвертомъ этажѣ, двѣ порядочныя горницы, наполненныя всякою домашнею нѣмецкою утварью, небогатою, но опрятною. Вошедши, хозяинъ сказалъ мнѣ, что жена его и дочь гостятъ у пріятеля подъ Невскимъ; приказалъ работницѣ приготовить на софѣ постель, въ которой я весьма покойно проспалъ до девяти часовъ утра. Вставши и позавтракавши довольно весело, я собирался домой; но, смотря на улицы, наполненныя праздничнымъ народомъ, раздумье мною овладѣло, что примѣтивъ хозяинъ предложилъ день провесть вмѣстѣ въ совершенной вольности. Работницѣ приказано готовить обѣдъ, а сами мы занялись пикетомъ. Въ продолженіи игры, какъ я сидѣлъ спиною ко двери и обратилъ все свое вниманіе въ карты, вдругъ является между нами молоденькая нѣмочка, которая, сдѣлавши весьма проворно два книксена, говоритъ Фродингу по нѣмецки: «Здравствуйте, любезный братецъ, гдѣ сестрица и Анхинъ»?—«О! это ты, Лорхинъ; поцѣлуй меня: откуда ты взялась»?—«Мы съ матушкой пріѣхали къ Леману, и она меня отпустила съ вами повидаться».—«Садись подлѣ меня, посмотри на нашу игру; не хочешь ли кофею? Вели сварить».—«Картъ я, любезный братецъ, не знаю;

а кофіемъ насъ у Лемана подчивали».—Въ продолженіи сего разговора, я, сложа карты, разсматривалъ гостью. Пятнадцатилѣтняя, бѣленькая, какъ фарфоръ, съ голубыми глазками дѣвочка, по малому росту довольно стройная, по взорамъ и всѣмъ движеніямъ истинная невинность, по бѣленькому англинскому съ зеленымъ тафтянымъ передникомъ платьицу, весьма опрятно одѣтая, рѣзвая и веселая по отвѣтамъ на братнины шуточки.

Мало еще тогда знавши нѣмецкой языкъ, я не вмѣшивался въ разговоры, но смотрѣлъ съ удовольствіемъ, и сердце, кажется, какъ бы сжималось во мнѣ. На меня глядѣла она безъ малѣйшаго замѣшательства. Побывши съ полчаса, она удалилась, обѣщавши на приглашеніе братнино чаще посѣщать.

По выходѣ ея, Фродингъ сказалъ мнѣ, что это меньшая его сестра отъ второго супружества отцовскаго, которыхъ всѣ три и одинъ братъ, теперь находящійся въ Остъ-Индіи; что изъ нихъ двѣ дѣвушки и ихъ мать живутъ у старшей замужней на Рукѣ.

Проведши день по сказанному, вечеромъ отправились мы въ трактиръ, гдѣ и разстались. Возвратясь домой, я съ удивленіемъ примѣтилъ, что дѣвушка появлялась частехонько въ моихъ мысляхъ; на другой день тоже. На третій день, увидавшись съ Фродингомъ, я завелъ рѣчь о моемъ у него гощеніи, и какъ пріятно провели мы время. Онъ, по истинной добротѣ своего сердца, пригласилъ меня снова у него ночевать, сказавши, что жена его и дочь еще не возвратились; я охотно принялъ его предложеніе. Ночь прошла по прежнему, но день не такъ.

Гостья не бывала; вечеромъ же, когда мы готовы были выдти, вдругъ явилась хозяйка съ дочерью, чѣмъ и остановлены мы на нѣсколько. Она, узнавши отъ мужа обо мнѣ, осыпала меня учтивостями за сотоварищество ея мужа; просила и при ней не преры-

вать онаго, вытребовала настоятельнѣйшее мое согласіе назавтрѣ же пить у нея кофій, все сіе изъяснила чистымъ русскимъ языкомъ, съ самыми свѣтскими пріемами.

Г-жа Фродингъ была женщина лѣтъ 40, здоровая, бѣлая, полная, живая, съ бѣглымъ взоромъ; дочь ея, брюнета лѣтъ 15-ти, при родителяхъ молчалива, но мимо ихъ рѣзвая до дерзости и огненная. На другой день, бывши на завтракѣ и обласканный болѣе ожиданнаго, я свелъ съ сею семьею тѣснѣйшее знакомство: съ моей стороны, кромѣ истиннаго удовольствія отъ сего знакомства, въ чаяніи увидѣться еще съ Лорхинъ, которую я не забывалъ; со стороны госпожъ, въ надеждѣ, которой я даже не подозрѣвалъ; со стороны добраго нѣмца, по чувствованію ко мнѣ искренней привязанности.

Посему я бывалъ въ семъ домѣ во всѣ часы дня, часто проваживалъ вечера и иногда ночевалъ. Мать и дочь, каждая для себя, были ко мнѣ весьма благосклонны, за что я платилъ небольшими, какъ водится, услугами, неважными и подарочками, недальнымъ иногда катаньемъ и пр. Такъ повелъ я мою жизнь въ началѣ 1778 года, хотя въ совершенной праздности и ничтожествѣ, но счастливъ тѣмъ, что нечувствительно отставалъ отъ трактировъ;.... же омерзѣли мнѣ до того, что уже у нихъ никогда не бывалъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней масляницы, г-жа Фродингъ пригласила меня непремѣнно у себя обѣдать, для пріѣхавшаго изъ Москвы ея брата, долженствовавшаго у нея тогда быть. Пріѣхавши ранѣе гостей, я имѣлъ удовольствіе найти тутъ любезную Лорхинъ, которая привѣтствовала меня, какъ знакомаго, сѣла подлѣ меня безъ чиновъ, стараясь войти со мною въ разговоръ; но по незнанію ею русскаго, а мною нѣмецкаго языка, бесѣдованіе шло болѣе на пантоминѣ. Хозяина не было дома, хозяйки занимались приго-

товленіями праздника, слѣдовательно, оставляя насъ въ совершенной свободѣ. Простосердечная живость и любезность собесѣдницы моей занимали меня весьма пріятно, чему особенно помоществовали неправильно выговариваемыя ею русскія, а мною нѣмецкія рѣченія. Она силилась мнѣ объяснять, и я довольно понялъ, что матушка отпустила ее въ городъ на всю масляницу къ брату, что она очень сему рада и что я долженъ въ это время учить ее говорить по русски; а она тоже бралась дѣлать для меня на своемъ языкѣ. Я тутъ на опытѣ узналъ, что любящіеся нѣмые могутъ другъ друга понимать. Въ самомъ жару нашея бесѣды, появился офицеръ, родомъ лифляндецъ, по названію Бауманъ, сослуживецъ и знакомый мнѣ еще въ полку. Съ перваго шагу я увидѣлъ, что онъ тутъ не чужой; хозяйка и дочь съ ласковостію пѣняли ему, что онъ давно у нихъ не бывалъ. Лорхинъ, дѣлая книксенъ, покраснѣла; онъ, сказавши мнѣ слова два, сѣлъ по другую сторону моея собесѣдницы и вмѣшался въ нашъ разговоръ. Выгода вся могла быть на его сторонѣ, поелику онъ заговорилъ по нѣмецки; но къ отрадѣ моей примѣтилъ я, что отвѣчали ему односложно и старались преимущественнѣе возобновлять прежній нашъ разговоръ. За обѣдомъ, послѣ обѣда, словомъ, весь день до десяти часовъ, я былъ въ полномъ удовольствіи, не взирая на Баумана, хозяйку и Анхинъ, завидовавшихъ сему сближенію.

По выходѣ изъ гостей, Бауманъ сдѣлалъ мнѣ странное предложеніе быть у Лорхинъ его стряпчимъ, открывшись при томъ, что онъ уже около года въ нее влюбленъ, но сказать того ей не умѣлъ. Сколько мнѣ ни извѣстна была его ограниченность, но подобная искренность заставила меня сказать ему сухо, что не только не могу быть его помощникомъ въ соблазненіи сея невинности, а постараюсь всевозможно до того не допустить. На сіе Бауманъ увѣрялъ меня,

что онъ хочетъ имѣть ее женою и что онъ, по просту сказать, дѣлаетъ меня сватомъ. По нѣсколькихъ переговорахъ, я согласился сдѣлать ему угодное, не даючи слова успѣть, хотя и искренно думалъ поступить въ семъ случаѣ честно: ибо соблазнять ее душа моя сопротивлялась, а жениться на ней все запрещало. И такъ я думалъ повесть сіе дѣло со всею честностію, хотя на повѣрку совсѣмъ вышло другое.

Съ русской до нѣмецкой масляницы видаясь ежедневно, мы такъ сладились съ Лорхиною, что уже умѣли не только другъ друга понимать, но и довольно занимательно для себя дѣлили наше время. Послѣ нѣмецкой масляницы, ѣдучи на Руку, обѣщала она мнѣ возвратиться къ воскресенью и слово свое сдержала. Старая и молодая Фродинги не очень были симъ довольны; но я умѣлъ всѣхъ успокоить, и любезная Лорхинъ прожила съ нами сряду двѣ недѣли. Въ сіе время я заговаривалъ нѣсколько разъ о Бауманѣ, правда, слегка; отзывы, однакоже, были для него весьма неблагопріятны, а можно сказать, съ моей стороны приступы не очень настоятельны. За симъ воспослѣдовавшее отбытіе на Руку было продолжительно, и я, оставшись во власти госпожъ Фродинговъ, претерпѣлъ насиліе отъ старой и едва отдѣлался отъ молодой, разумѣется, подстрекаемый бѣсомъ плоти.

При возвращеніи Лорхины, роля моя стала самая трудная: она, съ истинною невинностію ко мнѣ прилѣпленная, старуха ненасытимая, молодая наглая, не оставляли мою душу ни на часъ въ покоѣ. Тогда я вздумалъ было нешуточно сдѣлаться сватомъ: началъ чаще говорить о Бауманѣ, открылъ его намѣреніе госпожѣ Фродингъ, обѣщавшей съ радостію сему помогать; сказалъ слегка о томъ же Анхинѣ, но самому Фродингу ни слова. Отъ сего дано мнѣ болѣе свободы уединяться съ Лорхиною; не стали за нами примѣчать, и я, въ одинъ вечеръ, будучи съ нею

глазъ на глазъ, открылъ ей важное намѣреніе Баумана, пересказалъ его состояніе и силился всевозможно внушить ей выгоды отъ супружества съ нимъ.

Я витійствовалъ о семъ довольно долго, сидя на канапе; она предо мною стояла, не прерывая меня ни однимъ словомъ, и, когда я былъ въ самомъ жару разглагольствованія, вдругъ вижу, она бросается ко мнѣ и, обхватя крѣпко мою шею своими ручонками, удушаемая рыданіями, съ нуждою выговариваетъ: «Ахъ! Я думала, вы меня себѣ берете». Болѣе сего она не могла и слова вымолвить; и я, пораженный сими милыми реченіями, какъ заклинаніемъ, онѣмѣлъ, оставшись въ совершенномъ безчувствіи на нѣсколько минутъ. Видя ее неутѣшно плачущую, я приложилъ все мое стараніе ее успокоить, но тщетно; самое мое обѣщаніе не говорить болѣе о Бауманѣ нисколько не помогало: она плакала и молчала, съ чѣмъ я ее и оставилъ. Вышедши изъ дому, хотя былъ уже десятый часъ ночи, и бродя по улицамъ, я чувствовалъ страшную и никогда еще мною неиспытанную внутреннюю борьбу: голова моя сколько ни была пуста, умѣла однако себѣ довольно ясно представить всю несообразность для меня супружества; сердце же, при всемъ своемъ развратѣ, весьма сильно заступалось за любезную, предначертывая тысячи удовольствій отъ соединенія съ невинностію; словомъ, кто-то умнѣе меня, будто подслушавши, написалъ, гораздо мое бореніе:

Разсудокъ мнѣ велитъ:
Себя ты не губи;
А сердце все твердитъ:
Пожалуй, другъ, люби.

Пробродивши за полночь, казалось, удалая взяла верхъ; и, положивши, какъ бы умненько отдѣлаться, я пошелъ спать къ себѣ на квартиру, не бывавши уже въ ней болѣе недѣли. Проснувшись, голова и

сердце продолжали ссориться, и я чувствовалъ, что удалая слабѣетъ. Намѣреніе, наканунѣ родившееся, чтобы по меньшей мѣрѣ три дня не быть, подкрѣпляемое тогда благоразуміемъ, по утру нашлося почти совершенно изъ мозгу вытѣсненнымъ. Сердце предложило благовидное посредство: увидѣться еще единожды, для того единственно, чтобы успокоить страждующую хотя отдаленною какою-нибудь надеждою и потомъ исподволь приготовить себѣ отступленіе.

Страдалицу нашелъ я точно въ жалкомъ положеніи: она приготовлялась ѣхать къ матери и осталась, по ея словамъ, только для того, чтобы меня еще увидѣть. Признаюсь, что любви къ ней такой, какъ описываютъ ее въ книгахъ, или какъ выдаютъ въ людяхъ, я точно не имѣлъ, ежели не почесть того за любовь, что я желалъ бы съ нею быть, хотя непрестанно, ласкать и быть ласкаемому, дѣлать ей все угодное, особенно удовлетворять ея нужды или прихоти и пр., что я бы охотно дѣлалъ даже для моего любимаго друга; но видѣть ее скорбящую, плачущую, сіе выталкивало меня изъ моего обыкновеннаго положенія, и я искренно готовъ былъ тогда всѣмъ жертвовать, чтобы только утѣшить страждующую, особенно же не быть виною ея страданій. Успокоивая, неминуемо я просилъ остаться хоть отобѣдать, получивши на что согласіе, само собою разумѣется, что я не жалѣлъ ни ласканій, ни обнаруживаній. Такъ усиливая болѣе и болѣе мои ласки, я нечувствительно становился самъ нѣжнѣе; и когда во изліяніи своея души, съ истиннымъ ангельскимъ простосердечіемъ, пересказывала она мнѣ постепенность ощущеній своего сердца, я, не властенъ будучи удержать движенія моего сердца, прижавъ ее къ моей груди, сказалъ:—«Будь, Лорхинъ, покойна; я обѣщаюсь быть вѣчно твоимъ».

Сей вечеръ былъ, можетъ быть, одинъ изъ сладостнѣйшихъ въ моей жизни. Поѣздка на Руку отмѣ-

нена до утра; утро снова отдалилось до другого. И такъ цѣлую недѣлю мы наслаждались другъ другомъ, болѣе во взаимномъ сообщеніи нашихъ душъ, нежели въ пріисканіи средствъ оныя упрочить. Занятые совершенно собою, мы забыли осторожность, и потому хозяйка очень легко открыла наше согласіе и не преминула тотчасъ воздвигнуть на насъ гоненіе. Женщина, озлобленная потеряніемъ того, что льстило ея тщеславію или насыщало ея любострастную прожорливость, превращается въ самаго лютаго дьявола и, въ недостаткѣ способовъ мучить ненавидимый предметъ, пущается въ мелочныя, подлѣйшія притѣсненія. Такъ преобременивъ бѣдную Лорхинъ самыми обидными ругательствами, почти выгнала изъ дому братняго и, не удовольствовавшись еще тѣмъ, успѣла на Рукѣ воздвигнуть страшную противъ ея бурю. Гнусный зять и злая старшая сестра, враги заклятые всему русскому, не поскупились ни словами, ни дѣяніями, могущими терзать чувствительную душу. Въ семъ для любви нашей безвременьѣ, при семъ семейственномъ недоброхотствѣ, знать, средняя сестра и братъ Фродингъ одни были наши друзья. Матери, старушкѣ за 70 лѣтъ, по счастію я понравился; сестра находила меня сноснымъ; братъ, казалось, еще усилилъ свою ко мнѣ любовь. Но сообщенія наши, даже свиданія, по злобѣ госпожъ Фродингъ, стали весьма затруднительны; такъ что, для выполненія нашихъ жарчайшихъ взаимныхъ желаній, мы принуждены были искать посторонней помощи и къ счастію, живши въ томъ же домѣ нѣмецкаго парикмахера Буши, убогая комната сдѣлалася нашимъ пристанищемъ. Бывавши по нѣскольку часовъ ежедневно съ глазу на глазъ, молодые любящіеся неотмѣнно пройдутъ по любовной дорогѣ гораздо далѣе всѣхъ строгихъ заповѣдей нравственности...

Люди привыкли говорить о дѣвицахъ: невинна, невинность, до ихъ замужества. Но, входя въ раз-

сматриваніе сего обыкновенія, я скажу: ежели невинность принимается за одно съ цѣломудріемъ, то честная жена съ умнымъ мужемъ по смерть свою можетъ пребыть невинною. Такъ писали и представили много важныхъ доказательствъ примѣрами славные писатели. Я, не знавшись тогда еще съ подобными сочинителями, по моему, можетъ быть, внутреннему побужденію, ненарочно набрелъ на правила, которыя оправдали напослѣдокъ сіе мнѣніе.

Жена моя, воспитанная въ бѣдномъ, но честномъ нѣмецкомъ семействѣ, подъ неизмѣннымъ назираніемъ матери, не знавшая не только русскихъ нравовъ, ниже ихъ разговора, плохо читавшая на своемъ языкѣ, а писать почти не умѣвшая, доставшись мнѣ почти 15-ти лѣтнею, точно была дщерь природы. По счастію, я самъ, хотя всесовершенно распутству преданный, никогда не могъ терпѣть женщинъ похабныхъ и никакъ не пріучилъ себя, чтобы обходиться съ ними безстыдно. Отъ сего, съ самаго начала, примѣтивши въ любезной Лорхинъ безпримѣрную стыдливость, я не только не попекся ее истребить, но приложилъ напротивъ все мое стараніе ее питать и поддерживать, сколько можно долѣе. И я могу безъ хвастовства утверждать, что жена моя, проживши со мною 14 лѣтъ, родивши 9 дѣтей, отошла въ вѣчность, не осквернивъ ни сердца своего, ни головы никакими мерзостями.

Женитьба моя, составленная безъ всякихъ видовъ и цѣли, не учинила въ моей жизни нисколько значущей отмѣны, кромѣ того, что я началъ имѣть квартиру покойнѣе, ежедневный свой обѣдъ. Впрочемъ, я жилъ попрежнему, т. е. проводилъ всѣ дни въ совершенномъ бездѣліи; вечера же въ трактирѣ, не думая нисколько о будущемъ. Такъ безпечно спущался я къ роковому перевороту моей жизни.

Приближившись теперь къ самому важному приключенію моея жизни, т. е. къ роковому перевороту,

чрезъ который сталъ выгнанъ изъ общества, лишенъ всего моего и, можно сказать, живой погребенъ, принужденнымъ нахожуся нѣсколько отступить въ моемъ повѣствованіи, для показанія бѣдственныхъ случаевъ споспѣшествовавшихъ моему злополучію.

Неосторожность въ знакомствахъ.

Во вторичный мой пріѣздъ въ Санктпетербургъ, хотя по возможности остерегался я опасныхъ знакомствъ, но по врожденной мнѣ вѣтренности и легкомыслію, удаляясь людей только явно извѣстныхъ порочными, неоглашенныхъ же, особенно ласковыхъ, тихихъ, добрыхъ никогда не обѣгалъ; а еще меньше разсматривалъ, полезно ли мнѣ ихъ знакомство и какія могутъ быть отъ того послѣдствія.

Лѣтомъ 1777 года, въ Рижскомъ трактирѣ нечаянно я столкнулся съ однимъ иностранцемъ, котораго также случайно одинъ разъ видѣлъ я назадъ лѣтъ пять. Сей странный человѣкъ, изъ рода нѣмецкихъ израильтянъ, во время бытности нашея арміи въ Пруссіи, присталъ тамъ къ провіантскимъ дѣламъ, по которымъ, при возвращеніи арміи въ Россію, пріѣхалъ онъ въ Санктпетербургъ для счетовъ и для полученія, какъ увѣрялъ, съ казны должныхъ ему знатныхъ суммъ. Въ первое мое съ нимъ свиданіе, я видѣлъ его съ ногъ до головы въ бархатѣ и золотѣ, посыпающаго въ трактирѣ червонцами и поливающаго шампанскимъ. Что онъ имѣлъ деньги, сіе можно было заключить и изъ того, что вербовщиками, вызывавшими въ Россію на поселеніе колонистовъ, онъ принятъ былъ въ компанію, и что въ Саратовскомъ уѣздѣ былъ подрядчикомъ для построенія поселенцамъ жилищъ, гдѣ однакоже, притѣсненный начальствовавшимъ тогда надъ колоніями Рязановымъ, пріѣхалъ въ Санктпетербургъ съ нимъ тягаться. Какъ иностранецъ и мотъ, не долго онъ праздничалъ; на-

личныя, сколько было у него, и претензія скоро разбрелись по міру, и въ теперешнее мое съ нимъ свиданіе, вмѣсто бархату, онъ былъ одѣтъ въ сѣренькомъ байковомъ ветхомъ сюртукѣ, а проживаніе имѣлъ при особѣ пожилой нѣмецкой, Куленгрёбенъ.

Ежели бы врожденная ему безотвязность была нѣсколькими степенями поменьше, свиданье сіе ускользнуло бы въ пучину забвенія, какъ и многія другія. Но нѣтъ: судьбѣ угодно было, чтобы сей человѣкъ прицѣпился ко мнѣ нешуточно, и чтобъ я на ту пору былъ податливѣе обыкновеннаго, такъ что, проводивши въ самомъ пустошномъ бесѣдованіи болѣе двухъ часовъ, я долженъ былъ согласиться пройти съ нимъ до его квартиры, остаться у него ужинать и ночевать. Страннѣе всего, что сей человѣкъ, никогда мною не только не любимый, едва терпимый, съ которымъ я никогда никакого дѣла не имѣлъ, съ перваго дня знакомства почти всегда былъ въ моихъ глазахъ до самыя его смерти.

Шатаясь непрестанно по всему Петербургу, навязываясь всякому встрѣчному и поперечному, можно утвердительно сказать, что его знали люди изъ всѣхъ состояній, отъ сенаторовъ и генераловъ до блинниковъ. Знакомцами своими онъ весьма не скупился и ссужалъ ими всякаго при первомъ свиданіи. Посему неудивительно, что и на мою долю досталося ихъ изрядное количество. Изъ всѣхъ, однако, чрезъ него знакомцевъ, одинъ Леонтій Петровичъ Соколовъ остался не только въ памяти, но навсегда и въ моемъ сердцѣ, какъ добрѣйшій изъ всѣхъ моихъ вообще знакомыхъ и какъ невинная вина моего несчастія.

Сей человѣкъ, при тщательнѣйшемъ его разсматриваніи, могъ бы, можетъ быть, послужить образцомъ чистѣйшія природныя нравственности. Онъ родился отъ приказнаго въ царствованіе Анны; слѣдовательно воспитанія по тогдашнимъ временамъ не могъ имѣть иного, кромѣ грубаго и суевѣрнаго. Съ

юнѣйшихъ лѣтъ посаженъ въ приказъ, гдѣ продолжалъ неизмѣнно свое служеніе до 1780 года; посему нельзя было ему воспользоваться посторонними наставленіями. Здравымъ, что называется, разсудкомъ надѣленъ былъ достаточно; память имѣлъ удивительную. Живши безъ выѣзда изъ Петербурга, всѣ происшествія отъ временъ Анны пересказывалъ съ довольною точностію; разумѣется, какъ оныя къ нему доходили. Говорилъ просто, ясно и занимательно. Качества сердца его виднѣйшія были: самый кроткій нравъ, человѣколюбіе, состраданіе и безкорыстіе. Сіе послѣднее до такой степени было возвышено, что онъ, бывши 20 лѣтъ секретаремъ и болѣе 10 лѣтъ старшимъ въ статсъ-конторѣ, не только не устроилъ своего счастія, но былъ всегда въ весьма посредственномъ состояніи.

Не бывши ни игрокъ, ни мотъ, ни пьяница, покажется неимовѣрнымъ, чтобы онъ не имѣлъ хотя малѣйшаго въ такомъ мѣстѣ дохода; имѣлъ и употреблялъ его на благотвореніе бѣднымъ, изъ которыхъ нѣсколько семействъ точно существовали имъ. Сдѣлавшись съ нимъ душевно знакомымъ, я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ находящихся подъ его покровительствомъ. Они не были обыкновенные нищіе, а люди честные, семейные, разными ударами судьбы низвергнутые въ бѣдность. Благотворенія сіи производилъ онъ такъ скромно, что многіе изъ облагодѣтельствованныхъ даже не знали имени своего благодѣтеля. Я часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ онъ отдавалъ бѣдному послѣдній рубль изъ кармана, тогда какъ дома у него одной копѣйки не оставалось; словомъ, сей Соколовъ, по благороднымъ качествамъ души, особенно по благотворительному своему сердцу, былъ достоинъ гораздо иной участи, нежели какая его постигла.

Съ перваго дня нашего знакомства онъ мнѣ очень понравился, и, повидимому, я ему также полюбился;

ибо мы съ нимъ скоро сдѣлались самыми искренними друзьями. Онъ жилъ на Васильевскомъ острову, я же у Семеновскаго мосту, но сіе дальнее разстояніе не препятствовало намъ видаться весьма часто. При свиданіяхъ нерѣдко сообщалъ онъ мнѣ случившіяся по присутственнымъ мѣстамъ происшествія, изъ коихъ одно, какъ основаніе моего злоключенія, помѣщаю здѣсь.

Въ началѣ весны 1779-го года, поручики: Вологодскаго полку Кашинцовъ, Санктпетербургскаго драгунскаго Волковъ, отставной статсъ-конторы архиваріусъ, коего имени не упомню и бѣглый канцелярістъ Полозовъ, люди болѣе, нежели моты, перебравъ всѣ возможные роды обмановъ и оборотовъ, задумали короновать свое распутство явнымъ злодѣяніемъ, т. е. кражею государственной казны.

Планъ сего хищенія расположенъ весьма замысловато, успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію; но пьянство все открыло. Архиваріусъ, хотя и отставной, чрезъ своихъ знакомыхъ между приказными статсъ-конторы узнавши, что въ ревельской губернской канцеляріи хранятся суммы, отчисленныя для экстраординарныхъ иностранной коллегіи расходовъ, предложилъ Кашинцову похитить изъ нихъ нѣкоторое количество чрезъ посредство ложнаго отъ статсъ-конторы повелѣнія, дабы выдать, яко посылаемому за границу курьеру. Для сего составили они ложный въ ревельскую канцелярію указъ, подписались подъ руки присутствующихъ, запечатали выкраденною изъ статсъ-конторы печатью и, назвавъ Кашинцова съ выдуманнымъ прозвищемъ курьеромъ, отправились трое на почтовыхъ въ Ревель, гдѣ и получили 5 тысячъ рублей серебромъ. Хищеніе, столь искусно произведенное, укрыть, однакоже, имъ не удалося. Самъ Богъ, видно, ихъ попуталъ: ибо они, вмѣсто удаленія изъ Ревеля, зашли въ трактиръ пировать, пить, играть и, такъ проведши день и ночь, по утру пустились

къ Петербургу на почтовыхъ же, но съ настоящими уже ихъ прозвищами. Дорогою на одной станціи произвели ссору и драку; въ Ямбургѣ еще день прображничали.

Между тѣмъ донесеніе изъ ревельской канцеляріи о выдачѣ 5 тысячъ рублей съ нарочнымъ отправлено къ графу Панину; сей, справясь съ статсъ-конторою и увидѣвши подлогъ, тотчасъ о томъ сообщилъ генералъ-полиціймейстеру; а отъ сего чрезъ посланныхъ немедленно открылось все мошенничество, и плуты, подъѣзжая въ Петербургѣ къ своей квартирѣ, какъ бы къ пущему своему обличенію, обронили изъ повозки мѣшокъ серебряныхъ денегъ. Тотчасъ взяты они подъ стражу и преданы суду: денегъ не успѣли они промотать болѣе 400 руб.; происшествіе скоро стало всему Петербургу извѣстнымъ и скоро же, по обыкновенію большихъ городовъ, забытымъ.

Въ половинѣ іюля Соколовъ, увидясь со мною, за секретъ сказалъ мнѣ, что дѣло Кашинцова генералъ-полиціймейстеромъ совсѣмъ было приведено къ концу и докладъ былъ уже поднесенъ; но князь Вяземскій, озлобившись, что дѣло сіе мимо его прошло, сдѣлалъ отъ себя императрицѣ представленіе, дабы слѣдствіе о семъ произвесть обстоятельнѣе, т. е. передопросить виновныхъ, не дѣлали ль они, или не знаютъ ли кого дѣлавшихъ, или намѣревающихся учинить вообще какія преступленія? На сіе воспослѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе объ учрежденіи при Сенатѣ секретной комиссіи о Кашинцовѣ и его сообщникахъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ князя Вяземскаго. Сіе извѣстіе не болѣе на меня подѣйствовало, какъ и первое; ибо я, не имѣя ничего общаго ни съ Кашинцовымъ, ни съ комиссіею, пропустилъ все мимо ушей.

Въ августѣ отъ Соколова же слышалъ я, что комиссія уже открылась въ крѣпости, что преступники перевезены ночью туда же; что главный въ ней—

любимецъ князя Вяземскаго, оберъ-секретарь Терскій; что въ равелинѣ св. Іоанна, въ казематахъ, съ великою поспѣшностію строятъ много чулановъ; что кромѣ Кашинцова и его товарищей взято уже въ комиссію еще нѣсколько людей, касательно банка. Обо всемъ я слушалъ весьма равнодушно.

Въ сентябрѣ глухо начали поговаривать о сей комиссіи въ городѣ; догадывались, что открытъ важный заговоръ: ибо по строгости съ подсудимыми и по приготовленіямъ чулановъ не другое что могли заключать. Къ концу сентября и въ началѣ октября, стали люди видимо пропадать; иной, поѣхавши въ гости, остался тамъ навсегда; другой, позванный къ своему генералу, исчезъ невидимо; изъ гвардейскихъ полковъ многіе—въ безъизвѣстную команду.

8-го октября Соколовъ, пришедши ко мнѣ вельми туманенъ, пересказывалъ, что въ крѣпость уже множество натаскано; что банковый судья Адамовичъ, при смерти больной, стережется въ своемъ домѣ весьма строго; что жена его и зять взяты въ крѣпость; что, ежели кто только отъ подсудимыхъ именованъ, тотъ непремѣнно назначается въ крѣпость. Такъ настращавши меня, онъ ушелъ. Я же умствовалъ: «Мнѣ бояться нечего; въ банкѣ я долженъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ подъ законный залогъ; съ судьею, его женою и зятемъ, ниже съ кѣмъ-либо то ни было, совершенно незнакомъ; слѣдовательно, комиссія эта меня не коснется».

На другой день приходитъ ко мнѣ весь въ слезахъ, добраго моего сосѣда, офицера Брещинскаго, слуга.—«Что ты, Ѳедоръ?»—«Ахъ, сударь, баринъ мой пропалъ!»—«Какъ?»—«Вчера по утру пріѣзжалъ за нимъ нашего генерала Салтыкова аудиторъ; они съ нимъ поѣхали; я ожидалъ его къ обѣду, къ вечеру: не бывалъ! Бѣгалъ къ генералу на домъ,—не знаютъ; былъ у всѣхъ его знакомыхъ: нигдѣ не видали и не слыхали. Ахъ, сударь, навѣдайтесь вы; не

узнаете ли чего-нибудь?»—«Хорошо, мой другъ, я иду со двора, постараюсь». А между тѣмъ самъ думаю: «Чортъ возьми навѣдыванье; какъ бы самого не зацѣпили: не лучше ли отъ этого штурму куда-нибудь уклониться? но какъ оставить жену? Куда ѣхать? И съ чѣмъ ѣхать?» Невольное раздумье и глупое надѣяніе удерживали меня въ моей безпечности.

12-го, очень рано поутру, пошедши нарочно къ Соколову навѣдаться о дальнѣйшихъ движеніяхъ комиссіи, нашелъ весь его домъ въ слезахъ и сѣтованіи; онъ въ ту ночь былъ взятъ и увезенъ. Болтнувши нѣсколько словъ скорбящимъ во утѣшеніе, я поторопился оставить сіе плачевное мѣсто и, идучи съ сжатымъ сердцемъ обратно въ городъ, разсуждалъ: «Соколова взяли; по одному наименованію берутъ; немудрено и мнѣ быть взяту». Вдругъ мысль родилась уѣхать къ Бауману въ Вольмаръ. Денегъ нѣтъ; иду занять у женина брата; за подорожною дѣло не стало бы. На бѣду Седерстремъ самъ на тотъ разъ былъ безъ денегъ, но обѣщалъ къ утру непремѣнно снабдить 50 рублей.

Мучимый нѣжностью къ женѣ, оставленной мною безъ всякаго призрѣнія, страхомъ быть захваченнымъ въ крѣпость, нетерпѣніемъ исполнить задуманное путешествіе и неизвѣстностію успѣха, я въ сей день сумрачный бродилъ по улицамъ, никуда не заходя и ничего не ѣвши. Когда уже настала самая темнота, т. е. въ пять часовъ, пришелъ я домой; старался казаться спокойнымъ, принимался шутить, но змія грызла мое сердце, и я никакъ не могъ скрыть моея мрачности. Въ 7 часовъ обыкновенно уходилъ я каждый вечеръ въ трактиръ; жена, видя, что я не собираюсь, спросила меня: развѣ я не выхожу?—«Нѣтъ, мой другъ, темно, грязно; останусь лучше дома». Во всякое время сіе было бы ей пріятнѣйшимъ подаркомъ; въ сей вечеръ она старалась меня уговорить выдти изъ дому. Но я упорно оставался; сидѣлъ, грустилъ,

какъ бы ожидая приговору; словомъ, часъ мой ударилъ: ковшикъ горечи поднесли, надобно было выпить.

Въ 9 часовъ послышался стукъ въ передней. Я, сидя противъ отворенной зальной двери, гдѣ не было огня и увидѣвъ блеснувшія пуговицы, пошелъ освѣдомиться, кто тутъ? Человѣкъ, стоявшій въ тѣни, беретъ мою руку и говоритъ тихо: «Чтобъ не испугатъ Елеонору Карловну, я скажу, что заѣхалъ звать тебя на вечеринку,—потомъ громко:—а я тебя вездѣ искалъ, былъ въ двухъ трактирахъ, да вздумалъ и сюда заѣхать, чтобъ взять тебя къ Ульрихшѣ». Сіе нашей части полицейской офицеръ Лихтенбергъ, намъ знакомый и иногда у насъ бывавшій. Жена моя, встревоженная, удерживаетъ меня: «Какъ, теперь поздно: извощика не найдешь». Офицеръ отвѣчаетъ: «У меня карета; пожалуй, проворнѣе поѣдемъ».—«Надобно одѣваться?»—«Что за одѣванье. Довольно сюртука». И такъ, торопливо накинувши сюртукъ, обнявши милую невинность, вышелъ я на улицу, гдѣ увидѣлъ карету, четвернею запряженную и двухъ верховыхъ. Спрашивать было не о чемъ; сажусь молчаливо. Лихтенбергъ, подлѣ меня, велитъ ѣхать къ оберъ-полиціймейстеру. Помолчавши довольно, спрашиваю: «Не знаешь ли за чѣмъ?»—«Право не знаю».—«Вѣрно въ крѣпость?»—«Пустое!»—Пріѣзжаемъ къ дому, входимъ въ комнаты, гдѣ Петръ Васильевичъ Лопухинъ говоритъ: «На васъ есть просьба, можетъ быть и пустошная, но до утра вамъ надобно остаться въ полиціи». Потомъ даетъ знакъ майору; сей приглашаетъ меня съ собою. Сходимъ внизъ, садимся въ ту же карету, и черезъ четверть часа я помѣщенъ въ офицерской караульнѣ. Капитанъ случился знакомый.—«Ахъ, братъ, и ты попалъ! Уже довольно на моемъ караулѣ отвезено; да и теперь никакъ человѣка три здѣсь ночуютъ». Съ горя велѣли растворить чашу пуншу, испили поря-

дочно и уснули довольно крѣпко. На самомъ разсвѣтѣ спросили меня въ верхъ. Тутъ г. Лопухинъ ожидалъ только меня, и коль скоро я показался, сказалъ: «Пойдемъ». Онъ впередъ, а я за нимъ; за мною еще нѣсколько, и такъ на улицу къ Мойкѣ, тамъ—въ ожидающую насъ шлюпку. Коль скоро мы помѣстились: «отваливай», сказано, «какъ и вчера!» Мойкою выбравшись на Неву, шлюпка прямо начала держать къ крѣпости и пристали къ Невскимъ воротамъ.

Вошедши въ крѣпость, пришли въ комендантской домъ, миновали гауптвахту, оставили въ правой рукѣ церковь. И такъ подвели насъ къ западнымъ деревяннымъ воротамъ, вводящимъ въ равелинъ св. Іоанна. Запертыя ворота нескоро отворили и впустили насъ въ пространный, сколько можно было видѣть, треугольникъ, посрединѣ котораго находилось продолговатое деревянное строеніе. Тутъ опять насъ остановили, а г. Лопухинъ пошелъ въ домъ.

Домъ сей не имѣлъ ничего замѣчательнаго съ наружности, кромѣ большой парусинной занавѣски, которая закрывала его сѣни. Чрезъ нѣсколько минутъ поднялась занавѣсь, и намъ велѣно взойти. Коль скоро стали мы предъ сѣньми, занавѣсь опустилась, а дверь отворилась, чрезъ которую видѣнъ былъ довольно длинный коридоръ, освѣщенный фонаремъ. Приведши насъ нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, справа отворили дверь, и мы очутились довольно въ свѣтлой горницѣ предъ человѣкомъ порядочно одѣтымъ и недурного лица. Онъ, перекликавши насъ четверыхъ, сказалъ съ нѣкоторою живостію: «Теперь извольте идти къ мѣсту».

Вышедши въ коридоръ, мы тутъ увидѣли образину человѣка самаго скареднаго, нѣтъ не человѣка, а истиннаго стараго сатира, котораго на ту пору голова обвернута была бѣлою окровавленною тряпкою.

Такъ мнѣ показалося; а въ самомъ дѣлѣ онъ отъ головной боли привязалъ себѣ на лобъ клюквы. Велѣвши за собою слѣдовать, онъ вывелъ насъ передъ домомъ, разставилъ всѣхъ четверыхъ врознь лицами, пошепталъ нѣчто солдатамъ своимъ, вымолвилъ: «пошелъ!» и мнѣ приказалъ за собою слѣдовать. Идучи отъ дому, я глядѣлъ и ничего не видѣлъ, кромѣ каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ, съ рѣдкими въ нихъ дверцами и малыми окошечками. Подаваясь все впередъ, приближились ко въѣзду на стѣну. Я не зналъ, что о семъ помыслить, какъ красноголовый мой повернулъ влѣво, въ самомъ углу отперъ небольшую дверь, вошелъ въ нее самъ и меня ввелъ. Вступя въ сіе мѣсто, я увидѣлъ огромный со сводами во всю ширину стѣны погребъ или сарай, освѣщаемый однимъ маленькимъ окошечкомъ. Не успѣлъ я, такъ сказать, оглянуться, какъ услышалъ: «Ну, раздѣвайте!» Съ симъ словомъ чувствую, что бросились растегивать и тащить съ меня сюртукъ и камзолъ. Первая мысль: «Ахти, никакъ сѣчь хотятъ!» заморозила во мнѣ кровь; другіе же, посадивъ меня на скамейку, разували; иные, вцѣпившись въ волосы и начавши у косы разматывать ленту и тесемку, выдергивать шпильки изъ буколь и лавержета, заставили меня съ жалостью подумать, что хотятъ мои прекрасные волосы обрѣзать. Но, слава Богу, все сіе однимъ страхомъ кончилось. Я скоро увидѣлъ, что съ сюртука, камзола и исподняго платья срѣзали только пуговицы; косу мою заплели въ плетешокъ; деньги, вещи, какія при мнѣ находились, верхнюю рубаху, шейный платокъ и завязку—все у меня отняли; камзолъ и сюртукъ на меня надѣли. И такъ, безъ обуви и штановъ, повели меня въ самую глубь каземата, гдѣ, отворивши маленькую дверь, сунули меня за нее, бросили ко мнѣ шинель и обувь, потомъ дверь захлопнули и потомъ цѣпочку заложили.

Въ тюрьмѣ заключеніе.

Видя себя въ совершенной темнотѣ, я сдѣлалъ шага два впередъ, но лбомъ коснулся свода. Изъ осторожности простерши руки вправо, я ощупалъ прямую мокрую стѣну; поворотясь влѣво, наткнулся на мокрую скамью и, на ней сѣвши, старался собрать разсыпавшійся мой разсудокъ, дабы открыть, чѣмъ я заслужилъ такое неслыханно-жестокое заключеніе. Умъ, что называется, заходилъ за разумъ, и я ничего другого не видалъ, кромѣ ужасной бездны золъ, поглотившей меня живого.

По прошествіи, можетъ быть, четверти часа, слышно стало, что подходятъ крадучись къ моему чулану, отпираютъ дверь, и я увидѣлъ лысаго солдата, который со свѣчею въ рукахъ началъ чего-то искать по полу. «Скажи, мой другъ, за что меня заперли?» Молчитъ.—«Кто здѣсь судьею?» Ни слова.—«Развѣ ты не русской?» Нѣтъ отвѣта. Не имѣвши еще времени быть усмиреннымъ, схватываю его за ухо больно небрежно: «Ты, видно, нѣмой?» И онъ, сердечушко, благимъ голосомъ завопилъ: «Шалишь, хозяинъ!» На сей вопль прибѣжали еще двое солдатъ и унтеръ, который сказалъ грозно: «Не забіячь, баринъ; здѣсь келья—гробъ, дверью хлопъ».—«Да что же онъ мнѣ не отвѣчалъ? Я офицеръ».—«Здѣсь ты хозяинъ, и коли станешь забіячить, то уймутъ; а баять здѣсь не велятъ». Сказавши это, дверь захлопнули и цѣпь наложили.

Хотя я снова остался въ темнотѣ, но и кратковременное освѣщеніе начертало весьма явственно всю гнусность и ужасъ моея темницы. Въ мокромъ, смрадномъ углу загороженъ хлѣвъ досками, на пространствѣ двухъ съ половиною шаговъ, въ которомъ добрый человѣкъ пожалѣлъ бы и свиней запирать. Кто же были сіи люди, задумавшіе и устроившіе подобныя убивственныя узилища для своихъ братій,

людей же, хотя бы и преступныхъ? Ближайшій вельможа, вѣрнѣйшій исполнитель повелѣній премилосердыя Екатерины, провозгласившей торжественно во весь свѣтъ: «Лучше оправдать десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго». А тутъ и сотни невинныхъ, которымъ не объявлено даже за что они воровски похищены изъ своихъ жилищъ и, прежде всѣхъ вопросовъ и сужденій, преданы уже наитягчайшему тюремному наказанію.

Въ первые три дня моего заключенія, я никакъ не могъ настроить свою голову ниже къ малѣйшему порядочному сужденію. Непрестанное воображеніе убійственнаго узилища, гробовая темнота и тишина, прерываемая иногда шептаніемъ стражей, весьма похожихъ на ползаніе гадкихъ насѣкомыхъ, неизвѣстность теченія времени, сердечная скорбь о милой, навѣрно страждущей супругѣ, лишеніе всего и безъ надежды когда-либо быть между своими: все сіе, одно съ другимъ непрестанно сталкиваясь и одно другое неизмѣнно запутывая, производило въ головѣ моей ужасную бурю, а въ сердцѣ мертвенное отчаяніе.

Но всему свое время, какъ и конецъ. Обуреванія моей души въ третій день нѣсколько утишились; волненіе крови отъ трехдневнаго поста уменьшилося, мысли начали собираться и улаживаться порядкомъ.

Позабылъ я сказать, что еще въ первый день, унтеръ, ставши предо мною и показывая мнѣ пятикопѣшникъ, сказалъ: «Государыня жалуетъ тебѣ на кормъ. Что велишь купить?»—«Ѣшь самъ». Такъ и въ слѣдующіе два дни. Въ четвертый, что я считалъ по пятакамъ, лысый солдатъ, вошедши опять ко мнѣ въ мою лачугу, говоритъ мнѣ тихонько: «Што, сударь, не покушаешь? Богъ милостивъ, коли не виноватъ, а морить себя грѣхъ; у тебя теперь пять алтынъ: вели, я сготовлю тебѣ кашицу знатную и калачикъ принесу».—«Другъ мой, у меня во рту все

сухо».—«Тотчасъ, батюшка, принесу чайку». За симъ и скоро на самомъ дѣлѣ принесъ онъ мнѣ въ горшечкѣ сбитню и копѣешную булку. Сіе русское питьецо, освѣживъ засохшіе во мнѣ соки, способствовало немало къ успокоенію моего духа. На другой день также по утру сбитень и булка, въ полдень кашица съ говядиною, что продолжалося ежедневно во все время моего пребыванія въ семъ казематѣ.

Коль скоро я началъ ѣсть и пить, то и все жизненное начало снова во мнѣ появляться. Первыя спокойныя мысли я обратилъ на обозрѣніе моего положенія. По безчеловѣчному заключенію я не могъ иного придумать, какъ: есть на меня подозрѣніе въ весьма важномъ преступленіи. Перебравши на досугѣ и неоднократно всѣ происшествія моей жизни до самыхъ мельчайшихъ, я истинно ни въ одномъ не находилъ ничего такого, что бы заслуживало таковую безпримѣрную строгость. Буйства и забіячества мои прежнія не могли быть къ сему поводомъ; долгъ въ банкѣ меньше всего могъ способствовать къ сей жестокости. И такъ за что иное, кромѣ преступленій по 2-му пункту? Но я въ семъ не только дѣломъ, ниже когда-либо всесовершенно не былъ виновенъ; ибо правительственными дѣлами я столько же тогда занимался, сколько и астрономіею, т. е. взглядывалъ на небо, видѣлъ, звѣзды и планеты, не заботясь никогда знать, какъ онѣ тутъ помѣщены, какъ движутся. По симъ сужденіямъ выводилъ заключеніе: вѣрно открытъ какой-нибудь важный заговоръ; кто нибудь изъ моихъ знакомыхъ, въ ономъ замѣшанный, болтнулъ мое имя; при допросахъ и очныхъ ставкахъ истина откроется, и я, какъ невинный, конечно, буду освобожденъ. Такъ, безумный, пустоумствовалъ я, не зная еще тогда всѣхъ адскихъ пріемовъ и всѣхъ дьяволовъ, работавшихъ на пагубу человѣчества.

Успокоенный, однако, моими сужденіями, я рѣшился ожидать терпѣливо зову предъ судъ, какъ

единственнаго предмета моихъ желаній. Между тѣмъ дни и недѣли, хотя весьма для меня медленно, текли, и я уже дожилъ до первыхъ чиселъ ноября.

7-го сего мѣсяца, утромъ, примѣтилъ я необыкновенное шептанье и движеніе у моихъ стражей. Скоро подходятъ къ моей клѣткѣ, отпираютъ ее, и унтеръ говоритъ мнѣ: «Одѣвайся, хозяинъ, ступай за мною». Надобно знать, что, по причинѣ многотопленія печи и отъ того почти баннаго жару, я всегда сидѣлъ въ одной рубахѣ. Одѣваться было не долго: сапоги были на мнѣ, шинель безъ пуговицъ надѣть было нельзя. И такъ, накинувши сюртукъ и подпоясавшись носовымъ платкомъ, я побрелъ за унтеромъ. Но лишь только отворили наружную дверь, и меня коснулся свѣжій воздухъ, глаза мои помутились, и я, какъ догадываюсь, впалъ въ обморокъ, каковой былъ первый, а, можетъ быть, и послѣдній въ моей жизни. Не знаю, какъ меня втащили въ мою лачугу; но опамятовавшись, я видѣлъ себя опять въ темнотѣ на моей скамьѣ, и видѣнный свѣтъ я считалъ сновидѣніемъ, пока мой добрый лысый не увѣрилъ меня, что я точно былъ у дверей, но что мнѣ попритчилось и потому не повели меня въ присутствіе.

Сіе извѣстіе крайне меня опечалило; ибо я боялся, чтобы зовъ мой снова не оттянулся; но, къ счастію, на другой день опять пришли за мною, и я, приблизившись къ дверямъ, просилъ напередъ ихъ отворить, дабы я могъ, не выходя, нѣсколько свыкнуться съ воздухомъ. Вышедши на дворъ, я видѣлъ землю, покрытую глубокимъ снѣгомъ и царствованіе настоящей зимы, что мои голыя лядвіи весьма ощущали.

Чрезъ коридоръ введенъ я въ прежнюю горницу, на сей разъ занимаемую судьями. Предсѣдательствующій, съ мясничьею рожею и взорами цѣловальника, былъ г. Терскій, во всемъ Петербургѣ извѣстный подъ именемъ багра, въ знаменитое отличіе отъ его братіи мелкихъ крючковъ. По правую его

сторону сидѣлъ штабсъ-офицеръ въ кавалерійскомъ мундирѣ, мнѣ незнакомый; подлѣ его, хотя съ наклоненною головою, не трудно было узнать честнаго и добраго князя Мещерскаго, члена юстицъ-конторы, человѣка мнѣ знакомаго; двое остальныхъ, сидящихъ ко мнѣ спинами, были мнѣ совсѣмъ не видны; напротивъ предсѣдателя помѣщался видѣнный мною при приводѣ.

Подавшись нѣсколько къ предсѣдательствующему, я встрѣченъ былъ отъ него нижеслѣдующимъ: «Здравствуй, г. Винскій! Прошу со вниманіемъ слушать [1]). До свѣдѣнія ея императорскаго величества дошло, что въ Санктпетербургѣ многіе молодые люди изъ дворянъ, проживая праздно, ведутъ жизнь крайне подозрительную, утопаютъ въ распутствѣ, затѣваютъ дѣла самыя беззаконныя, клонящіяся къ потрясенію всего благосостоянія общества. Для прекращенія сего, государыня изволила указать учредить при Сенатѣ сію комиссію для изслѣдованія со строжайшею точностію всѣхъ преступленій. Но, какъ мать, соболѣзнующая о своихъ дѣтяхъ, объявила свое соизволеніе, чтобы комиссія пеклась болѣе всего возбудить въ каждомъ преступникѣ раскаяніе и заставить его учинить самопроизвольное, искреннее признаніе, обѣщевая чистосердечно раскаивающемуся не только прощеніе, но и награжденіе, какъ строптивнымъ и непокорнымъ ея волѣ, за утаеніе малѣйшей вины, жестокое и примѣрное наказаніе, какъ за величайшее злодѣяніе». Видя его замолчавшимъ, я собирался нѣчто сказать, но при первомъ словѣ онъ меня прерываетъ: «На меня возложена особенная обязанность внушать каждому подсудимому волю нашея монархини; ты ее слышалъ. Располагай себя по тому. Прибавлю еще, что укрывательство съ твоей стороны будетъ совершенно тщетнымъ; ибо всѣ твои дѣянія, до ма-

[1]) Можетъ быть, онъ не слово въ слово такъ говорилъ, но содержаніе его рѣчи истинно было таково.

лѣйшихъ, комиссіи извѣстны». Послѣ сего сказалъ: «Ну, Малафѣичъ, начинай».

Тутъ показался изъ другой горницы человѣкъ съ бѣлою бумагою и перомъ въ рукахъ, сѣлъ у конца стола, написалъ нѣсколько строкъ, потомъ спрашиваетъ меня: «Какъ зовутъ? Которой попъ крестилъ?» и пр. Что касается до допроса, я, помня рѣчь Терскаго, хотя и почиталъ ее за ловушку, но отвѣты мои располагалъ такъ, что и самыхъ шалостей подверховно касался, не высказывая, однако, ничего явно. Багоръ иногда вмѣшивался въ вопросы, стараясь меня спутать, какъ въ вопросѣ: «Зачѣмъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ?»—«Потому, что по моей отставкѣ я имѣю право жить, гдѣ захочу».—«Да чѣмъ ты живешь?»—«Деньгами».—«Откуда ты ихъ берешь»?—«Получаю изъ дому». — «Чать по трактирамъ?»—«Трактиры правительствомъ позволены».—«Да тамъ много дѣлается непозволеннаго?» — «За симъ есть надзоръ».—«Да, надзоръ; знаемъ, братъ, что полицейскіе съ вами за одно».—«По крайней мѣрѣ я съ ними никогда не бывалъ въ дѣлѣ». Когда дошли до банка, багоръ снова вмѣшался: «Ну, а какъ же ты денежки-та получилъ?» — «Какъ обыкновенно получаютъ».—«Нѣтъ, сколько ты далъ Адамовичу, али его зятю?»—«Ни копѣйки, ибо я не знаю и никогда не видалъ ни того, ни другого».—Тутъ сбѣленился мой Терскій, заревѣлъ страшнымъ голосомъ: «Ахъ, ты лжецъ, нарядный воръ, и ты отпираешься, что не знаешь Адамовича, банковаго судью, а изъ банка деньги взялъ?»—«Деньги я взялъ по переводу г. Стромилова, который и свое о взносѣ и мое о выдачѣ 500 рублей объявленія подалъ одинъ въ присутствіе; я же, подписавши въ юстицъ-конторѣ обязательство и росписавшись тутъ же въ книгѣ, за вычетомъ процентовъ, отъ него и деньги получилъ, что все сдѣлано по точнымъ правиламъ банка».—«Правила въ сторону; а ты навѣрное знаешь Ада-

мовича и его зятя Епанчина?»—«Хоть умереть, ни того, ни другого». При семъ князь Мещерскій, при которомъ все дѣло съ Стромиловымъ происходило, примѣчая изъ моего лица, что хочу на него сослаться, говорилъ что-то тихонько Терскому. Тогда сей, сказавши мнѣ: «И не знаешь? Малафѣичъ, такъ этого и писать не для чего». За симъ, къ окончанію допроса, учинено мнѣ паки увѣщаніе: не знаю ли кого я изъ преступниковъ? Не извѣстны ли мнѣ какія нибудь дѣла, вредныя для общества? и пр. На все одинъ отвѣтъ: «Не знаю и никогда не зналъ».

Послѣ сего Терскій, просмотрѣвши написанное, сказалъ мнѣ съ сатанинскою улыбкою: «Посему ты святой? Ась?»—«Святой, не святой, да не очень и грѣшенъ».—«Ты еще и пошучиваешь (нахмуривши харю). Я тебѣ говорилъ, что комиссіи всѣ твои дѣла извѣстны».—«Говорили, но я знаю, что нечему быть извѣстнымъ».—«А какъ я разверну сію бумагу, тогда уже поздно будетъ».—«Разверните».—«О! ты, братъ, видно хватъ; тебѣ смерть копѣйка».—«Смерти я не боюсь, а сказать напраслины не хочу».—«Посмотримъ», понизивъ голосъ: «теперь пойди!» Такъ кончился мой страшный допросъ.

Изъ судейской ввели меня въ приказную, гдѣ я увидалъ человѣкъ двухъ юстицкихъ знакомыхъ. За мною скоро вошелъ князь Мещерскій, привѣтствовалъ меня весьма человѣколюбиво, сказалъ, что ко мнѣ есть принесенныя нѣкоторыя вещи, которыя и велѣлъ тотчасъ мнѣ отдать, прибавивъ: «Вамъ велятъ и денегъ побольше выдавать».

Оттуда провели меня въ другой казематъ, который былъ сухъ и свѣтелъ, по причинѣ большого окна. Унтеръ, введши меня въ оной, сказалъ: «Теперь ты тутъ будешь хозяиномъ». Нѣтъ возможности изъяснить тогдашнюю мою радость, увидѣвши себя на просторѣ и при дневномъ свѣтѣ, которая еще усугубилась при появленіи связки, мнѣ врученной, въ

которой находились: тулупъ, штаны и камзолъ суконные, двое чулокъ, двѣ рубахи и сапоги. Унтеръ, отдавая ихъ, выложилъ еще серебряной рубль на столъ, сказавши: «Изъ твоихъ денегъ велѣно выдавать тебѣ по четверти на день, и вотъ на четыре дня». Никогда я не считалъ себя столько богатымъ и такъ достаточно снабденнымъ, какъ въ сію минуту, особенно поужинавши повкуснѣе и легши спать на постланномъ тулупѣ.

На другой день, часу въ 11-мъ, потребовали меня къ подпису допроса, который подписавши въ подъяческой, я слышалъ нѣкоторыхъ сужденія, что меня вѣрно перваго освободятъ. Не успѣла еще сія сладость коснуться моего сердца, какъ услышалъ я странное ревѣніе Терскаго, горланящаго: «Да, онъ чать еще здѣсь; подавай-ка его сюда». Тутъ дверь скоропостижно отворяется, кто-то говоритъ мнѣ: «Ступай въ присутствіе!» Вхожу, вижу багра, свирѣпо подымающагося съ своего мѣста, подходящаго ко мнѣ и вѣщающа: «Такъ-то ты думалъ свои плутовства сокрыть! Ты малый самый безвинный: посмотри-ка на сего человѣка. Знаешь ли ты его?» — Признаюсь, что сіе неожиданное, пылкое наступленіе сильно меня смѣшало. Посмотрѣвши на стоящаго отъ меня влѣвѣ, въ замаранномъ нагольномъ тулупѣ, пребольшою черною бородою обросшаго человѣка и точно его не узнавши, я сказалъ: «Въ здѣшнемъ маскарадѣ самаго знакомаго не скоро распознаешь».— «Это Л. П. Соколовъ; знаешь ли его?»—«Знаю».— «А что воровать ты съ нимъ хотѣлъ, то утаилъ въ своемъ допросѣ? А онъ, какъ истинно раскаивающійся, все показалъ».—«Богъ знаетъ, гдѣ онъ хотѣлъ воровать, а я сего никогда отъ него не слыхалъ; слѣдовательно и соглашаться съ нимъ не могъ».—«Какъ! Ты еще запираешься? Говори-ка, старинушка». На сіе Соколовъ, взглянувъ на меня со слезами, отвѣчалъ: «Виноватъ, отецъ мой Григорій Степановичъ!

Во всѣхъ своихъ преступленіяхъ признаваясь, я и о двухъ тысячахъ рублей показалъ, которыя хотѣлъ занять чрезъ васъ изъ банка». «А!—закричалъ багоръ,—что ты на это скажешь?»—«Хотѣлъ онъ, да не я; говорилъ ему о семъ словами, не думая никогда произвесть дѣломъ, чему можетъ послужить доказательствомъ, что о семъ болѣе года предъ симъ, въ частыхъ нашихъ свиданіяхъ, никогда о томъ ни словомъ не поминалъ».—«Что тутъ пустое врать? Ты намѣревался взять двѣ тысячи рублей изъ банка. Сколько должно на то число заложить крестьянъ, ты ихъ не имѣешь; слѣдовательно, ты хотѣлъ занимать фальшиво и чрезъ то обворовать казну».—«Малафѣичъ, прибавь это объясненіемъ: въ допросѣ о семъ умолчалъ, но на очной ставкѣ уличенъ и признался». — «Помилуйте, въ чемъ признаваться?»—«Молчи, ни слова; здѣсь Петра и Павла, надо говорить правда. Пошелъ къ мѣсту».

Возвратившись въ мою свѣтлую галлерею, я нашелъ ее отъ повстрѣчавшагося мнѣ несгодья весьма потемнѣвшею; но, обдумавши сколько можно точнѣе все происшествіе, открывалось, что это была истинная натяжка, которая всякому сама собою обнаруживалась, и что при сужденіи, хотя бы и намѣреніе поставили въ вину, я не долженъ ожидать никакого взысканія: ибо задержаніе одно слишкомъ уже за оное удовлетворяло. Мечталъ, не зная я того, что сія натяжка могла быть растянута до безконечности. Послѣ я никогда уже не былъ призыванъ въ комиссію.

Чрезъ нѣсколько дней, стражи наши стали поговаривать, что канцелярію переводятъ въ крѣпость, и что опредѣляется въ комиссію главнымъ генералъ. 20-го вывели меня и еще многихъ изъ казематовъ, провели чрезъ деревянныя ворота и по лѣвой сторонѣ крѣпости въ зданіе извѣстное подъ названіемъ Италіянскаго дворца. Тутъ въ залѣ нашлось насъ

десятка съ три, разношерстно наряженныхъ. Скоро услышали о пріѣздѣ генерала Толстого, опредѣленнаго главнымъ въ комиссію. Преображенцы, сколько ихъ тутъ было, обрадовались; да и другіе, по слуху, зная о его добротѣ, ожидали всего добраго. Побывши съ часъ въ комиссіи, онъ вышелъ къ намъ со всѣми присутствующими, и первое его слово, взглянувъ на несчастныхъ, было: «Эхъ! эхъ! какъ васъ перерядили». Потомъ, обратясь къ Терскому, спросилъ: «Къ чему такія жестокости?» Сей что-то пробормоталъ, а мы слышали: «Монастырь, уставъ». Генералъ, посмотрѣвши на насъ съ жалостію, спросилъ: «У кого ваши вещи?» И узнавши, что у тамошняго караульнаго офицера, велѣлъ тотчасъ всѣмъ раздать и притомъ оставить жить въ сихъ покояхъ, сколько могутъ помѣститься. Назвавъ нѣкоторыхъ по фамиліямъ, тутъ же заглянувши въ бумагу, спросилъ: «Подпоручикъ Винскій здѣсь?» На отвѣтъ мой: «Здѣсь, ваше превосходительство!»—«Ваша супруга была у меня; она здорова, останьтесь здѣсь жить, и вы можете съ нею завтра видѣться». Тутъ приказалъ новому караульному офицеру: «Родныхъ и знакомыхъ безпрепятственно ко всѣмъ допущать, въ кушаньѣ и питьѣ никакихъ затрудненій не дѣлать; вмѣсто собственной услуги, употреблять солдатъ», и прочія важныя облегченія. «А вы, господа (взглянувъ на насъ), какъ благородные люди, вѣрно не употребите во зло моего снисхожденія. Да пожалуйте, выбрѣйте бороды и исправьте одежду, чтобъ мнѣ не горько было васъ видѣть». Послѣ, поклонившись весьма обязательно всѣмъ, уѣхалъ.

Какая тутъ началась суматоха, это изъяснить трудно. На житье осталось насъ всѣхъ 17 человѣкъ. Тотчасъ учредили компанію и старшиною поручика Пучкова. Чрезъ часъ явились у насъ водка, вино и достаточный завтракъ. Вытребовали фельдшеровъ, началось бритье; послѣ обѣда новая сцена: явился

красноголовый сатиръ для раздачи намъ вещей. Какую жалкую представлялъ онъ фигуру, возвращая будто мертвыхъ отъ гроба! Бѣсили же его и дразнили столько, что онъ ночью занемогъ и, спустя недѣли двѣ, умеръ. Мы торжествовали, что уморили злодѣя, двадцать лѣтъ дышавшаго стонами и упивавшагося слезами несчастныхъ.

На другой день, какъ праздничный, присутствія не было, и комнаты скоро наполнились родными и знакомыми, пріѣхавшими видѣть милыхъ узниковъ. Лорхинъ моя, чуть ли не изъ первыхъ, вбѣжала безъ памяти, бросилась ко мнѣ на шею и обмерла. Какое свиданіе! Какія сердечныя изліянія! Сколько она бѣдная потерпѣла! И какое явила мужество! Не зная двухъ словъ русскаго языка, не имѣя никого сотоварищемъ, рѣшилась она бродить по Петербургу, отыскивать своего мужа. Къ счастію, кто-то добрый человѣкъ научилъ ее попросить перваго г. Лопухина, оберъ-полиціймейстера. Тутъ хотя она и никакого точнаго не получила свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ принята была человѣколюбиво и, говоря природнымъ своимъ языкомъ, узнала хоть имена нѣкоторыхъ судей. Испытала жестокость чугуннаго Терскаго, добилась вручить просьбу ядовитому Вяземскому, видѣлась съ сострадательнымъ Мещерскимъ, который и связку мнѣ взялся доставить; наконецъ, удостоилась чести быть принятою благороднымъ Толстымъ, который, съ неизъяснимою благосклонностію принявши участіе въ ея страданіяхъ, обѣщалъ ей чрезъ три дня со мною свиданье, и посему-то меня, совсѣмъ ему незнакомаго, спросилъ изъ первыхъ.

Съ сего дня, проживши еще въ неволѣ тринадцать мѣсяцевъ, я не могу пожаловаться, чтобы задержаніе мое имѣло что-нибудь тягостнаго; кромѣ выходу изъ крѣпости, я всѣмъ почти нужнымъ житейскимъ пользовался и даже привыкъ было къ сей мирной, беззаботной жизни.

Вина перевода комиссіи.

О переводѣ комиссіи изъ равелина и объ опредѣленіи г. Толстого начальникомъ оныя извѣстнымъ учинилось. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, будучи всемогущъ и своеволенъ, натурально не любилъ своихъ соревнователей, отъ нихъ же Вяземскій былъ изъ первыхъ. Адская комиссія, симъ заведенная, обхватывая всѣ состоянія, цѣпляла и Преображенскій полкъ, состоящій подъ непосредственными повелѣніями Потемкина. Съ первыхъ движеній онъ молчалъ, высматривая ходъ лукаваго Вяземскаго. Примѣтивши же, что вмѣсто чаемыхъ важныхъ открытій заговоровъ и злоумышленій, всѣ по подозрѣнію забираемые въ комиссію являются только моты и шалуны, и предвидя, что, давши волю Вяземскому, половина его полка навѣрное была бы въ крѣпости, онъ рѣшился легонько открыть государынѣ глаза на Вяземскаго затѣи, доказать ей тщету оныхъ, важныя понапрасну издержки, простертыя по всему государству, особенно въ дворянскомъ сословіи уныніе, и тѣмъ испросилъ, чтобы комиссія поручена была, мимо Вяземскаго, человѣку безпристрастному, съ повелѣніемъ окончить ее надъ тѣми только, которые находятся уже въ крѣпости.

Что г. Толстой былъ честенъ, это извѣстно; какъ и преданъ князю Потемкину, также справедливо.

Комиссія съ сего времени занялась весьма дѣятельно слѣдствіемъ, и въ сочельникъ, т. е. 24-го декабря, выпустила отъ себя первое отдѣленіе подсудимыхъ, состоящее изъ злодѣя Кашинцова и его сообщниковъ, изъ Адамовичевыхъ приспѣшниковъ, словомъ изъ 13 человѣкъ, истинныхъ и важнѣйшихъ преступниковъ. По выходѣ выбывшихъ изъ комиссіи, генералъ потребовалъ живущихъ тутъ въ присутствіе, которымъ сказалъ: «Труднѣйшее окончено; послѣ праздниковъ займемся вами, и вѣрно не замед-

лимъ; не тужите, надѣйтесь на Бога». Толикое вниманіе къ нашему положенію, конечно заслуживало всю нашу признательность.

На первыхъ дняхъ масляницы еще учинился выпускъ, состоящій по большей части изъ Преображенцевъ или изъ имѣвшихъ съ ними дѣла. Генералъ сдѣлалъ намъ снова ласковое обнадеживаніе, и мы его благодарили. По сему отпуску, опустѣвшія комнаты наполнены новыми жильцами, между которыми я съ радостію увидѣлъ моего любезнаго Соколова и Брещинскаго.

Въ продолженіе великаго поста примѣтно было, что генералъ очень рѣдко пріѣзжалъ уже въ присутствіе. На страстной недѣлѣ выпущены были еще нѣсколько подсудимыхъ, въ томъ числѣ купцы и иностранцы, замѣшанные по банку. Въ сей выпускъ поступилъ и Брещинскій, жертва доброты своего сердца и неопытности, молодой человѣкъ, заслуживающій душевное соболѣзнованіе всѣхъ добрыхъ людей, котораго исторію бѣдствій считаю не излишнимъ здѣсь написать.

Сей благородный юноша, сдѣлавшись въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ бѣднымъ сиротою, по человѣколюбію одного отдаленнаго родственника, призрѣнъ, воспитанъ въ университетскомъ московскомъ пансіонѣ и опредѣленъ 17 лѣтъ въ службу по арміи. Съ открытіемъ первой Турецкой войны, перенесся на степи Буджацкія. По ревности къ службѣ и по дарованіямъ, не замедлилъ выйти въ офицеры; служивши же всегда съ отличіемъ, удостоенъ въ началѣ 1779 года отъ начальства важнымъ препорученіемъ: быть приставомъ и препроводить сераскира въ Санктпетербургъ. Въ сей роскошной столицѣ, при блистательномъ тогдашнемъ дворѣ, въ раю, можно сказать, пренаполненномъ всѣхъ родовъ забавами, утѣхами и веселостями, молодой, ловкій человѣкъ, при подобной должности, занимая довольно видной постъ, имѣлъ возможное

удобство все видѣть, быть видимымъ и многимъ пользоваться. Домъ для житья въ Малой Морской, избыточное содержаніе, прекрасный экипажъ, отличительный пріемъ отъ всѣхъ, даже отъ вельможей, куда только приглашался сераскиръ, словомъ, шесть мѣсяцевъ онъ плавалъ въ рѣкѣ удовольствій и, не хотя ихъ вдругъ лишиться, при отпускѣ сераскира въ отечество, перепросился въ штатъ генерала Николая Салтыкова, командовавшаго Санктпетербургскою дивизіею. Ведя таковую жизнь въ столицѣ, не трудно надѣлать себѣ знакомыхъ тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ занимаемое нами мѣстечко завиднѣе и мы сами къ дружелюбію расположеннѣе. Извѣстно также, что офицеръ, любящій службу, охотнѣе всегда сближается съ военными. Посему знакомство неосторожнаго Брещинскаго съ хитрымъ Кашинцовымъ нимало неудивительно. Сей, почитаясь лучшимъ Великолуцкаго полка офицеромъ, по обхожденію самый привѣтливый, по житію самый развязный, по опытности самый интересный, немного долженствовалъ употребить старанія, дабы втѣсниться въ открытую душу благороднаго юноши и помѣститься при немъ ближайшимъ. Кромѣ частаго свиданія и тѣсныя связи, дѣлъ однако Брещинскій никакихъ съ Кашинцовымъ не имѣлъ; можетъ быть, онъ оставлялъ его для переду; когда же я съ нимъ познакомился, то Кашинцовъ былъ уже подъ стражею.

По принятіи княземъ Потемкинымъ въ полное свое завѣдываніе военнаго департамента, многія по арміи учинены перемѣны и введены новости, изъ которыхъ немаловажною можно поставлять преобразованіе иррегулярныхъ войскъ въ регулярные полки и причисленіе ихъ въ составъ армейскій. Отъ сего Петербургъ наполнился, особенно князь окружился разными языки и племенами, какъ-то козаками, греками, албанцами, татарами, горцами и всякою иною чудью, никогда до того въ столицѣ невиданною; всѣ съ чи-

нами, съ большимъ жалованьемъ, съ почестями, въ блестящихъ, странныхъ одеждахъ. Въ сей толпѣ разнородныхъ, Богъ одинъ знаетъ, какихъ не находилося, что называется, молодцовъ! Можно почти утвердительно сказать, что большая часть изъ нихъ причисляли себя сами, ибо довольно было имѣть азіатскую рожу, странную одежду, чудную какую-нибудь шапку, и таковый смѣло могъ себя выдавать принадлежащимъ къ штату его свѣтлости. Между сими новобранцами весьма скромно помѣщался нѣкто Михаилъ Князевъ, отставной поручикъ. Онъ былъ вхожъ и выдавалъ себя ближнимъ, славнымъ тремъ братьямъ Горичамъ; но въ самомъ дѣлѣ, кто онъ былъ, того ни одинъ изъ его знакомыхъ на вѣрное не могъ знать; да и самъ онъ едва ли о томъ былъ извѣстенъ; по лицу, же, по пріемамъ, по душевнымъ качествамъ, онъ былъ истинный армянинъ, наилукавѣйшій. Ума имѣлъ достаточно, опытность выработанную, вкрадчивость надежнѣйшую, осторожность неизмѣнную; почему всѣ плутни и обманы, которыми одними онъ существовалъ, ежели выходили наружу, то одинъ обманутый оставался въ накладѣ и дуракахъ, а онъ въ барышахъ и умныхъ. Сему-то злодѣю судьба повелѣла погубить любезнаго юношу. Когда и какъ онъ познакомился съ Брещинскимъ, сіе мнѣ неизвѣстно; но по случившемуся можно заключать, что онъ успѣлъ имъ завладѣть всесовершенно: ибо, когда я чрезъ мое знакомство съ Брещинскимъ, жившимъ тогда съ Князевымъ, сталъ къ нимъ вхожъ, то уже легко можно было видѣть, что онъ находился въ полной зависимости. Брещинскій у Князева былъ, какъ бы любимое избалованное дитя, котораго всѣ желанія, даже прихоти выполнялися охотно; за то и самъ, гдѣ дѣло шло о видахъ Князева, Брещинскій не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ искалъ его одобренія. Въ кратковременное мое знакомство Князевъ обходился со мною вѣжливо, но изъ осторож-

ности ни о какихъ дѣлахъ никогда ни слова, чему и Брещинскій слѣдовалъ. Посему, за что сей былъ взятъ въ крѣпость, я точно не знаю.

По перемѣщеніи Брещинскаго изъ равелина къ намъ въ комиссію, мы жили въ одной половинѣ; тутъ, сблизившись тѣснѣе и узнавши другъ друга короче, мы сообщили взаимно и со всею искренностію все насъ касающееся.

Когда Брещинскій, разсказывая мнѣ свою жизнь, приближился ко времени знакомства его съ Князевымъ, то онъ мнѣ сказалъ: «Признаюсь тебѣ, мой другъ, сей человѣкъ, въ три или четыре дни своего со мною свиданія, столько обнаружилъ мнѣ доброты своего сердца, кротости своего нрава, столько явилъ мнѣ основательности въ своихъ сужденіяхъ, стойкости въ своихъ правилахъ, и знанія людей, что я, какъ бы увлекаемый волшебною силою, прилѣпился къ нему всею душою; полюбилъ его, какъ моего лучшаго друга, внималъ его словамъ съ сердечною довѣренностію; словомъ, поставлялъ его знакомство такимъ пріобрѣтеніемъ, котораго вознаграждать я ничѣмъ не могъ. Познакомившись съ нимъ уже достаточно и удостоившись отъ него нѣсколькихъ откровенностей, когда я обнаруживалъ ему мое положеніе или виды и надежды на мою службу, то онъ во всемъ почти со мною соглашался; но въ самомъ соглашеніи такъ искусно вмѣшивалъ свои сужденія о заботахъ, нуждахъ, трудахъ, опасностяхъ, а болѣе всего о неминуемости, что, съ лѣтами или съ потеряніемъ здоровья, служба оставляется, по большей части, не обнадежась кускомъ насущнаго. Сіи и симъ подобныя частыя у насъ бесѣдованія весьма много ослабили мою горячность къ полю; особенно, когда онъ сдѣлалъ мнѣ довѣренность, пересказавши, что смолоду самъ весьма былъ къ службѣ пристрастенъ, но что служивши въ такихъ мѣстахъ, гдѣ къ отличіямъ не было случаевъ и къ

концу третьяго десятка своихъ лѣтъ, увидѣвши тщету и почестей и воинскихъ награжденій, онъ рѣшился, пока еще былъ въ силахъ, похлопотать понадежнѣе о насущномъ; что для сего пріѣхавши въ столицу, какъ иностранецъ и недостаточный, весьма много сначала онъ затруднялся; но при неусыпномъ стараніи нашелъ дорогу, которая, можетъ быть, доведетъ его не только къ безбѣдному, но и къ завидному положенію. Человѣкъ съ дарованіями и съ прилежностію, по нынѣшнимъ временамъ въ Петербургѣ, весьма можетъ существовать. Сіе, или лучше признаться, удовольствіе быть съ нимъ неразлучнымъ, сильно на меня подѣйствовало. Между тѣмъ приближалось время отъѣзда сераскира въ Крымъ; мнѣ должно было или, возвратясь съ нимъ, по прежнему опредѣлить себя на долгую службу, или, отказавшись отъ него, помѣститься въ Петербургѣ. Но военную службу оставить я ни за что не соглашался и потому одному, что при первомъ производствѣ я поступалъ въ капитаны. Другъ мой все сіе не только одобрилъ, даже показалъ дорогу и пособилъ, что я въ два дни помѣщенъ былъ въ штатъ генерала Салтыкова. Распрощавшись съ сераскиромъ, я перешелъ жить къ моему другу и, живучи съ нимъ вмѣстѣ, видя его заботливость, самое бдительное попеченіе не только удовлетворять, даже предупреждать, предвидѣть всѣ мои желанія, я, кажется, еще усугубилъ мою къ нему любовь и привязанность. Будучи съ нимъ неразлучны, мы находили лучшее удовольствіе въ одиночномъ бесѣдованіи. Въ сіи часы, раскрывая свое сердце, онъ извѣстилъ меня о настоящемъ положеніи его дѣлъ, которыя на тотъ разъ были весьма затруднительны, о своихъ надеждахъ и о способахъ усовершенствовать оныя. Въ сихъ способахъ находилось нѣсколько такихъ, о коихъ довѣренность, для доставляемыхъ ими выгодъ, я принялъ съ восхищеніемъ, но отъ которыхъ, ежели они теперь при-

ходятъ мнѣ въ голову, кровь моя застываетъ. Сіе есть роковая тайна, которой я тебѣ теперь, а, можетъ быть, и никогда не открою; я чувствую, что она погубила меня на вѣки. За симъ остается тебѣ еще сказать, что всѣ сіи его дружескіе со мною поступки, его великолѣпные планы и надежды употреблены были на то, чтобы меня ограбить и погубить. Начало сему учинено: первое деньгами, какія у меня оставались, тысячъ около двухъ; потомъ займомъ мною изъ банка трехъ. Сіи послѣднія взяты не болѣе, какъ за два мѣсяца до моего заключенія, и я тебѣ божусь, что я изъ нихъ ста рублей на себя не употребилъ. Когда извѣстность о комиссіи сдѣлалась уже всѣмъ несомнительною, тогда, при изъявленіи моихъ опасеній, кромѣ обыкновенныхъ успокоеній, онъ увѣрялъ меня, что имѣетъ благодѣтелей самыхъ сильныхъ; что въ крайности онъ точно пожертвуетъ всѣмъ своимъ благополучіемъ, но меня не допуститъ узнать и малѣйшее оскорбленіе. На самомъ же дѣлѣ, когда я для него нахожусь въ пропасти, когда всѣмъ позволены свиданья, онъ ни разу меня не видалъ; на три или четыре мои посольства всегда одинъ отвѣтъ, что онъ скоро меня увидитъ, что его обнадеживаютъ всѣмъ добрымъ и прочее сему подобное».—«Да ты всѣмъ нуждаешься? Неужели и въ семъ онъ тебя оставляетъ?»—«Онъ недогадливъ; а сказать ему, хоть умереть, не соглашусь».

Послѣ Св. Пасхи присутствія комиссіи бывали очень рѣдки, и изъ немногаго числа оставшихся страдальцевъ начали высылать по одному. Къ Троицыну дню оставалось всѣхъ насъ только шесть. Мы навѣрное полагали, что къ сему дню насъ всѣхъ рѣшатъ; но, противъ чаянія нашего, въ пятницу съѣхались всѣ присутствующіе и генералъ, не бывавшій съ великаго поста. По кратковременномъ засѣданіи вышли всѣ, и г. Толстой, проходя мимо насъ, ска-

залъ: «И вы скоро освободитесь, не тужите». И такъ всѣ удалились. Отъ приказныхъ же мы узнали, что комиссія кончилась, и что присутствующіе пріѣзжали подписать только опредѣленіе о закрытіи комиссіи. «Какъ же мы остаемся?» былъ нашъ вопросъ. «Не знаемъ»,—былъ ихъ отвѣтъ. На Троицынской недѣлѣ Малафѣичъ прибылъ на подводахъ съ ящиками, забралъ всѣ бумаги и увезъ ихъ съ собою. Объ насъ же сказалъ, что наши допросы остались въ Сенатѣ.

Такъ, съ окончаніемъ комиссіи оставленные неоконченными, мы были тогда, можетъ быть, единственными несчастливцами, которыхъ, восемь мѣсяцевъ державши въ заключеніи, судивши и не досудивши, бросили, но не освободили. Полагая, однако, что что-нибудь да должно съ нами дѣлать, мы вооружились терпѣніемъ. Несноснѣйшее въ нашемъ положеніи было то, что мы и навѣдаться уже о себѣ никакъ не могли.

Разсуждая между собою о семъ неожиданномъ съ нами происшествіи, мы никакого не умѣли дѣлать заключенія, и старый нашъ секретарь Соколовъ, сколько ни свѣдущъ былъ въ дѣлахъ, подобнаго ни одного не зналъ. Но какъ несчастнымъ обыкновенно одна отрада—надежда, то и мы осмѣлились догадываться, что насъ, какъ маловиновнѣйшихъ, Сенатъ навѣрное освободитъ, зачетши содержаніе въ наказаніе, какъ и законы велятъ.

Несмысленные, а то и забыли, что ястребъ ни одной птички, попавшей въ его когти, не отпущаетъ, и волкъ ни одного пойманнаго ягненка не освобождаетъ! Мы оставлены не какъ маловиновные, но какъ маловажные, т. е. мы не интересовали генерала, поелику мы не были Преображенцы и не годились Терскому, поелику мы для него ничего не могли значить.

Я меньше всѣхъ безпокоился: первое, знавши, что я почти безвиненъ; другое, что меня всегда

обнадеживали, что задержаніе замѣнятъ мнѣ, и что я безъ всякаго взысканія буду свободенъ.

Все, однако, что мы ни думали о себѣ частно, или заключали совокупно, ни мало не перемѣняя нашего положенія, заставляло съ терпѣніемъ ожидать будущаго. Между тѣмъ, дни пробѣгали, недѣли проходили, мѣсяцы протекали, одна наша злая участь оставалась неподвижною. Никто объ насъ не навѣдывался; а мы хотя и усердно желали бы освѣдомиться, но не знали кого спросить. Съ наступленіемъ холодныхъ дней, отъ г. коменданта возвѣщено намъ, что на топленіе занимаемаго нами дома нѣтъ дровъ и что для того переведутъ насъ въ казематъ. Сей казематъ ничѣмъ не былъ похожъ на равелинскій; онъ былъ, лучше сказать, покой, сдѣланный въ стѣнѣ, довольно сухой, свѣтлый и теплый; мы и наша стража помѣстились въ немъ свободно.

Настала зима и Рождество. Какъ сей праздникъ въ Россіи есть одинъ изъ важнѣйшихъ, для котораго на двѣ недѣли закрываются всѣ присутственныя мѣста, то мы небольшое наше всегда обманываемое ожиданіе отложили на долго. Но что начинается необыкновенно, видно и оканчиваться должно такъ же. На другой день праздника, офицеръ съ гауптвахты представши намъ возвѣстилъ, чтобы мы всѣ тотчасъ слѣдовали за нимъ. Сборы неважные; чрезъ четверть часа всѣ готовы, и походъ открылся. Офицеръ въ заглавіи, за нимъ страдальцы, позади нѣсколько солдатъ. Куда насъ вели, никто того не зналъ; да и о чемъ было спрашивать или сомнѣваться? Въ дни великаго праздника за тѣмъ позвали насъ, чтобы возвѣстить намъ радость, т. е. свободу.

Вышедши за стѣны крѣпости, глазамъ моимъ представилося обширное, какъ бы никогда невиданное пространство. Двѣ Невы и по ихъ берегамъ огромныя зданія, а болѣе всего толпы народа ѣдущаго и идущаго, неимовѣрно меня занимали. Я мечталъ и

радовался, что сегодни же, можетъ быть, буду участвовать во всеобщемъ движеніи.

Перешедши большую площадь предъ коллегіями, вмѣсто Сената препроводили насъ въ юстицъ-контору. По докладу были мы немедленно впущены въ судейскую. Тотчасъ присутствующій, съ держимою въ рукахъ бумагою, поднявшись съ своего мѣста (чему послѣдовали и другіе члены) подходитъ къ намъ важно и громогласно читаетъ: «Всеподданѣйше взнесенный намъ отъ Правительствующаго Сената докладъ, всемилостивѣйше конфирмовать соизволили: коллежскаго ассесора Соколова, поручика Гиммеля, подпоручиковъ Радищева, Теляковскаго, Калитѣевскаго и Винскаго, лишивъ чиновъ и дворянства, послать: Радищева и Теляковскаго въ Колу; Соколова, Гиммеля и Калитѣевскаго въ Тобольскъ; Винскаго въ Оренбургъ, вѣчно на житье».

Между тѣмъ вывели насъ въ подъяческую; тутъ добрый Мещерскій, обливаясь слезами, заставилъ и меня плакать. Возвѣстили намъ, что подводы и провожатые готовы; торопили, какъ можно, собираться; едва позволили кой-какъ снарядиться необходимѣйшимъ. Товарищи мои уѣхали прежде; я же за сборами промѣшкалъ до вечера и въ шесть часовъ ввалившись въ кибитку, по освѣщеннымъ, шумнымъ радостію улицамъ, вывезенъ изъ преславнаго С.-Петербурга.

* *
*

Описывать важныя происшествія тѣхъ временъ не считаю нужнымъ, поелику оныя всѣмъ извѣстны. Тогдашнія повѣствованія сихъ дѣяній, по новости ли, или по ненавычкѣ еще безсовѣстнѣйше обманывать, вразумляютъ любопытнаго читателя достаточно о всѣхъ пріемахъ, чрезъ которые совершено усмиреніе турокъ и обезсиленіе Польши. Кагульская побѣда, одержанная россійскимъ Тюренемъ, мужественными чиновниками и храбрыми воинами, отъ истин-

ныхъ знатоковъ военнаго дѣла достойно прославляемая; взятіе Бендеръ грудью, и совершенное истребленіе агарянскаго, въ ихъ собственныхъ водахъ, флота; дѣянія, по справедливости, могущія требовать сравненія съ безсмертными подвигами у Платеи, Марафона и Саламина, представленныя отъ отечественныхъ и чужеземныхъ писателей несомнительными доказательствами поверхности россіянъ надъ оттоманами.

Потемкинъ, вознесенный въ достоинство римской имперіи князя, хотя временщичалъ недолго, но Екатеринѣ столько умѣлъ угодить и сдѣлаться ей необходимымъ, что остался навсегда всемогущимъ. Не могши, однако, какъ я прежде сказалъ, поравняться съ древними вельможами, оттѣснилъ ихъ всѣхъ отъ двора въ самое короткое время. Графы Разумовскій и Панинъ удалились въ деревни; Захарій Чернышевъ, пожалованный фельдмаршаломъ, принужденъ былъ ѣхать въ свою Бѣлорусскую губернію и военную коллегію уступить Потемкину. Графъ Румянцовъ, завоеватель Кайнарджійскаго мира, въ полномъ смыслѣ генералъ и патріотъ, заманенный въ Санктпетербургъ для испытанія всѣхъ родовъ уничиженій, послѣ годового терпѣнія, отправленъ открывать свои малороссійскія и нѣкоторыя сосѣднія намѣстничества, ставши по сему новому назначенію въ зависимости кн. Вяземскаго. По сущей справедливости, князя Потемкина нельзя порицать жестокосердымъ и гонителемъ своихъ недоброхотовъ (напротивъ, много было примѣровъ, что онъ бывалъ нерѣдко къ нимъ великодушенъ, по большей же части мстилъ своимъ злодѣямъ однимъ презрѣніемъ).

Въ сіе время начали на театрѣ появляться новыя лица, изъ коихъ нѣкоторыя отъ мелкихъ ролей переходили очень скоро играть первыя. Въ числѣ сихъ Безбородко, пріобрѣтши своими дарованіями благоволеніе самодержицы, умѣлъ чудесно протѣсниться между двумя могучими сатрапами, т. е. Потемкинымъ

и Вяземскимъ и, создавши для себя новый генералъ-почтъ-директора чинъ, ежели не поравнялся съ ними, по меньшей мѣрѣ, сдѣлавшись отъ нихъ независимымъ, удержалъ до смерти Екатерины всю ея довѣренность.

Гвардія, корпусъ со временъ Петра Перваго всѣми его преемниками до того уважаемый, что въ немъ не только офицеры непремѣнно долженствовали быть изъ настоящихъ дворянъ,—въ правленіе Потемкина наполнилась всѣхъ родовъ разночинцами, даже азіатцами.

Водвореніе въ Россіи иностранцевъ, Петромъ Великимъ сильно покровительствуемое, сколько было тогда нужно и полезно, столько по кончинѣ его, особенно въ царствованіе Анны, сдѣлалося для Россіи тягостнымъ; такъ что Елизавета принуждена была издать законъ о непроизводствѣ иностранцевъ, не знающихъ россійскаго языка, въ офицеры. Съ половины царствованія Екатерины II, не только европейцы, но всѣхъ странъ чужеземцы начали у насъ поступать въ службу, производиться въ чины, вписываться въ сословіе дворянства и занимать государственныя должности. Санктпетербургъ, какъ бы разсадникъ всѣхъ сихъ нечистыхъ растеній, распложалъ ихъ по всей Имперіи. Съ сего времени начали появляться между гвардейскими офицерами чухонцы и въ Сенатѣ засѣдать маймисты; нѣмчура же, какъ однодневная мошка, забивалась въ мельчайшіе изгибы государственнаго тѣла. Ни одинъ народъ не обнаруживаетъ болѣе непріязненности къ иностранцамъ, какъ русскій; но и нигдѣ они не усвоиваются такъ легко и повсемѣстно, какъ въ Россіи.

III.

Тринадцать лѣтъ или средніе годы.

Я сказалъ выше, что для перевезенія меня въ Оренбургъ, даны мнѣ двѣ повозки, каждая съ парою коней, и три тѣлохранителя. При суматошномъ отправленіи, самаго важнѣйшаго не удалося мнѣ сдѣлать, именно проститься съ милою женою. Я зналъ, что она въ гостяхъ у большой своей сестры на Рукѣ; посему оставалась мнѣ одна сомнительная надежда тамъ съ нею увидѣться. Выѣхавши изъ города, посчастливилось мнѣ уговорить своего унтера, пока прописываться будутъ подорожныя, сводить меня въ домъ штабъ-лѣкаря, бывшій вторымъ отъ караульни. Какъ описать удивленіе хозяевъ, записныхъ моихъ враговъ, видящихъ меня неожиданно въ ихъ жилищѣ? Какъ изобразить отчаяніе моея бѣдныя Лорхинъ, когда она узнала, что я осужденъ въ вѣчную неволю и зашелъ только съ нею проститься? Бросившись ко мнѣ на шею, она рыдала, не могучи ни слова вымолвить. Мать ея сидѣла полумертвая; средняя сестра обливалась слезами, тогда какъ старшая и зять изрыгали на меня всѣ клятвы и осыпали меня самыми обиднѣйшими ругательствами. Преожесточенный всѣмъ симъ, я вырвался изъ милыхъ объятій съ насиліемъ и побѣжалъ къ моей повозкѣ стремглавъ, заглушая чувства, раздиравшія мою душу.

Лишь только усѣвшись и скрѣпя сердце, хотѣлъ я молвить: пошелъ! услышалъ голоса съ правой руки: «постойте! постойте!» Унтеръ говоритъ: «двѣ женщины бѣгутъ, видно проститься». Слышу шаги и вижу, что одна, прыгнувши ко мнѣ въ сани и схватя меня весьма крѣпко обѣими руками за шею, кричитъ: «Нѣтъ, я съ тобою, мой другъ, не разстанусь; вели ѣхать; ступай, пошелъ!» Будучи въ крайнемъ замѣшательствѣ, я самъ кричу: «пошелъ!» Сани ле-

тятъ; слышу еще въ воздухѣ: «Schwesterchen! Bruder!» и мы за Рукою. Опомнившись нѣсколько, спрашиваю: какъ она рѣшилась на сей поступокъ?—«Ахъ! Они меня вчера и третьяго дня непрестанно уговаривали, чтобъ я тебя оставила; хотѣли меня услать въ Выборгъ; на отказъ мой, грозились меня отъ себя не отпускать; я имъ божилась скорѣе умереть, нежели съ тобой разстаться. Они вѣрно знали, что тебя посылаютъ сего дня, ибо весь день меня изъ горницы не выпущали и платье, и шубу мою спрятали; сестра надо мною сжалилась, дала мнѣ свою мантилію и проводила меня сюда».—«Да ты, моя милая, замерзнешь?»—«Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ подлѣ тебя будетъ тепло».—Конечно, неимовѣрной, по нынѣшнимъ временамъ, поступокъ; но оный точно произведенъ въ дѣйствіе 16-ти лѣтнею иностранкою, вырвавшеюся изъ рукъ родныхъ, въ домашнемъ платьѣ и въ одной мантиліи, рѣшившеюся съ мужемъ ѣхать въ изгнаніе за 2500 верстъ. До Славянки я былъ почти въ несомнѣнномъ надѣяніи, что насъ догонятъ и Лорхинъ мою отнимутъ; но, противъ чаянія, не только не было за нами погони, но и ночь въ семъ мѣстѣ мы провели довольно покойно.

Узнавши на другой день при выѣздѣ, что уѣхавшіе прежде меня мои товарищи, назначенные въ Тобольскъ, тутъ же ночевали, мы соединились съ ними, и такъ неразлучно продолжали наше путешествіе до Казани. Описывать города и мѣста, на сей дорогѣ лежащіе, я не считаю нужнымъ, поелику они довольно извѣстны; приключеній съ нами, заслуживающихъ вниманія, также не случилося. Мы ѣхали почти по своей волѣ, довольно покойно; ибо не проѣзжали въ день болѣ 50 верстъ.

Въ Казани мы должны были разлучиться и разстались съ искреннимъ сожалѣніемъ, какъ родные братья, не надѣясь нигдѣ уже видѣться, развѣ только въ вѣчности. Въ любезномъ моемъ Соколовѣ я ли-

шился друга, собесѣдника, утѣшителя и что всего важнѣе, въ самой его бѣдности, моего благотворителя. Мы всѣ вывезены изъ Петербурга весьма не съ грузными карманами: у меня было 14, у Лорхины какъ-то случилось на тотъ разъ 7 рублей, и мы были богатѣйшіе. Съ первыхъ дней надобно было купить кое-что необходимѣйшее; для сего въ Новгородѣ же издержано около десяти рублей. Посему къ Москвѣ оставалось у насъ уже весьма немного, и по уваженію, что мы долженствовали еще проѣхать болѣе 1500 верстъ, издержки свои мы крайне убавляли. До Москвы, имѣя на каждой станціи порядочныя, по крайней мѣрѣ просторныя кибитки, мы помѣщались въ нихъ безъ дальняго стѣсненія; но проѣхавши Москву, когда долженствовали мы ѣхать на крестьянскихъ подводахъ, тутъ не только кибитокъ, да и саней порядочныхъ нельзя было имѣть. Тогда мы начали испытывать крайнее утѣсненіе, особенно бѣдная Елеонора Карловна, будучи за половину беременна. Въ городѣ Покровѣ, остановившись обѣдать, когда я, не имѣя никакого средства пособить реченному негодью, старался ободрять мою жену къ терпѣнію, Соколовъ отлучился изъ горницы и, чрезъ четверть часа возвратясь, говоритъ мнѣ: «Я сыскалъ изрядную кибитчонку и недорогую; вели, братъ, укласть въ нее все свое; Елеонорѣ Карловнѣ будетъ въ ней покойнѣе».—«Другъ мой сердечный, и недорогую мнѣ нечѣмъ заплатить».—«Да она уже заплачена».—«Какъ! Ты, не имѣя самъ необходимѣйшаго?»—«Пустое, братъ, полтора рубля еще у меня осталось, а пять копѣекъ царицыны». Кибитка заплачена четыре рубля съ полтиною. И такъ сей добрый человѣкъ имѣлъ всего шесть рублей и отъ тѣхъ три четверти посвятилъ терпящему человѣчеству. О вы! Кузмичи, Ильичи, Андреичи, Фалалеичи, и вы всѣ любимѣйшіе чада Плутуса, всѣ милліоны свои наживши самыми благонамѣренными средствами, кто

отъ кабаковъ, кто отъ промысловъ, кто отъ подрядовъ, кто отъ закладовъ, скажите по совѣсти: въ состояніи ли кто-нибудь изъ васъ тысячною частицею своихъ сокровищъ пожертвовать для нужды ближняго? Да, вы подумаете, а можетъ быть и скажете: «Развѣ мы не жертвуемъ на пользу общую?» Знаемъ, знаемъ: иной отъ двухъ милліоновъ даже до двухъ десятковъ тысячъ, и въ то время, когда бѣднякъ, поднесши свой рубль, отдалъ половину своего имущества. Но вы христіане, Евангеліе должно быть вамъ знакомо, припомните вдовицины двѣ лепты и устыдитесь предъ Соколовымъ.

Отъ Казани дорога къ Оренбургу, особенно переѣхавши Каму, почти вся заселена татарами. Первый ночлегъ имѣвши у торговаго татарина, мы не могли довольно налюбоваться чистотою и опрятностію особо намъ данной комнаты: диванъ покрытый коврами и мягкими подушками, полъ устланный кошмами; къ тому предложены симъ хозяиномъ чистый бѣлый хлѣбъ и весьма хорошее свѣжее коровье масло, заставили возымѣть насъ о татарахъ самыя выгодныя мысли. На другомъ, однакожъ, ночлегѣ все другое уже намъ представилось: изба мокрая, смердящая самою отвратительною вонью, окны плевою бараньею обтянутыя; стужа, по причинѣ неимѣнія сѣней, прямо врывавшаяся въ избу; къ тому видѣнное нами гадкое стряпанье и нелюдимость хозяевъ, все сіе такъ невыгодно поселило татаръ въ моихъ мысляхъ, что, тридцать лѣтъ живши между ими, никогда не могъ себя принудить даже отвѣдать ихъ пищи.

7-го февраля прибывши въ Бугульму, первый Оренбургской губерніи городъ, узналъ, что губернаторъ Рейнсдорпъ, къ которому я былъ адресованъ, умеръ, и что его должность занята вице-губернаторомъ княземъ Хвабуловымъ: извѣстіе для меня немаловажное, поелику я зналъ, что г. Рейнсдорпъ былъ человѣкъ умный и добрый. Въ семъ вшивомъ

городишкѣ воевода отнялъ у меня мою гвардію, препровожденіе мое поручивши одному старому солдату. Правда, сей добрый старикъ иногда помогалъ моей нуждѣ.

16 февраля, въ сыропустное заговѣнье, пообѣдавши въ Сакмарскѣ, пустились мы къ Оренбургу. Проѣхавши Каргалу и приближившись къ 9 верстѣ, открылась мнѣ необозримая равнина, покрытая снѣгомъ, не имѣющая не только деревъ или кустовъ, ниже какихъ-либо видныхъ изъ подъ снѣгу растеній. На правой сторонѣ видно было кругловатое возвышеніе; съ лѣвой—два довольно высокихъ хребта; впереди—городъ Оренбургъ, какъ груда собранныхъ въ одно мѣсто церквей и колоколенъ. При первомъ обозрѣніи сердце затрепетало и мысли сказали: «Вотъ твое жилище и гробъ!» По мѣрѣ приближенія, городъ прибывалъ въ окружности, но терялъ въ видѣ, ибо его стѣны, съ сея стороны одѣянныя камнемъ и отъ времени почернѣвшія, казались къ бѣлизнѣ снѣга весьма страшными, что воображеніе несчастнаго узника еще больше усиливало.

Проѣхавши вороты, увидѣли мы прямую длинную улицу, загроможденную катальщиками всѣхъ званій, такъ что по ней проѣхать никакъ было нельзя. Посему боковыми улицами пробрались мы кой-какъ до постоялаго двора и тутъ, помѣстясь въ заднемъ уголку, провели мы вечеръ самый немасличный, ибо радость и веселіе отъ насъ были весьма далеко.

На другой день съ алгвазиломъ отправились мы къ г. вице-губернатору. По долгомъ въ пустой передней ожиданіи, позвали меня въ комнату. Его сіятельство лежалъ на софѣ; предъ нимъ съ бумагами стоялъ секретарь. Едва вскинувши на меня взоръ, спросилъ секретаря: «Что съ нимъ дѣлать?» Сей отвѣчалъ ему нѣсколько словъ. Князь сказалъ мнѣ: «Ступай, братъ, за нимъ».—«Ваше сіятельство, до сегодняшняго дня я получалъ казенное содержаніе; теперь

какъ изволите приказать?»—«Ты присланъ сюда на житье, а о содержаніи твоемъ ничего не сказано».—«Чѣмъ же я буду жить, ваше сіятельство?»—«Будешь сытъ, было бы что ѣсть». Сіи жестокія слова сказалъ онъ не отъ жестокосердія, но въ шутку, какъ то послѣ учиненными отъ него мнѣ многими милостями оказалось.

Сей день я долженъ былъ весь просидѣть въ губернской канцеляріи, пока совершались приказные обряды касательно помѣщенія меня въ число жителей оренбургскихъ, разумѣется, несчастныхъ. Къ вечеру отвели мнѣ въ небольшой улицѣ, въ мизерномъ домикѣ, маленькую горенку, довольно чистую и теплую, приказавши хозяевамъ со мною обходиться ласково.

Оставшись одинъ съ женою и чувствуя себя послѣ 18 мѣсячной неволи впервое безъ надзору, я ощутилъ было сначала нѣкоторую пріятность; но взглянувши на брошенные въ уголъ наши бѣдные пожитки, видя мою несчастную Лорхинъ въ задумчивости, сообразивъ бѣгло, гдѣ я и что я, грусть мгновенно сжала мое сердце. Жена, примѣтивъ мое уныніе, подошла ко мнѣ и своимъ ангельскимъ взоромъ и нѣжнѣйшими ласками разогнала весь мракъ моея души. «О чемъ, мой другъ, тужишь? Теперь мы, слава Богу, вмѣстѣ; никто не помѣшаетъ намъ быть неразлучными; мы станемъ работать, будемъ веселы и счастливы»—«Работать? отвѣчалъ я смѣючися; но я ничего не умѣю, а ты не сможешь».—«Научимся, мой другъ, научимся». И послѣ сихъ словъ принялась улаживать наше житье, чѣмъ и меня заохотивши себѣ помогать, гореванье мое весьма облегчила. О, въ сихъ единственно случаяхъ, т. е. въ порядочномъ несчастіи, можно только узнать—что есть добрая, нѣжная жена.

Хозяйка простая, даже глупая, но добрая крестьянка, вышедши къ намъ, спрашивала: не угодно-ли намъ чего поѣсть, расхваляя свою капусту, рѣдьку, огурцы

и прочее, употребляемое въ великій постъ. Поблагодаривъ за ея предложенія, мы разспросили кое-что о городѣ и, узнавши, что городъ, по тогдашнимъ торгамъ, снабденъ былъ достаточно всякими товарами, съѣстные же припасы даже были весьма дешевы, мы сожалѣли о нашемъ недостаточномъ состояніи, но получили нѣкоторую надежду.

Разбирая нашу бѣдную рухлядь, мы неожиданно увидали двѣ пары новыхъ шелковыхъ чулокъ, завалившихся въ моей укладкѣ. Какъ мы обрадовались оба сей находкѣ! Мы тотчасъ назначили ихъ быть проданными для нашего содержанія. Позвана хозяйка, взялась продать, но боялась быть обманутою, ибо такихъ вещей никогда не видала. Успокоили ее всевозможно; согласилась, но сказала, что базаръ бываетъ послѣ обѣда; а у насъ къ завтрему ни копѣйки; обѣщала ссудить четвертью рубля; просили купить по утру для насъ говядины и хлѣба. И такъ, первый вечеръ прошелъ.

На другой день хозяйка приноситъ на десять копѣекъ говядины, предовольно для горячаго и изжарить; за пять копѣекъ бѣлаго хлѣба на три дни; словомъ, обѣдъ изобильный. Лорхинъ занялась стряпнею; я пошелъ къ князю на дворъ, узнавши, что у него есть учитель для дѣтей, французъ. Тутъ принятъ былъ я довольно ласково. Учитель изъ чадъ Гаронны, старикъ вызванный въ Россію для поселенія, не умѣвши совладѣть съ нашею землею, рѣшился лучше обработывать умы и сердца молодыхъ дворянъ; рѣшился и успѣлъ: ибо имѣлъ мѣсто, приносящее ему 500 р. годового жалованья и все содержаніе. А какъ воспитывалъ? Чему училъ? О! это дѣло совсѣмъ было ему чуждое. Въ сей домъ для дѣтей надобенъ былъ французъ; онъ—французъ, и по рукамъ!

Почто забавляться на твой счетъ, любезный, простосердечный, въ тогдашнемъ смыслѣ, истинный гусаръ, князь Матвѣй Аѳанасьевичъ? Не ты сіе затѣялъ: ты

только послѣдовалъ десяти тысячамъ глупцовъ, ловившихъ въ перехватъ всѣхъ бродягъ французскихъ для воспитанія своихъ чадъ.

Старикъ Ганіо, хотя истинный мужикъ, но по мѣрѣ просвѣщенія его отечества, держался въ семъ домѣ довольно изрядно: для дѣтей онъ былъ угодливая нянюшка, для князя забавникъ. Обошедшись со мною ласково, онъ хотѣлъ сказать князю, что я знаю по французски и что меня можно рекомендовать въ какой-нибудь домъ учителемъ. Лишенный всѣхъ средствъ къ существованію, я согласился на предлагаемое, предоставляя случаю весь успѣхъ онаго. Возвратясь, я нашелъ мою милую Лорхинъ ожидающую меня съ обѣдомъ. Какой обѣдъ, мой Боже! Глиняная посуда, деревянная ложка; но мы ѣли тогда съ охотою, со вкусомъ, приправляя все сладостными мыслями, что мы вмѣстѣ, никѣмъ болѣе не надсматриваемся. Послѣобѣденное время провели въ разговорахъ, въ ласканіяхъ одинъ другого; словомъ, наипріятнѣйше. Къ вечеру хозяйка наша принесла намъ 3 р. 80 к. денегъ. Сумма, какой давно уже мы не имѣли въ своихъ рукахъ. За двое новыхъ туринскихъ чулокъ 3 р. 80 к.! Слава Богу и за тѣ.

На другой день Лорхинъ была у дочери князя; возвратясь, не могла довольно нахвалиться привѣтливостію и добродушіемъ милыя княжны. Она, узнавши отъ Ганіо, что я говорю по французски, хотѣла сама постараться сыскать намъ мѣстечко.

Сей день проведенъ какъ вчерашній, но ночью моя бѣдная подруга занемогла нешуточно. Безпокойствія въ дорогѣ и другія потрясенія повредили несчастное твореніе, носимое ею подъ сердцемъ. Она начала чувствовать страшное мученіе, продолжавшееся чрезъ весь день и которое не инымъ кончилось, какъ рожденіемъ мертваго ребенка.

Спустя нѣсколько времени, князь, призвавши меня, говорилъ: «Я слышалъ, ты мастеръ по фран-

цузски, и еще кое-что знаешь? Сходи къ майору Рыбкину; скажи, что я тебя прислалъ».—«Ваше сіятельство, я говорю по французски и еще знаю нѣкоторыя науки, но учителемъ быть я никакъ не готовился».—«Экой ты чудакъ; вѣдь ты говоришь по французски: такъ мудрено ли учить дитя азбукѣ? Ступай, знай; да смотри, не плошай; онъ скупъ, какъ жидъ!»

Пришедши къ сказанному господину, я встрѣченъ былъ довольно ласково отъ него и его супруги. Оба мнѣ обѣщали свою высокую милость, если я буду стараться прилежно учить ихъ Катеньку. Представленный къ дочкѣ, я нашелъ ее за французскою азбукою въ складахъ. Попросивши меня прослушать ее, родители удалились, и я принужденъ былъ часа два заняться преинтересными складами. Наконецъ, явился отецъ, спрашивалъ: «Понятна ли, Катенька, и не забыла ли задовъ?» Я отвѣчалъ: «О понятіи на первый разъ не могу сказать ничего худого; забыть же ей почти нечего, ибо она только лишь выучила азбуку». Г. майоръ, входя къ женѣ, приказалъ подать мнѣ рюмку водки и просилъ, чтобы я каждый день до обѣда приходилъ учить Катеньку. О награжденіи онъ ни слова, а я какъ-бы это смѣлъ начать?

Князь, по добротѣ своей души, сердился, что началъ я учить безъ договору; я по мягкости моей каждый день собирался о семъ предложить, и все молчалъ; Рыбкинъ по жестокости своей молчалъ также, надѣясь—ничего, или по крайней мѣрѣ весьма мало платить. Такъ протекло около двухъ недѣль, и я начиналъ чувствовать въ самомъ необходимомъ прекрайнюю нужду.

Не знаю, чѣмъ бы сіе кончилося, ежели бы Богъ не явилъ мнѣ неожиданно своея милости. Въ обѣдъ одного дня, я потребованъ къ князю. Время необыкновенное заставляло догадываться о чемъ-нибудь важномъ. Вхожу, князь съ веселымъ лицемъ говоритъ: «Съ Рыбкинымъ, братъ, ты не сладишь; ступай-ка

къ здѣшнему откупщику на дворъ теперь же; спроси тамъ Астраханцева и скажи ему, что я тебя прислалъ. Завтра же поутру явись ко мнѣ непремѣнно съ отчетомъ, что тамъ будетъ».

Откупщиковъ нашелъ я за благословенною трапезою. Человѣкъ, распудренный въ прахъ, сидѣвшій въ заглавіи правой стороны, сказалъ мнѣ: «Конечно вы отъ его сіятельства?» и просилъ тотчасъ садиться съ ними обѣдать. Увернуться было нельзя: сѣлъ и, окинувши взорами честную бесѣду, увидѣлъ, что оная составлялась изъ двухъ пудреныхъ, нѣсколькихъ бородатыхъ, нѣсколькихъ съ пучками, большой частію стриженныхъ—и ихъ дражайшихъ половинъ. Столъ преизобильно покрытъ былъ лучшими рыбами, кашами, пирогами, кулебяками и прочимъ благочестивымъ кормомъ. Запивали пивкомъ, медкомъ и наливками. Послѣ обѣда г. Астраханцевъ ввелъ меня въ свое жилище. Онъ-то былъ распудренный, краснорожій, съ вытяжкою произносящій свои глаголы, главный и важнѣйшій всего откупа повелитель. Потребовавши, чтобы я что-нибудь написалъ, хотѣлъ еще знать, могу ли я сочинять? Для опыта далъ мнѣ прочесть небольшую бумагу и велѣлъ по оной написать къ г. губернатору прошеніе. Сочиненіе одобрено въ полной мѣрѣ, и изъ разговора можно было заключить, что онъ, зная по русски плохо читать и писать, слыхалъ о краснорѣчіи и любилъ высокопарныя реченія, предложилъ мнѣ должность заниматься однимъ сочиненіемъ просьбъ и его собственною перепискою, словомъ: я принимался къ нему секретаремъ. Жалованья предложилъ онъ мнѣ на первый случай 200 р. въ годъ и 100 р. на квартиру, прибавивъ къ тому, ежели имѣлъ надобность, получить, сколько угодно, впередъ денегъ. Я попросилъ 50 р., безъ прекословія выданы; и я въ вечеру, возвратясь домой, принесъ съ собою: голову сахару, фунтъ чаю, пять фунтовъ кофію и 45 р. 50 к. наличныхъ. Такая

пріятная нечаянность много ободрила мою подругу. Мы, до сего видѣвши себя непрестанно подъ мрачными тучами, съ сего дня могли надѣяться иногда и вёдра.

На другой же день квартиру перемѣнили, дворовую Маріихинъ, колонистскую дѣвку, за 15 р. въ годъ наняли въ работницы, необходимѣйшимъ завелись и стали жить поопрятнѣе, ѣсть, пить вкуснѣе и спать покойнѣе.

Князь, узнавши о всемъ обстоятельно, сказалъ: «Вотъ такъ-то, братъ, будетъ получше; да смотри, самъ не плошай!» *Не плошай,*—совѣтъ добрый, но коего я никогда не могъ употребить въ пользу: ибо къ сему требовалося болѣе досужности, пролазничества, безстыдства и прочихъ достохвальныхъ качествъ, способствующихъ, что называется, къ наживѣ; а я ихъ начисто былъ чуждъ. Теперь, стоя у конца моего теченія и смотря на прошедшее время, заключающее въ себѣ множество различныхъ случаевъ и происшествій, вижу весьма ясно, что я могъ бы, какъ и другіе, кое-чѣмъ для переду запастись, ежели бы рѣшился предъ богачами ползать, глупцамъ вторить, бездушниковъ хвалить, волокитамъ помогать и пр., весьма обыкновенное между всѣми лучшими нынѣшними людьми. Многіе, зная нѣкоторые случаи моея жизни, можетъ быть, называютъ меня дуракомъ, что я не умѣлъ воспользоваться своимъ временемъ; пусть и такъ: но подлецомъ, по справедливости, никто не можетъ меня назвать.

Проживши съ недѣлю съ моимъ Астраханцевымъ, написавши ему удачно нѣсколько бумагъ, пришелъ я у него въ такую милость, что онъ открылъ мнѣ всѣ важныя тайны откупа, т. е. что онъ въ разстройствѣ и въ казенномъ надзорѣ, по злоупотребленіямъ товарищей его хозяина, имѣющаго въ откупѣ семь частей; что онъ Астраханцевъ присланъ главнымъ управляющимъ отъ стороны хозяина, почему онъ неминуемо

долженъ былъ завести приказную ссору, и для того онъ хочетъ меня имѣть собственно для его хозяина. Въ семъ расположеніи я самъ находилъ для себя болѣе выгодъ, ибо долженствовалъ угождать одному, а не троимъ.

Сіе не могло долго укрыться отъ товарищей, и я скоро почувствовалъ ихъ къ себѣ неблагопріязнь, хотя и нимало не могшую мнѣ вредить. Къ свѣтлому празднику, за написанную по вкусу моего принципала бумагу, я получилъ отъ него не въ зачетъ 50 р. Чрезъ сіе я могъ состроить себѣ новый сюртукъ, Лорхинъ также, хотя и неважныя, нѣкоторыя обновки. Къ самому празднику обослалъ насъ г. Астраханцевъ всѣмъ преизобильно, особенно что касается до піемаго.

Наставшу маю мѣсяцу, когда кассиръ вопрошалъ: сколько мнѣ положено жалованья? Астраханцевъ далъ письменный приказъ: «производить комиссіонеру Винскому, изъ части его хозяина, по 400 р. въ годъ, безъ зачета выданныхъ 50 р.» Такъ, я въ короткое время достигъ безбѣднаго содержанія, и съ сего времени я жилъ въ полномъ удовольствіи. Но какая жизнь, когда я теперь объ ней вспомню! Быть ежедневно въ сообществѣ корчмарей, слышать непрестанно ихъ ссоры и раздоры, напиваться безъ вкуса по дважды въ день, а иногда и трижды; словомъ, быть настоящимъ ярыгою. Такъ провелъ я почти два года, и не могу сказать, что бы изъ меня вышло, ежели бы я долѣе оставался при семъ мѣстѣ.

Очередь дошла Оренбургскому краю быть причастну преобразованій: генералъ-поручикъ Якоби былъ назначенъ отъ императрицы обозрѣть сію губернію и положить на мѣру открытіе новаго намѣстничества. Сей чиновникъ, будучи уменъ, обходителенъ и въ дѣлахъ свѣдущъ, при первомъ своемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ, имѣлъ съ собою много людей съ дарованіями, пріятнаго обхожденія, словомъ, людей весьма

отъ оренбургскихъ каторжныхъ жителей отличныхъ. Открытіе же въ Уфѣ намѣстничества еще болѣе доставило сему краю людей весьма порядочныхъ, такъ что грубость и скотство, прежде здѣсь господствовавшія, тотчасъ принуждены были уступить мѣсто людскости, вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ.

Уфа, сдѣлавшись губернскимъ городомъ, наполнилась многими благородными семьями изъ другихъ мѣстъ, которыя, заѣхавши въ отдаленной пустой край, конечно, во многомъ имѣли недостатокъ. Учители языковъ, особенно французскаго, ставши за нѣсколько лѣтъ въ дворянскихъ домахъ необходимостію, были изъ первыхъ исканій сихъ заѣзжихъ господъ. Нѣкто г. Шишковъ, Ѳедоръ Яковлевичъ, по новому учрежденію губерній таможенный совѣтникъ, пріѣхавши въ Оренбургъ по своей должности и увидѣвшись со мною, какъ сослуживецъ въ Измайловскомъ полку и добрый человѣкъ, вошелъ искренно въ мое положеніе и, желая, сколько можно, улучшить мою участь, предложилъ мнѣ сдѣлаться домашнимъ учителемъ у одного его пріятеля, чиновника, живущаго въ Уфѣ.

Откупъ кончился, ссоры и всѣ кабацкія дѣла прекратились, жизнь моя корчмарская опостылѣла уже и мнѣ, а женѣ моей давно была несносна. Посему еще болѣе, дабы только выѣхать изъ ненавистнаго Оренбурга, я охотно согласился на предложеніе добраго г. Шишкова, предоставивъ его полной волѣ постановленіе за меня условій, что онъ совершилъ, какъ истинно-честный человѣкъ и мой благодѣтель. 9-го августа 1783 отправился я изъ Оренбурга, а 13 былъ уже въ Уфѣ и помѣщенъ въ домѣ г. надворнаго совѣтника Николая Михайловича Булгакова.

Договоръ постановленъ былъ для двухъ дѣтей: учить французскому языку, географіи, исторіи, ариѳметикѣ, за то получать въ годъ деньгами 300 р. и все

содержаніе со услугою и выѣздомъ для жены и меня. По счастію, дѣти, бывши на рукахъ француза около года, еще изъ азбуки не вышли. Посему начать мою школу я могъ для себя съ честію, ибо грамматику я твердо еще помнилъ; начатки другихъ наукъ также еще были не забыты. Впрочемъ, уча, на досугѣ можно и самому учиться, что точно со мною сбылося: ибо я, пробывши около 16 лѣтъ въ разныхъ домахъ учителемъ, ежели не выпустилъ своихъ учениковъ виртуозами въ наукахъ, за то самъ столько успѣлъ въ знаніи французскаго языка, что могъ читать и переводить всѣхъ родовъ авторовъ безъ словарей.

Новая жизнь.

Въ порядочномъ дворянскомъ домѣ должно было непремѣнно перемѣнить образъ моей бывшей жизни, т. е. опрятнѣе одѣваться, ѣсть въ пору, пить въ мѣру, находиться чаще между порядочными людьми и такъ далѣе. Въ сей нѣсколько приневоленной перемѣнѣ я положилъ для себя обѣтъ: «недостающее во мнѣ для званія порядочнаго учителя пополнить прилежностію и истиннымъ усердіемъ во исполненіи сея должности». Могу похвалиться, что въ продолженіе во всѣхъ домахъ моего учительства, я точно не только не пропускалъ дней или часовъ, опредѣленныхъ для ученія, но отъ времени узнавъ легчайшіе или вѣрнѣйшіе способы къ преподаванію наукъ, я употреблялъ ихъ охотно, даже жертвуя собственными моими часами и занятіями. Я бы могъ здѣсь ясно доказать ничтожный способъ домашняго ученія, обыкновенно употребляемаго, и пользу того, къ которому я, по усердію моему, добрелъ, но... пѣть глухимъ и картины показывать слѣпымъ тутъ не мѣсто; знающій же дѣло меня пойметъ. Кто отправлялъ мучительную учительскую должность, тотъ вѣрно знаетъ, что, выписавъ грамматику, разговоры, лексиконы и распорядивъ по

нимъ уроки, не великая трудность, а только скука— просиживать въ школѣ часы съ учениками: обыкновенная метода иностранцевъ и нашихъ педантовъ. Но есть средство самое вѣрное и ученику полезное въ ученіи его языку, чрезъ чтеніе съ переводомъ и истолкованіемъ слога того языка и разности нашего. Въ семъ способѣ вся трудность учителю: поелику онъ долженъ не только съ усердіемъ, но и съ крайнимъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ внушать ученику скучныя правила, не именуя ихъ, что особенно трудно на первыхъ десяткахъ страницъ. Но я по опытамъ увѣренъ, что, прошедши такъ съ ученикомъ только четверть тома, онъ столько уже зналъ языкъ и его составъ, что ему можно было поручить тотчасъ переводы самыхъ трудныхъ авторовъ. Сей способъ для иностранцевъ совершенно невозможенъ, ибо онъ требуетъ отъ учителя знанія обоихъ языковъ всесовершенно.

Жизнь русская домашняя.

Знавши до сего русскихъ въ столицахъ или на улицахъ, теперь же начавши жить съ ними поближе и, что называется, въ ихъ домашнемъ быту, я многое увидалъ неожиданное и многое узналъ, чему бы никогда не повѣрилъ. Николай Михайловичъ Булгаковъ, его супруга Прасковья Михайловна, трое дѣтей и до 60-ти обоего пола челядинцевъ, составляли въ настоящемъ видѣ русскій дворянскій домъ. Господинъ былъ за 40 лѣтъ, кротокъ, снисходителенъ, искателенъ, не корыстолюбивъ, хотя и не щедръ. Госпожа—подъ 40 лѣтъ, ласкательна сначала безъ мѣры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья, безстыдница и къ людямъ жестока. Дѣти, какъ избалованные барчата; сынъ Александръ 9 лѣтъ, истинный ососокъ; дочь Анна 15 лѣтъ, уже, что первое меня

удивило, заглядывалась на мужчинъ; Аленушка 4-хъ лѣтъ съ рожкомъ во рту. Челядинцы, какъ и вездѣ, составляли домашній скотъ; одни приближенные, любимцы имѣли лучшее одѣяніе и содержаніе; другіе, назначенные работать руками и ногами, имѣли одно нужное, и то бережливо.

Госпожа управляла домомъ самовластно, или лучше самовольно. Управленіе сіе, во всѣхъ подробностяхъ, есть дѣло довольно любопытное, ибо тутъ непрестанно незнаніе сражается съ невѣжествомъ. Сколько меня сначала удивляло: «не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое худое»—обыкновенный русскаго дворянства отвѣтъ на представленіе своего холопа! Хозяйство русской домоводки состоитъ все изъ самыхъ мелочей: на кухнѣ—масла, яицъ и другихъ припасовъ ежедневно издерживается втрое болѣе надобнаго, и отъ неумѣнья повара употреблять, и отъ привычки воровать, чему ни одна хозяйка воспрепятствовать, кромѣ крику и побоевъ, надлежащимъ образомъ не можетъ: ибо ни одна не познакомлена съ кухонными работами. И смѣшно, и жалко было смотрѣть споръ незнающей госпожи съ невѣжею поваромъ. Сія кричитъ: «У тебя сегодня соусъ былъ совсѣмъ нехорошъ». — «Нехорошъ, сударыня, да чѣмъ же?»— «Еще бъ я знала чѣмъ? Нехорошъ, скверенъ, тебѣ говорятъ; вотъ я тебя, каналью, научу». — «Воля ваша, сударыня, а я лучше не умѣю». — «Еще ты смѣешь говорить! Развѣ даромъ за тебя деньги платили?» — «Большія, сударыня, деньги 15 р., да тому же болѣе уже 30 лѣтъ; тогда и не слыхать было о такихъ кушаньяхъ, какихъ ты изволишь требовать». — «Разговорился, бестія?» — «Воля твоя, сударыня, вѣдь мнѣ скоро 60 лѣтъ; я же человѣкъ ломанный, пора бы отставить».—«А вотъ я тебя отставлю, забудешь ты противъ барыни ротъ разѣвать». Счастливъ, когда таковыя бесѣды угрозами кончатся.

Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ не имѣть голоса противъ своихъ господъ, дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтными скотами, покорность коихъ посему дальше всякія вѣроятности, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ. Надобно быть допущену во внутренность домовъ дворянскихъ, и самому не быть посему русскимъ, дабы видѣть всѣ своевольства ежедневно въ сихъ вертепахъ. Я началъ мое ознакомливаніе съ домами точно не въ худшемъ, и по совѣсти не могу сказать, чтобы я, гдѣ ни жилъ, видѣлъ тиранства, творимыя у Михаила Васильевича Матюнина и его сестрицъ; но съ чистосердечіемъ долженъ написать, что и въ семъ домѣ за малѣйшіе проступки, часто по одному своенравію госпожи, лилась кровь несчастныхъ. Помѣщенный въ главномъ корпусѣ дома такъ, что однѣ только узенькія сѣни отдѣляли меня отъ комнатъ хозяйки, я невольно долженъ былъ видѣть или слышать экзекуціи, всегда отправляемыя въ сѣняхъ въ присутствіи госпожи.

Распространяться о проступкахъ нѣтъ надобности: всякъ знаетъ, что предъ господиномъ, что ступилъ, то провинился, и за все наказывается; важнѣйшими, однакожъ, всегда почитаются волокитство и домашняя кража. Крайнее удивленіе возбуждается въ иностранцѣ истребленіемъ по дворянскимъ домамъ челядинцами посуды и другихъ вещей. Они все бьютъ, ломаютъ, теряютъ, будто на подрядъ; а глупые хозяева довольствуются однимъ лишь за то наказаніемъ.

Надзоръ за комнатными дѣвками есть первая заботливость госпожи. Малѣйшее сихъ несчастныхъ поползновеніе, даже ничего незначущая игра, никогда не прощается; яснѣе же доказанное преступное дѣяніе, кромѣ истязаній тѣлесныхъ, во всѣхъ благочестивыхъ домахъ наказывается выдачею несчастныя преступницы въ замужество за какого-нибудь урода. Сколько разъ я бывалъ заступникомъ, ходатаемъ за

таковыхъ несчастныхъ, и всегда почти безуспѣшно, ибо у благочестивыхъ барынь сей проступокъ безъ помилованія.

Кража домашняя, особенно господскаго и бездѣльнаго, розыскивается, взыскивается и наказывается со всею жестокостію; но украденное на сторонѣ всегда почти укрывается.

Первый годъ моего житья съ русскими для меня былъ весьма тяжелъ, ибо сколько уже ни испорченъ я былъ въ моей нравственности, но обхожденія и всѣ пріемы русскихъ заставляли меня, особенно мою бѣдную Лорхинъ, много переносить непріятностей. Въ русскомъ домашнемъ съ посторонними обхожденіи множество случается мелочей по скупости, или по глупости, которыя щекотливаго человѣка ежедневно станутъ выводить изъ терпѣнія. Не живавшій съ русскими ослѣпится первыми ихъ пріемами и ласковостями; но не пройдетъ двухъ недѣль, и все сіе воспріиметъ совершенно иной видъ. Скоро предупрежденіе замѣнится упорнѣйшимъ невниманіемъ, ласки угрюмостію, угожденія отказами и пр. Челядинцы съ первыхъ дней начинаютъ творить всевозможныя пакости. Они въ каждомъ домѣ, составляя для своихъ выгодъ братство, всякаго посторонняго опасаются и потому стараются ему всегда досаждать. Пріобрѣсть же ихъ приверженность почти ничѣмъ нельзя, ибо сколько они ни корыстолюбивы, но вѣроломны еще болѣе.

Хотя распуста мною владычествовала еще полновластно, хотя многіе вечера и свободные дни проводждалъ я въ нѣсколькихъ домахъ, какъ и прежде, въ діонисіякахъ и карточной игрѣ: со всѣмъ тѣмъ учительская должность, требующая нѣкотораго рода степенности, расшевеливая и временами смачивая засохшія въ сердцѣ моемъ сѣмена малороссійскаго воспитанія, тѣмъ пособствуя имъ кой-гдѣ возникать, возродила во мнѣ пристрастіе къ двумъ занятіямъ,

ставшимъ, наконецъ, истиннымъ посредствомъ для сбереженія моего здоровья и для обработанія моея нравственности. Дабы не сидѣть праздно-скучно въ классѣ, пока дѣти учили уроки, я началъ читать книги, сперва, какъ и многіе, только что бъ убивать время; но книгами не всегда можно шутить: онѣ часто или тихонько закрадываются, или насильно втискиваются въ человѣческое сердце, разумѣется, однако, *человѣческое*. Начавшій тогда выходить въ свѣтъ *Всемірный Путешествователь* зажегъ во мнѣ любопытство. Блаженъ, чье сердце способно принять сію божественную искру, и преблаженъ, кто, воспламеняемый симъ священнымъ огнемъ, нападетъ самъ собою, или наведенъ будетъ добрымъ человѣкомъ любопытствовать, то есть научаться одному полезному. Къ несчастію рода человѣческаго, дщери ада, изувѣрство и ложная политика, умѣли столько засыпать гибельными мнѣніями правила чистыя нравственности, что одни счастливые и отлично прозорливые смертные могутъ ихъ отличить отъ лжей, безстыднѣйше выдаваемыхъ за истины.

Продолжая чтеніе, я скоро примѣтилъ, что въ россійскихъ книгахъ много недоставало для удовольствованія моего любопытства, и для сего началъ знакомиться съ французскими. По счастію у г. губернатора имѣлась богатая библіотека, и онъ благоволилъ дать мнѣ позволеніе ею пользоваться. Первый Вольтеръ заохотилъ меня читать и разсуждать. Занимательный слогъ, важность вещесловія, смѣлыя истины, тотчасъ мною переведены и сообщены знакомымъ, какъ новость. Похвалы, благодарность болѣе и болѣе заставили упражняться въ переводахъ, а симъ самымъ пріобрѣталась нравственность, ибо писать и бражничать—сладить было никакъ нельзя. Славолюбіе есть одна изъ дѣятельнѣйшихъ сердца человѣческаго пружинъ; умѣй только ее трогать, и она произведетъ неимовѣрное.

Къ сему времени случай доставилъ мнѣ знакомство почтеннаго Александра Ивановича Арсеньева, дворянина отличныхъ достоинствъ по уму и добротѣ сердца. Онъ, получивши превосходное воспитаніе и достаточное ученіе въ родительскомъ домѣ, потомъ усовершенствованный долговременнымъ пребываніемъ при своемъ дядѣ, бывшемъ министромъ въ Англіи, употребленный отличительно при посольствѣ князя Репнина, состоялъ тогда по военной службѣ подполковникомъ. Ни одного изъ русскихъ не зналъ я, кто бы, какъ г-нъ Арсеньевъ, живши весьма долго между иностранцами, болѣе приверженъ былъ къ своему отечеству и любилъ его страстнѣе, хотя и весьма не принадлежалъ къ тому безмѣрному скопищу, гдѣ русскій дымъ называется сладкимъ, какъ благовоннымъ. Сей благородный человѣкъ, по благодушію своему, занялся образованіемъ моего невѣжества, какъ благодѣтель ближняго. Около года имѣлъ я счастіе почти ежедневно пользоваться его бесѣдою; онъ то одобрилъ меня заняться переводами важнѣйшими; его: ed io correggio suo pittore навсегда врѣзаны въ моемъ сердцѣ. Онъ мнѣ, между прочимъ, говаривалъ, что авторы въ Европѣ, особенно французскіе, начали въ сіе время выдавать свои сочиненія подъ названіями странными, и что любопытнѣйшее по большей части можно находить въ такихъ книгахъ.

По отбытіи уже его изъ Уфы, увидѣвши въ каталогѣ книгу подъ названіемъ L'an 2400, я тотчасъ ее выписалъ. Съ первыхъ главъ: Сонъ, Грёза обезохотили было меня заняться сею книгою; но, прочитавши внимательнѣе приношеніе самому лѣту, я ощутилъ въ душѣ моей неизъяснимое влеченіе полюбить сего смѣлаго сочинителя, твердаго поборника истины и неустрашимаго защитника правъ человѣчества. Съ сего времени сей знаменитый писатель и ему соотвѣтствующіе сдѣлались моими любимѣйшими авторами. Имъ однимъ обязанъ я благодарностію вѣчною

за небольшое количество знаній, мною пріобрѣтенныхъ, особенно за возвращеніе на путь чистыя нравственности, отъ котораго я былъ уже столь удаленъ.

Переводы мои, сообщаемые моимъ знакомцамъ, доставляли мнѣ лестную награду похвалами и благодарностію. Я ожидалъ было лучшаго, т. е. что читающіе ихъ хоть столько же ими воспользуются, сколько я, и для сего надрывался выбирать любопытнѣйшее и трудился, точно нелѣностно. Къ несчастію, долженъ признаться, что ожиданіе мое едва ли имѣло въ комъ успѣхъ; по меньшей мѣрѣ скажу, не хвастаясь, что я имѣлъ удовольствіе видѣть предлагаемые мнѣ мои собственные переводы за новинку, вывезенные изъ средины Сибири; въ Симбирскѣ же и въ Казани они весьма многимъ были извѣстны.

Страннымъ, можетъ быть, покажется читателю, что я со вторичнаго моего изъ Малороссіи выѣзда ни единожды не упомянулъ о моихъ родственникахъ. Вина сего молчанія—неимѣніе ничего важнаго по сей части къ сообщенію; къ тому какъ мать моя, во время нахожденія моего подъ судомъ, скончалася, я сталъ какъ бы чужой моимъ роднымъ, или лучше, моей сестрѣ, которая, по смерти нашей матери, закусивши удила и загнавши своего бѣднаго мужа въ Черниговъ судействовать, пустилась безъ оглядки своевольничать. Я и теперь не упомянулъ бы о семъ, ежели бы сестрица моя не сыграла мнѣ самой досадной шутки, во время пребыванія моего въ домѣ г. Булгакова. Надобно знать, что мы, съ перваго года ея замужества, т. е. съ 1775 года, были съ нею не въ ладахъ: она кичилась своимъ полковничьимъ званіемъ, я защищалъ мое первородство, и такъ частехонько отъ споровъ доходили, по взаимной неуступчивости, до ссоры. Въ Петербургъ она ко мнѣ совсѣмъ не писала; правда, и я не исправнѣе ея былъ. По переселеніи въ Оренбургъ, я писалъ къ ней со

всею возможною покорностію и униженіемъ, надѣясь возбудить въ ней состраданіе; но на письма мои или отвѣчала сухо, или оставляла ихъ безъ отвѣтовъ; о пособіи же никогда и не думала. Такъ протекло пять лѣтъ моего заточенія, и я привыкалъ считать себя безроднымъ. Зимою въ 1786 году, отъ тогдашняго г. губернатора Квашнина-Самарина неожиданно получилъ я сестрино письмо и два имперіала. Въ письмѣ, извѣщая, что она ѣдетъ въ С.-Петербургъ, требовала, чтобы я прислалъ къ ней въ Малороссію мою жену, которую намѣревалась она взять съ собою и употребить ее тамъ ко испрошенію мнѣ свободы. Дѣло сіе, по моимъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, было для меня самое тяжелое; но, повинуясь моей злой участи, собравши послѣднія крохи и съ помощію г. Булгакова, отправилъ я по назначенію мою бѣдную жену. Умалчивая, что она принята была весьма худо, еще хуже отправлена при обозѣ въ Петербургъ, скажу только, что сестрица моя, представивши одинъ только разъ ее графинѣ Апраксиной, потомъ совершенно бросила до того, что если бы не имѣла сія родныхъ, то и пріютиться ей было бы негдѣ. Окончила же сіе свое великодушное предпріятіе, оставивши мою бѣдную жену въ С.-Петербургѣ безъ денегъ, безъ покровительства, не сказавши ей о своемъ отъѣздѣ, ниже меня извѣстивши. Получивши о семъ увѣдомленіе отъ жены, ежели я не былъ увѣренъ въ ея истинной честности, я бы подумалъ, что она своимъ поведеніемъ довела сестру до такой жестокости; но пріѣздъ ея ко мнѣ пояснилъ все дѣло. Сестрица поступила тутъ какъ истинная своевольница, чуждая не только нѣжныхъ ощущеній сердца, даже не повинующаяся и пристойности. Но три мои о семъ досадномъ происшествіи убѣдительнѣйшія просьбы не удостоила ни единымъ словомъ, чѣмъ и меня принудила было прервать съ нею всякое сообщеніе.

Оружейная охота.

Жизнь моя въ домѣ г. Булгакова, кромѣ изъясненныхъ выше небольшихъ непріятностей, впрочемъ была довольно сносна; ибо, не заботясь о ежедневномъ насущномъ, имѣя упражненіе, я возобновилъ еще для себя потерянную было забаву, именно оружейную охоту. Оренбургскій край, преизобилуя всѣхъ родовъ дичью, доставлялъ черезъ сію охоту и для здоровья весьма полезное занятіе, и для моего лакомства изобильное удовлетвореніе. Могу по совѣсти похвалиться, что я въ 35-ти лѣтахъ моей жизни, можетъ быть, ни одного дня не прожилъ безъ дичины своего стрѣлянья, и что забава сія, послуживши къ поддержанію моего здоровья, доставляла мнѣ всегда немалое удовольствіе собственно сама собою.

У насъ въ Россіи можно полагать только два рода охоты, т. е. оружейная и псовая. Звѣроловство и рыболовство суть промыслы. Оружейная охота, т. е. стрѣляніе дичи изъ ружей, противъ псовой или ловленія зайцевъ собаками, имѣетъ великія преимущества. Оружейный охотникъ, не могучи въ семъ дѣлѣ иначе дѣйствовать, какъ непосредственно самъ, ежели искусенъ въ стрѣльбѣ, имѣетъ право присвоивать себѣ нѣкоторый родъ искусства, доставляющаго, какъ и другія художества, своимъ производителямъ извѣстность, отличія. Псовый охотникъ въ своей ловитвѣ самъ собою ничего не значитъ, ибо догнать и поймать зайца не отъ него собственно зависитъ; слѣдовательно, безъ личнаго искусства, какое право на извѣстность, еще больше на отличіе? Оружейная охота, по своему производству, есть самая простая, до того немногосложна и безубыточна, что ею можетъ пользоваться почти каждый гражданинъ. Псовая, напротивъ, столько требуетъ приготовленій, разныхъ постороннихъ пособій, столько издержекъ,

что одни только богатые люди въ своихъ помѣстьяхъ могутъ ею, по русскому обычаю, въ полномъ смыслѣ пользоваться. Стрѣлокъ, вздумавши позабавиться охотно, встаетъ тихо съ своей постели, на зарѣ выходитъ изъ дома безъ шума, проходитъ жительство, никого не обезпокоивая, ищетъ добычи, или легонько насвистывая, или тихо напѣвая пѣсенку; ходитъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ, не только не причиняя земледѣльческимъ нивамъ поврежденія, ниже дѣлая въ полевыхъ работахъ малѣйшую помѣху. Псовники, въ назначенный день для выѣзда на охоту, съ полуночи наполняютъ весь домъ шумомъ: клики людей, ржаніе коней, лай и вой собакъ, заставляя деревенскихъ отвѣтствовать тѣмъ же, разбужаютъ все живущее въ селеніи и, вынуждая къ тому же рыканіе испуганныхъ коровъ, блеяніе овецъ, визгъ свиней, плачъ дѣтей, вопли бабъ, составляютъ такой адской концертъ, который всѣхъ воробьевъ полусонныхъ выгоняетъ изъ гнѣздъ. При таковомъ всеобщемъ смятеніи охотники проѣзжаютъ деревню, гдѣ первая гоньба начинается за дворными собаками и терзаніемъ несчастныхъ овецъ и свиней, попадающихся на улицахъ. Что производится на мѣстахъ самыя охоты? Какой подымается тамъ крикъ, свистъ, хлопанье арапникомъ, ревѣнье роговъ! Какъ сей гамъ въ окрестности нѣсколькихъ верстъ наводитъ всему дышущему всеобщій трепетъ! Какая причиняется пагуба осеннимъ посѣвамъ и вешнимъ всходамъ! Какъ вытаптываются луга! Все сіе потребовало бы особеннаго описанія; и все сіе, конечно, каждый псовникъ знаетъ, но не скажетъ. А что стоятъ бѣднымъ земледѣльцамъ, особенно короннымъ, отъѣзжія, что называются, дворянскія поля? Оружейный охотникъ, въ сотовариществѣ добрыхъ пріятелей (слуги въ ней, какъ товарищи, никогда не допущаются), весьма пріятно можетъ забавляться; ибо сія охота, при самомъ своемъ производствѣ, не от-

нимаетъ возможности бесѣдовать даже объ важныхъ дѣлахъ; но онъ ничуть не имѣетъ непремѣнной надобности въ товарищахъ: поелику, дѣйствуя самъ собою, онъ всегда достаточенъ одинъ для своего дѣла. Псовый, напротивъ, одинъ и самъ собою почти ничего не можетъ сдѣлать. Товарищество ему необходимо, изъ котораго для труднѣйшихъ производствъ обыкновенно назначаются слуги. Бѣднѣйшій господинъ долженъ для охоты имѣть ихъ при себѣ не меньше трехъ, богатые держатъ десятки и сотни. Всѣ они, какъ охотники, не только участвуютъ въ самой забавѣ, но и при сужденіи и разговорахъ о травлѣ. Тутъ-то наблюдатель имѣетъ случай полюбоваться, глядя, какъ барская глупая надменность и жестокость якшаются съ холопьимъ подлымъ невѣжествомъ. Оружейная забава, по собственному своему производству будучи временна, по простотѣ своей не требуя излишнихъ заботъ, не отнимаетъ у благонамѣреннаго охотника ни времени, ни способовъ заниматься другими полезнѣйшими дѣлами, даже ученіемъ.—Псовая, продолжаясь цѣлые дни, недѣли, у многихъ мѣсяцы, по многосложности своей требующая много заботливости, по производству своему пріучающая къ праздности и пустословію, отвлекаетъ молодыхъ барчатъ отъ полезныхъ дѣлъ, поселяетъ въ нихъ вкусъ къ молодечеству, т. е. къ буйству, наклоняетъ почти всѣхъ къ безженству; словомъ, дѣлаетъ ихъ совершенными негодяями, вредными себѣ, пагубными ихъ рабамъ, несносными даже знакомцамъ, ежели они не псовники. Оружейный охотникъ, ежели, какъ выше сказано, занимается другими полезными дѣлами, особенно ученіемъ, можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ, вѣрнымъ другомъ, пріятнымъ собесѣдникомъ; словомъ, полезнымъ членомъ общества. Псовый, по сказанному же выше, чуждаясь всего дальняго, ученія же бѣгая, какъ опаснѣйшаго непріятеля своему пристрастію,

никогда не можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ, ибо сіи должности сами собою требуютъ важнаго занятія. Бесѣдовать же гг. псовники, кромѣ о своихъ собакахъ, ни о чемъ начисто не умѣютъ. Сколько разъ я бывалъ свидѣтелемъ, какъ иной, прилучившись въ порядочной компаніи, просиживалъ цѣлые дни, не вымолвя ни одного слова. Оружейный охотникъ, дѣйствуя самъ собою, не имѣетъ причины за какія-либо неудачи или ошибки на кого другого сердиться, еще меньше взыскивать. Псовый же, ежели не гонятъ собаки, бранитъ псарей; ежели проглядятъ зайца, бѣсится на охотниковъ; ежели не лѣзетъ на него добыча, винитъ всѣхъ, и часто на мѣстѣ же несчастные получаютъ награжденія арапниками. Стрѣлокъ всей опасности подверженъ отъ одного ружья; но ежели онъ искусенъ въ выборѣ оныхъ, знающъ и осмотрителенъ при зарядахъ, то ему совершенно нечего бояться. Псовникъ, ѣздя всегда верхомъ, подверженъ непрестанной опасности и за самую лошадь, и еще болѣе по причинѣ рытвинъ, ямъ, водомоинъ, сурчинъ, пней, колодъ и пр., которыхъ онъ видѣть и уклоняться не всегда можетъ. Изо ста стрѣлковъ, можетъ быть, два-три были подвержены, въ ихъ жизнь, опасности; но изо ста псовниковъ вѣрно девяносто пять были не одинъ разъ на два перста отъ смерти. Заключу доказательнѣйшимъ: стрѣлокъ все то, что можетъ только псовникъ своими собаками поймать, весьма легко получаетъ отъ ружья; но псовый охотникъ къ тому, что пріобрѣтается ружьемъ, и примѣриться не смѣетъ.

Ревнивость.

Русскіе умствуютъ: *кто не ревнуетъ, тотъ не любитъ*. Сіе, по моему, самое плохое заключеніе, никогда не улаживалось въ моей головѣ. Ревновать значитъ подозрѣвать въ обманѣ такое существо, которое мнѣ

любезно, и самому унижать себя, т. е. думать про другого, что онъ меня достойнѣе. Сія гнусная страсть никогда въ истинно-добромъ сердцѣ не можетъ помѣщаться. Я самъ никогда не испыталъ ея мученія, но безпокойствія претерпѣлъ отъ нея довольно.

Скоро по переселеніи моемъ въ домъ г. Булгакова, пріѣхала къ нему на житье его меньшая, недавно овдовѣвшая сестра Авдотья Михайловна, барыня молодая, любезная, кроткая, веселая, дружелюбная. Съ первыхъ дней жена моя съ нею подружилась, и я сему сердечно радовался; поелику связь сія для обѣихъ была весьма выгодна. Сдѣлавшись по добротѣ своей неразлучными, онѣ скоро возбудили въ мерзкой душонкѣ хозяйки негодованіе, заставившее сію подлую женщину прибѣгнуть къ самымъ гнуснымъ средствамъ для разрыва сея связи.

Праздные часы, когда оставался дома, по большей части провождалъ и я съ ними, находя болѣе удовольствія у веселыхъ молодыхъ, нежели у брюзгливой бабы. Она, попытавшись нѣсколько разъ разрушить наше сообщество, то требованіями сидѣть у ней, то брюзжаніемъ, что мы шумно веселимся, то настоящимъ негодованіемъ, что мы всегда вмѣстѣ, рѣшилась на адское дѣло: поселить въ невинную душу моея жены ревнивость. Долго ей сіе не приносило желаемаго успѣха; ибо моя Лорхинъ, привыкши сказывать мнѣ обо всемъ, и первые пріемы госпожи Булгаковой пересказала. Почувствовавши, сколько зла можетъ произойти, ежели невинное сердце заразится сею мучительною страстію, я приложилъ всевозможное стараніе объяснить клевету и всѣ ея послѣдствія; усиливался, сколько умѣлъ, обнаружить злость клеветницы и, точно будучи ниже мыслію поползновенъ, я думалъ, что слова мои и поступь защитятъ насъ отъ сея напасти. Но, увы! злоба взяла верхъ надъ простосердіемъ; всѣ мои старанія, убѣжденія, доказательства сдѣлались тщетными: бѣдная Лорхинъ за-

разилась сею бѣдственною страстію, страдала и мучилась ею болѣе семи лѣтъ; ибо я, какъ истинно-безвинный, употребивши сначала всѣ способы къ ея излѣченію, но увидя упорность не внимать моимъ убѣжденіямъ, по крутости моего нрава, предоставилъ наконецъ все времени, которое, конечно, ее исправило. Но что она претерпѣла? И сколько я перенесъ досадъ? Сіе однимъ намъ извѣстно.

Кромѣ сего досаднаго происшествія, жизнь моя въ домѣ г. Булгакова, впрочемъ, была довольно сносна. Ученіе, хотя не могу похвалиться, чтобы было завидное, имѣло однакоже свою пользу тѣмъ, что я, поступая искренно, не только никогда не внушалъ ничего дѣтямъ порочнаго, но старался всевозможно поселить въ нихъ человѣколюбіе, справедливость, безкорыстіе и другія нужнѣйшія для русскихъ добродѣтели. Изъ сего дому перезванъ я былъ, за полгода до моего срока, въ домъ г. Левашова; оставилъ гг. Булгаковыхъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, отъ ихъ стороны преущедренный благодареніями и обѣщаніями, чѣмъ вообще русскіе весьма чтивы... на словахъ, но не на дѣлѣ.

Четырехлѣтнее мое въ губернскомъ городѣ пребываніе сдѣлало великую перемѣну не только въ моемъ житьѣ, но и въ образѣ мыслей. Уничтожаемое положеніе и необходимость быть знакому съ порядочными людьми принудили меня жить благоразумно. Съ сего самаго времени я поставилъ себѣ правило: *быть всевозможно съ полицією въ миру,* и могу похвалиться, что, исполнявши оное всегда старательно, я былъ всегда спокоенъ и лучшими людьми любимъ.

Чтеніе, переводы и бесѣдованіе съ знающими людьми, которыхъ на сей разъ въ Уфѣ находилось довольно, оживили сѣмена нравственности малороссійской. Мнѣ не великаго труда стоило перемѣниться, ибо я природою былъ добръ, человѣколюбивъ, безкорыстенъ. Не могъ еще совершенно побо-

роть дурныхъ во мнѣ склонностей, какъ-то: мотовства, бражничества, безпечности, но буйство, грубіянство, низкія знакомства окончательно были прекращены. Сродная, однако, мнѣ неуступчивость не только не уменьшилась, но отъ времени дѣлалась сильнѣйшею, чему виною было внутреннее чувство, подстрекаемое уже нѣсколько смѣлыми авторами, и что отъ меня требовали несправедливаго. Съ сего точно времени начало во мнѣ раскрываться мое природное свойство. Сколько я въ юношескихъ лѣтахъ любилъ, почиталъ и слушался людей умныхъ, знающихъ, добрыхъ: столько же и теперь прилѣплялся къ нимъ и искалъ ихъ благосклонности съ такою ревностію, что ее можно было назвать пристрастіемъ; за то невѣжи и злонравные были сердечно мною ненавидимы. *Несчастіе есть лучшій учитель*, я точно на себѣ испыталъ. Принужденный по моему униженному положенію быть въ обществѣ болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ, я непримѣтно сдѣлался физіономистомъ. Опредѣленный всякое дѣло, особенно сужденія другихъ, разбирать и опредѣлять въ одномъ себѣ, я нечувствительно навыкалъ заводить собственный свой судъ. Подкрѣпляемый чтеніемъ важныхъ книгъ, я немного затруднялся бесѣдою моихъ соотечественниковъ, открывая въ ней, съ нѣсколькихъ словъ, всю сущность и мысли бесѣдующихъ. Мораль и политика были мои любимѣйшія занятія; метафизика же возбуждала во мнѣ непреодолимое отвращеніе. Поставивши непремѣннымъ правиломъ говорить только о томъ, что было извѣстно и справедливо, никогда я отъ онаго не отступалъ; и въ сихъ-то случаяхъ неуступчивость моя выходила, можетъ быть, за предѣлы.

Кто бывалъ допущенъ въ русскія искреннія бесѣды и имѣлъ возможность дѣлать наблюденія, тотъ признается, что оныя состоятъ по большей части изъ повѣствованій. Десять и двѣнадцать человѣкъ обыкно-

венно слушаютъ одного разсказчика. Вещесловіе всегдашнее въ деревняхъ: хозяйство, охоты, путешествія; въ городахъ: то же, съ прибавленіемъ городскихъ и столичныхъ новостей. О политическихъ дѣлахъ говорятъ мало, но ежели случается собственная война, непрестанно и съ неисповѣдимымъ пристрастіемъ. При повѣствованіяхъ слушатели одобряютъ разсказчика взглядами, улыбками, иногда и словами. При разсказываніяхъ ссылки и повѣрки всегда бываютъ на бывалыхъ; никогда ни на одну книгу ни одинъ русской не ссылается и ни одного автора не именуетъ. Въ случаѣ возраженія подпираются сами собою, родными или ближними, отъ чего человѣку, знающему обхожденіе и вѣжливому, крайне затруднительно съ ними бесѣдовать. Дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ. Человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ обѣгается. Смотря по обстоятельствамъ, хотя и будетъ онъ терпимъ, но въ довѣренности не будетъ никогда. Сіе такъ далеко простирается, что иностранные учители, которыхъ берутъ для дѣтей въ дворянскіе домы, удобнѣе уживаются самые посредственные, даже невѣжи, лишь бы они умѣли поддѣлываться къ нравамъ хозяевъ, сносить ихъ шутки, часто весьма дерзкія, особенно находить вкусъ въ пищѣ и питьѣ домовомъ; а ежели рѣшаются еще постничать, суевѣрствовать, то симъ и цѣны нѣтъ. Посему человѣкъ съ обширнѣйшими знаніями, честнѣйшихъ нравовъ, деликатнѣйшаго обхожденія, никогда не удерживается у деревенскихъ дворянъ.

Что невѣжествующіе говорятъ иногда о дѣлахъ важныхъ, заводятъ споры и стоятъ крѣпко за свои мнѣнія, сіе, можетъ быть, свойственно всѣмъ народамъ; но русскіе единственны тѣмъ, что учившіеся, въ молодости имѣвшіе достаточныя свѣдѣнія, начавши жить въ деревняхъ, ставши хозяевами, отцами, скоро привыкаютъ къ разговорамъ и мнѣніямъ своихъ со-

сѣдей, поставляютъ какъ бы зазорнымъ свои знанія и, въ случаѣ преній, всегда держатся стороны невѣжъ. На улику: «вы сами сему учились; вы знаете что я говорю справедливо», и проч. не стыдятся отвѣчать: «мало ли, что пишутъ ученые! что лучше святой Руси!».

Живучи въ Уфѣ, мнѣ посчастливилось познакомиться съ весьма добрыми и умными людьми. Изъ нихъ же вѣчное мое напоминаніе о тебѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Петръ Ивановичъ Чичаговъ. Въ тебѣ я потерялъ одного совершенно моего единомышленника, сострадательнаго друга, честнаго и съ обширными знаніями человѣка. Миръ праху твоему! Приводя часто на память твою доброту, твою кротость, твою неизмѣнную чрезъ 20 лѣтъ со мною пріязнь, я всегда въ мысляхъ прибавляю: «аще забуду тебе, любезный Петре, забвенна буди моя душа». Не проходитъ, можетъ быть, ни единаго дня, чтобы я тебя не вспомнилъ; безъ тебя я сталъ истинный сирота. Нѣтъ ни единыя души, которую понимала бы моя; ниже единаго сердца, которое билося бы для моего. Съ какою горестію воспоминаю наши бесѣдованія о происшествіяхъ, начавшихся въ нашихъ глазахъ, отъ которыхъ надѣялись мы спасенія, счастія человѣческому роду, но, увы! все сіе, по отшествіи твоемъ, воспріяло новый видъ, или лучше: древнѣйшіе рода человѣческаго враги, самовластіе и суевѣріе, перемѣнивъ только одѣяніе и рѣчь, возложили снова чрезъ безумныхъ честолюбцевъ оковы рабствованія, еще тягчайшія прежнихъ, на выи глупой черни.

Благодареніе и тебѣ, любезный, добрый Миллеръ! Твоя дружеская улыбка, сотовариществовавшая всѣмъ твоимъ рѣчамъ, никогда для меня не перемѣнялася; и при послѣднемъ прощаньи, ты такъ же дружески меня проводилъ, какъ за 20 лѣтъ до того встрѣтилъ. Гагемейстеръ не долго для меня жилъ, но много мнѣ добра желалъ. Вы всѣ уже давно въ вѣчности.

Не забуду никогда и живущихъ ещё. Почтенный, искусный, человѣколюбивый врачъ Занденъ. Тебя, благотворитель мой, Степанъ Семеновичъ Андреевскій, который не только по искусству своему освободилъ меня отъ тяжкія болѣзни, но умными твоими сужденіями, безпримѣрною добротою твоея души, ускорилъ образованіе моея нравственности. Ты отъ благороднаго упражненія врачевать болѣзни тѣлесныя, перемѣстившись на лѣстницу службы гражданскія, по уму твоему и сердцу, можешь быть въ пространнѣйшемъ кругу благодѣтелемъ несчастныхъ; дай лишь Богъ, чтобы ты никогда не забывалъ: honores mutant mores, и чтобы скверная корысть не коснулась чистоты твоея души.

Кеслеръ и Рейнъ также мнѣ навсегда пребудутъ памятны; первый за любезность его нрава и трогательные тоны фортепіано; другой за сотовариществованіе мнѣ, или лучше, за возобновленіе во мнѣ любви къ стрѣльбѣ.

Изъ всей моей въ Оренбургской губерніи жизни уфимская, въ разные пріемы составляющая болѣе 12 лѣтъ, была для меня счастливѣйшая. Молодость, здоровье, беззаботливость, занятія разновидныя, полезныя, пріятныя; знакомства, особенно съ любезнымъ Чичаговымъ и весельчакомъ Кеслеромъ, точно доставляли мнѣ много пріятностей, и съ умнѣйшею поступью я, конечно, тутъ же бы могъ завести что-нибудь для переду; но, осужденный съ ребячества волочиться, я тащился за моею судьбою безпрекословно.

Оставивши Булгаковской домъ для г. Левашова, по сумбурству же его, я принужденъ былъ отъ него отстать и, возвратясь въ городъ, жить на квартирѣ, исправляя въ домѣ г. Рычкова бродящаго учителя. Доходъ, правда, былъ не великъ, но знакомство и карточная игра пополняли недостатки. За годъ предъ симъ я началъ страдать головною болью, которая въ

сію зиму такъ начала усиливаться, что я со всѣмъ моимъ о себѣ нерадѣніемъ, принужденъ былъ часто лежать въ постели. Въ сію зиму почтенный штабъ-лѣкарь г. Андреевскій пріѣзжалъ изъ Челябы въ Уфу, дабы познакомиться съ докторомъ Занденомъ. Онъ, услышавши, что одинъ его землякъ несчастливъ и боленъ, тотчасъ по добродушію своему меня посѣтилъ. Сердечная его ласковость и искреннее участіе во мнѣ открыли ему всю мою душу. Изъ человѣколюбія захотѣвши быть моимъ благодѣтелемъ, сказалъ: «Болѣзнь ваша можетъ быть очень важна; должно непремѣнно вамъ лѣчиться; но здѣсь ни время, ни мѣсто сего не позволяютъ; поѣдемъ со мною въ Челябу, я тамъ могу вамъ навѣрное пособить». Переѣздъ сей, по моимъ недостаткамъ, былъ совершенно для меня невозможенъ; на сіе онъ отвѣчалъ: «Можетъ быть, возможность откроется».

Въ сіе время, недѣли уже съ двѣ, я долженствовалъ каждый почти вечеръ собесѣдовать въ Булгаковскомъ домѣ подполковнику Александру Павловичу Мансурову собственно для пикета. Сей господинъ, преисполненный добрыхъ и худыхъ качествъ, былъ мнѣ давно слегка знакомъ; на сей разъ, по причинѣ ипохондріи, не могучи сносить шумныхъ бесѣдъ по родству Тимашевскаго дома, въ коемъ онъ былъ старинный другъ, съ домомъ Булгаковскимъ, всѣ почти вечера провождалъ въ семъ, гдѣ хозяйка также за болѣзнію никуда не выѣзжала. И для пристойности, и для занятія гостя любимою имъ игрою я былъ избранъ, какъ приверженецъ фамиліи. Бесѣда наша была самая пріятная: дочь, не выѣзжающая же для матери, кокетствовала; подполковникъ волокитствовалъ; мать закидывала тенеты; я, по разсѣянію сопротивника, пользовался игрою.

Въ первый вечеръ, по свиданіи моемъ съ Андреевскимъ, г. Мансуровъ, будучи очень веселъ, вдругъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе—ѣхать съ нимъ въ Че-

лябу, гдѣ квартировалъ его баталіонъ. На отвѣтъ мой: что я обязанъ съ Рычковымъ, что я имѣю семью — онъ мнѣ сказалъ: «Рычкова я упрошу; супругу вашу переселимъ въ мою деревню, около которой и мой баталіонъ будетъ зимовать».—«Но что мнѣ у васъ дѣлать?»—«Быть моимъ товарищемъ! Ты игрокъ, стрѣлокъ, весельчакъ; для ипохондрика не надобно лучшаго, за пребываніе же твое я даю тебѣ все то, что ты получалъ въ семъ домѣ». Предложеніе было лестно; но я все еще отговаривался, какъ хозяйка взяла его сторону и сильнѣйшими убѣжденіями старалась меня склонить. На другой день дѣло объяснилось: г. Мансуровъ овдовѣлъ и былъ по природѣ влюбчивъ; г-жа Булгакова вознамѣрилась свою Анну Николаевну пристроить и меня имѣть при немъ своимъ повѣреннымъ, словомъ, ихъ виды другъ друга подтенетить; мои—воспользоваться доброхотствомъ господина Андреевскаго. Все весьма скоро сладили, и мы 9-го февраля были уже на пути къ Челябѣ. Сколько я обязанъ господину Андреевскому, сіе я никакъ изъяснить не въ силахъ; онъ точно излѣчилъ меня тѣлесно и душевно; безъ его словоохотныхъ бесѣдъ, безъ его неутомимаго старанія внушать истины, имъ знаемыя, я бы никогда не воздержался ни отъ крѣпкихъ напитковъ, ни отъ буйныхъ поступковъ. Три мѣсяца, съ нимъ вмѣстѣ проведенные, были мнѣ полезнѣе десятилѣтняго ученія. Придержавшись по возможности его совѣтовъ, я до половины шестого десятка моей жизни не зналъ никакихъ болѣзней; помню его слова: «Огненные напитки крѣпко здоровому только не дѣлаютъ вреда, а пользы никогда никому ни малѣйшей». Въ душѣ моей горжусь моею стойкостію, отбросивъ ихъ всесовершенно.

Г. Мансуровъ, въ концѣ мая возвратясь со мною въ Уфу, скоро сватанье свое привелъ къ концу и о семъ самъ меня извѣстилъ, прибавивши: «Те-

перь житье твое у меня еще нужнѣе; мы и наши жены будемъ всегда неразлучны». Такъ онъ сгоряча мыслилъ, и я самъ тому радовался; но Прасковья Михайловна, будущая теща, какъ заботливая барыня, совсѣмъ иначе сіе распредѣляла. Будучи корыстолюбива, подозрительна и глупа, ей тотчасъ помечталось, что жена моя, а болѣе я, можемъ быть камнемъ преткновенія для ея замысловъ; посему приложила все стараніе отсовѣтывать г. Мансурову сдѣланный со мною договоръ. Сей, во все время своего въ Уфѣ пребыванія, проводивши меня отъ одного дня до другого обѣщаніями, при самомъ отъѣздѣ своемъ къ баталіону, отправить меня подъ видомъ препровожденія моея жены въ деревню (для чего хотѣлъ выслать своихъ людей и коней), изъ Троицка писалъ къ своему нареченному шурину, чтобы онъ сдѣлалъ со мною договоръ и написалъ со мною контрактъ для управительской должности. Обманутый такъ безсовѣстно, оставленный Булгаковскимъ домомъ безжалостно, прожившись отъ найма квартиръ, услуги и содержанія, я доведенъ былъ до самой крайности. Безъ совѣтовъ и пособій добраго Чичагова я не знаю, какъ бы выдрался изъ сей бѣды. Онъ возобновилъ и совершилъ переговоры съ домомъ Рычковымъ, съѣхавшимъ уже въ деревню; онъ же пособилъ мнѣ переселиться къ нимъ.

Живши въ Уфѣ довольно пріятно, я оставлялъ ее съ сожалѣніемъ, не надѣясь отъ деревенской жизни ничего удовольственнаго. Переѣздъ до мѣста моего назначенія совершили мы, однако, нескучно; прекрасная осенняя погода, изобиліе дичи, многіе по дорогѣ картинные виды, лучшіе и дешевые жизненные припасы не попущали насъ горевать объ оставленномъ городѣ.

Подъѣзжая къ селу Спасскому, мѣсту пребыванія семейства Рычковыхъ, каменная церковь и домъ построенный, съ аллеями садъ, метнулись издали въ

глаза; но подъѣхавъ къ нимъ и видя, что все сіе было, ежели не весьма старо, то въ крайнемъ запущеніи, я не могъ возымѣть о пребываніи моемъ предварительно пріятныхъ мыслей. Проѣхавши по большой улицѣ мимо каменнаго дома, провели насъ къ деревянному новенькому домику, который, начиная только заводиться, былъ еще безъ загороды. На семъ дворѣ маленькое одиночное зданіе, состоящее изъ одной голой свѣтелки, и чрезъ сѣни бани были апартаменты, назначенные къ моему житью. Хозяевъ не застали мы дома. Они поѣхали обѣдать и ночевать къ Рычкову же Виссаріону Петровичу. Имѣя свободное время, я исходилъ все село и съ ружьемъ обошелъ всѣ его окрестности. Мѣстоположеніе не совсѣмъ было безъ пріятностей; но помѣщеніе дома совершенно не у мѣста, т. е. въ ямѣ, изъ которой видъ былъ на одну церковь съ кладбищемъ и на угрюмый садъ. Самое интереснѣйшее въ семъ селѣ былъ ключъ живой воды, бьющій изъ многихъ разсѣлинъ и составляющій весьма быстрый и сильный ручей.

Господа, возвратясь на другой день утромъ, обласкали насъ по своему довольно. Хозяинъ былъ около 50-ти лѣтъ, физіономіи самой непривлекательной: косъ, слюняй и до крайности неопрятенъ. Нравственно онъ былъ такого рода чудакъ, которыхъ учатъ будто нарочно, чтобы яснѣе обнаружить ихъ глупость, заставляютъ служить, даютъ мѣста, дабы показать ихъ ничтожество, но не злой, а иногда даже добрый. Супруга его, барыня лѣтъ подъ 30-ть, бѣлотѣлая, жирная, веселая, самолюбивая и самовольная во всемъ.

Образъ ихъ жизни и обхожденіе былъ бы намъ много затруднителенъ, ежели бы по договору мы не были почти совсѣмъ отдѣленными, т. е. мы только обѣдали съ ними въ скоромные дни; въ постные же столъ и ежедневный чай мы имѣли въ своей хижинѣ.

Посему мы болѣе держались у себя, пока ознакомились со всѣмъ семействомъ.

Въ каменномъ домѣ жила старая барыня, Елена Денисовна, вдова родоначальника всея сея семьи, статскаго совѣтника Петра Ивановича Рычкова. Съ нею вмѣстѣ обитали четыре ея дочери, вдова Марья Петровна Толстая, которыя сынъ былъ моимъ ученикомъ и три дѣвицы: Анна, Агриппина, Прасковья. Старуха была изъ богатаго симбирскаго дворянскаго дома; обхожденія весьма привѣтливаго, хлѣбосолка и обязательная съ чужими, но къ своимъ крайне жестока, скупа и своенравна. По кончинѣ супруга, добрые люди попеклись поселить въ ней страсть къ игрѣ, и старушка ночи, а часто и дни просиживала за ломберомъ. Играть доброхотные пріѣзжали издалека; я же, будучи домашнимъ, весьма скоро удостоенъ отличными милостями.

Она, дочь ея вдова и я составляли ежедневную партію. Ежели бы я не боялся Бога, или лучше, ежели бы я умѣлъ чужія слабости обращать въ свою пользу, я бы точно могъ отъ сея барыни по картамъ имѣть свое вѣчное состояніе.

Василій Петровичъ Рычковъ, сынъ старыя барыни, хотя отдѣльно жившій, по частому своему быванію съ семьею, имѣлъ великое вліяніе на весь домъ. Онъ осыпалъ меня сначала учтивостями и ласками, но скоро заставилъ вкусить самыхъ горькихъ непріятностей, по одной своей запальчивости и тщеславію. Сія послѣдняя добродѣтель, можно сказать, всей семьѣ была общею; ибо они, будучи не изъ стараго дворянства, а по одному Петру Ивановичу, ихъ отцу, во всѣхъ своихъ поступкахъ, дѣлахъ, даже рѣчахъ, являли, какъ будто они боятся уронiться. Отъ сего часто бывали со мною самыя досадныя и смѣшныя приключенія, о которыхъ напоминать нѣтъ дальней надобности.

По прошествіи года, особливо когда я перешелъ

на житье въ домъ старыя барыни, гдѣ занималъ цѣлый довольно пространный флигель, жизнь моя въ Спасскомъ была самая покойная: за ученіемъ несильно гналися; нравственностію, дабы я не поселилъ въ дѣтяхъ чего-нибудь несообразнаго съ правилами новаго ихъ дворянства, занимались сами родители; дичи было крайнее изобиліе; выѣздъ свободный; карточная игра, иногда скучная, пополняла малые наши доходы; словомъ, мы тутъ жили удовольственно.

На другую зиму жена моя, для сотовариществованія больной Маріѣ Петровнѣ, ѣздила съ нею въ Уфу, гдѣ прожила и весну; я, пріѣхавши къ нимъ повидаться, перезванъ былъ г. Левашовымъ къ нему, и такъ неожиданно распрощался со Спасскимъ и съ его доброю къ намъ хозяйкою.

Переселеніе къ г. Левашову было нѣкоторымъ образомъ для меня непроизвольное; обиженный имъ въ первое приглашеніе, я не хотѣлъ было съ нимъ вовсе дѣла имѣть; но увидѣвши дѣтей, обласканный ими, я забылъ все и четыре года прожилъ въ семъ домѣ, перенося многія непріятности.

Сергѣй Яковлевичъ Левашовъ, надворный совѣтникъ и совѣстный судья, былъ человѣкъ крайне странный. Въ юношествѣ безъ всякаго воспитанія, въ молодости безъ малѣйшаго образованія, въ мужескихъ лѣтахъ безъ нравственности, достаточный казанскій дворянинъ, посему родными и знакомыми въ его своеволіи тамъ нѣсколько стѣсняемый, оставивъ молодую жену и пятерыхъ любезныхъ дѣтей, переселился въ Башкирію, гдѣ, купивши землю, переводилъ крестьянъ, строилъ домы, разсаживалъ сады, заводилъ оранжереи, учреждалъ фабрики, заводы; но все сіе только начиналъ, а не оканчивалъ. Домъ его снаружи, по виду, была казарма, во внутренности же оштукатуренъ, какъ палаты. Садъ былъ неогороженъ, но вороты въ него воздвигнуты были столярной работы и съ нѣмецкими петлями и замками.

Описывать всѣ его странности было бы и скучно и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотенъ, охотникъ превеликій былъ диктовать письма, особенно наставленія приказчикамъ, садовникамъ, конюхамъ и другимъ своимъ чиновникамъ. Щедръ, даже мотъ бывалъ изъ тщеславія, скупъ же по природѣ, нрава самаго крутого и жестокаго, но къ сентиментальному разговору всегда приставалъ, выдавая себя за Стерна.

Дѣтей съ нимъ бывшихъ четверо: двѣ дочери, два сына и племянникъ составляли мой пансіонъ. Средняя дочь Наталья, 15-ти лѣтняя дѣвушка, одарена была отличною способностію и охотою къ ученію; старшій сынъ Николай былъ также понятенъ и прилеженъ, да и прочіе довольно изрядно учились, что, при ихъ ласковости, поселило во мнѣ неимовѣрную ревность споспѣшествовать ихъ успѣхамъ. Скажу, не хвастаясь, что Наталья Сергѣевна чрезъ два года понимала столько французскій языкъ, что труднѣйшихъ авторовъ, каковы: Гельвецій, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила безъ словаря; писала письма со всею исправностію правописанія; исторію древнюю и новую, географію и миѳологію знала также достаточно.

Жизнь наша въ семъ домѣ была довольно сносна; къ странностямъ хозяина присмотрѣвшись, все прочее шло порядочно; ласки же и дружелюбіе дѣвицъ Елеонорѣ Карловнѣ доставляли много пріятностей. Зиму мы жили въ городѣ, гдѣ катанья, собранья, балы, для меня и карточная игра, жизнь нашу дѣлали весьма удовольственною; весну, лѣто и осень обыкновенно проживали въ деревнѣ; тутъ разныя, ежедневно почти новыя занятія: прогулки, купанья, рыбная ловля, стрѣльба и множество другихъ забавъ, сокращали время нечувствительно.

Въ сіе время Елеонора Карловна освободилась совершенно отъ гибельной ревности; ласки ея ко мнѣ

и нѣжность возвратились съ прежнею, или еще сильнѣйшею, горячностію; я самъ, кажется, почувствовалъ новый жаръ къ моей милой подругѣ; всѣ пріемы первоначальныя любви, со всѣми тѣми же прелестями, наполняли наши души. Старанія быть чаще наединѣ, попеченія взаимно дѣлать другъ другу пріятное, сердечныя изліянія, неутомимость въ наслажденіяхъ, словомъ, все дѣлало насъ счастливыми, а двое милыхъ дѣтей, изъ которыхъ Кирюша по пятому году, милая, рѣзвая лепетуша, и Катенька по третьему, любезная, веселая, какъ ангелъ, усугубляли наши радости.

Но, увы! сіе благоденствіе, сія сладостная супружняя жизнь, сладостнѣйшая, можетъ быть, самаго начала оныя, была для меня весьма кратковременна. Милая моя подруга, бывши во все ея замужество хотя не больною, но всегда въ нѣмецкомъ тѣлѣ, года за два до сего времени, пополнѣла, повеселѣла, сдѣлалась большою затѣйницею всякихъ забавъ, игоръ, обѣщавшая по всему сему добрую о своемъ здоровьи надежду, въ сентябрѣ 1792 года, ѣздивши въ Уфу, получила простудную лихорадку, которая въ октябрѣ, обнаружившись грудною водяною болѣзнію, прекратила ея жизнь на 29 году.

Горестнѣе всего мнѣ было тогда, да и теперь воспоминаю съ сожалѣніемъ, что я послѣдніе два мѣсяца ея жизни почти не жилъ съ нею, и что она скончалась въ Уфѣ безъ меня.

Сбиравшись давно, 2-го сентября въ семъ году я ѣздилъ къ Рычкову, гдѣ пробылъ до 25. Жена, проводивши меня до Уфы, оставалась тутъ же и дожидаться. Я нашелъ ее въ четырехдневной лихорадкѣ, но, не уваживъ сего, особенно за отлучкою нашего врача и друга Зандена, я взялъ ее въ деревню. Въ первыхъ дняхъ октября, г. Занденъ былъ у насъ, видѣлъ ее въ самомъ припадкѣ, оставилъ лѣкарство, но совѣтовалъ, при усиленіи жара, пріѣхать въ городъ. Послѣдуя сему въ точности, 9-го, въ ясный,

прекрасный день, въ покойной коляскѣ, отправилась она въ Уфу. Двѣ почты извѣщалъ г. Занденъ о ея состояніи, предъ третьею прислалъ нарочнаго, увѣдомляя объ открывшейся опасности и чтобъ я поспѣшилъ самъ въ Уфу. Зная искусство и благоразуміе сего врача, почти увѣренный въ несуществованіи уже Елеоноры Карловны между живыми, я тотчасъ отправился, но моя милая подруга за два дни, т. е. 21, скончалась.

Описывать мою горесть, какъ давно прошедшее, не поставляю нужнымъ; скажу только, что она была точно искренна, и что сожалѣніе о сей моей потерѣ никогда не выходило изъ моего сердца. Жизнь моя послѣ сея эпохи, хотя нельзя сказать, чтобы хуже была прежней; но, признаться долженъ, что съ покойною подругою была бы она несравненно лучше; теперь же, когда я уже сталъ старъ и дряхлъ, и когда предѣлъ мой у меня въ виду, я каждодневно ее воспоминаю, ибо чувствую, что одна только добрая жена быть могла бы, въ сіе роковое время, истиннымъ моимъ попечителемъ, утѣшителемъ, ангеломъ хранителемъ.

Преисполненный благодаренія моему Богу, я не могу иначе, какъ хвалиться моими добрыми дѣтьми. Онѣ неизмѣннымъ и усерднѣйшимъ своимъ о моемъ благосостояніи попеченіемъ доказывая въ полной мѣрѣ, сколько я имъ любезенъ, конечно, ни одна изъ двухъ не пожалѣла бы ни трудовъ своихъ, ниже своего здоровья, для успокоенія и поддержанія моей болѣзненной старости, но со всѣмъ тѣмъ онѣ никакъ не могутъ замѣнить для меня своей покойной матери. Добрая жена, соучаствуя мужу во всѣхъ дѣяніяхъ супружнія жизни и подаваясь съ нимъ вмѣстѣ въ старость, навыкаетъ знать и удовлетворять всѣ его вкусы прихотѣнія и, сознакомившись даже съ его слабостями, недостатками, не только не брезгуетъ ими, но самыя отвратительныя немощи облегчаетъ и врачуетъ доброхотно.

По успокоеніи нѣсколько первыхъ ощущеній горести, обративши вниманіе на мое положеніе, я видѣлъ ясно, что бѣдныя дѣти мои наиболѣе потеряли, лишившись матери. Ихъ полъ въ сиротствѣ, тасканіе мое съ ними по чужимъ домамъ угрожали мнѣ многими затрудненіями, для преодолѣнія которыхъ я принялъ мѣры, какія по моему бѣдственному состоянію были только возможны. Я увѣдомилъ сестру о приключившемся мнѣ несчастіи; извѣщая объ оставшихся у меня на попеченіи двухъ сиротахъ ея пола, просилъ, чтобы по родству и человѣчеству соблаговолила быть ихъ матерью. Въ прошеніи моемъ употребилъ всѣ средства убѣжденія для преклоненія къ состраданію ея строптивыя души, облегчая по возможности способы ихъ содержанія, т. е. первое: я не прежде намѣревался ихъ къ ней отпустить, какъ чрезъ шесть или восемь лѣтъ (сіе находилъ даже необходимымъ, дабы Кирѣ, достигнувшей 15-го года, могъ я сообщить всѣ семейныя наши дѣла) и на случай, дабы онѣ не совсѣмъ были безгласны, второе: я ей обѣщевалъ ежегодно высылать въ пособіе двѣсти рублей. На сіе не удостоенъ я ниже отзывомъ, поелику сестрица моя въ сіе время крутилась въ столичномъ вихрѣ.

Облегчилося сіе, однако, хотя не существенно, тогда нѣкоторою надеждою: дочери г. Левашова, по своему собственному побужденію, а по молодости ихъ лѣтъ непричастному еще корысти, предложили своему отцу и получили его соизволеніе, чтобъ дѣтей моихъ принять къ себѣ для воспитанія, съ тѣмъ, чтобы ихъ по возможности и пристроить. Предложеніе сіе меня до крайности порадовало; я зналъ, что имъ каждой утверждено было отъ отца по сту душъ лучшихъ крестьянъ; посему какъ воспитать, такъ и пристроить моихъ дѣтей немного бы имъ стоило.

Изъ благодарности за такую милость, почитая ее несомнѣнною, послѣдній годъ моего житья въ семъ

домѣ, я могу сказать, что точно не жалѣлъ себя самого, стараясь всѣми силами удовлетворять дѣтскую горячность къ ученію. Нерѣдко по 12 часовъ въ сутки я, какъ осужденный, переходилъ отъ перевода къ исторіи, отъ сея къ автору, къ сочиненію, и пр. и пр. Живучи въ семъ домѣ, особенно послѣ кончины моей жены, множество я имѣлъ странныхъ приключеній, которыя описывать не поставляю, однако, нужнымъ: ибо онѣ растянули бы только мое повѣствованіе. Въ началѣ зимы 1793 года сыновья г. Левашова и племянникъ долженствовали ѣхать въ Санктпетербургъ на службу; дочери же въ Казань къ ихъ матери. Я, приглашенный г. Шишковымъ, переселился къ нему въ деревню и съ моими дѣтьми; ибо зная по наслышкѣ Анну Васильевну, я не хотѣлъ жертвовать моими сиротами, да и сами барышни согласны были, чтобъ дѣти оставалися при мнѣ, пока онѣ сдѣлаются властны сами располагать своими дѣлами. Мы поднялись вдругъ всѣ изъ Левашовки, ѣхали вмѣстѣ до Бугульмы. Разстояніе сіе растянули сколько можно больше, распрощались, какъ истинные родные, не надѣясь никогда уже больше жить вмѣстѣ. Зиму я прожилъ въ Уфѣ, а весною переселился къ г. Шишкову...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Проектъ объ усиленіи торговли воспроизводится нами по тексту, помѣщенному въ «Русскомъ Архивѣ» 1878, кн. 6-я.

Проектъ о усиленіи россійской съ Верхнею Азіею торговли черезъ Хиву и Бухарію.

Писанъ, въ царствованіе Александра Павловича, Григоріемъ Степановичемъ Винскимъ [1]), а посланъ къ г. министру отъ Павла Елисѣевича Велички, начальника Оренбургскаго таможеннаго округа.

Во исполненіе вашего высокопревосходительства предписанія, касательно отношенія вашего г-ну Оренбургскому военному губернатору отъ 4 декабря прошлаго 1818 года о мѣрахъ къ охраненію каравановъ и вообще о торговлѣ нашей, при тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи предположеній, въ ономъ помѣщенныхъ, какъ и важности прочнаго и на будущее время твердаго постановленія россійскія съ Верхнею Азіею чрезъ Хиву и Бухарію торговли,—обязанностью моею поставляю донести. Я употребилъ много, въ долголѣтнее мое въ семъ краѣ служеніе, стараній и трудовъ развѣдывать чрезъ торгующихъ россіянъ, азіатцевъ и чрезъ посылаемыхъ нарочныхъ, обо всѣхъ обстоятельствахъ, съ самаго начатія нашего съ азіатцами торговли, постоянно препятствующихъ распространенію и усиленію оныя. Для пресѣченія сихъ злочиній, сколько ни приложено было со стороны правительства нашего попеченій и издержекъ, и сколько ни извѣстна мнѣ важность предположеній, въ отношеніи вашего высокопревосходительства находящихся;

---

[1]) Проектъ этотъ печатается здѣсь съ рукописи, которую сообщилъ г-нъ Н. Петровскій. (Примѣчаніе П. И. Бартенева).

но, соображая все съ происшествіями, въ глазахъ моихъ совершившимися, я смѣю сказать откровенно, что предпріятія сіи, по строгомъ разсмотрѣніи, обнаруживаются недостаточными и едва когда-либо могущими своея меты достигнуть. Сіе мое, можетъ быть, дерзновенное сужденіе препровождая, по волѣ вашей, на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, всенижайше прошу о милостивомъ снисхожденіи, цѣня болѣе мою къ пользамъ отечественнымъ ревность, нежели мое знаніе.

Гг. Тевкелевъ, Рычковъ и Волковъ, предлагая по усердію своему о построеніи на устьѣ Эмбы-рѣки крѣпости, кажется, не знали, по отдаленному тогдашнему времени, ни точно назначаемаго ими мѣстоположенія, ни внутренности степей, населяемыхъ киргизцами, ни народовъ, начинавшихъ тогда только съ Россіею сообщеніе чрезъ торговлю, ниже самаго ходу оныя.

Въ новѣйшія времена, его сіятельство графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, при своемъ министерствѣ, хотя вѣрнѣйшими пріемами пекся о приведеніи въ исполненіе давнихъ предположеній для построенія на устьѣ Эмбы и на углѣ[1]) Тюкъ-Караганскомъ укрѣпленій, особенно о утвержденіи на Мангишлакѣ складки товаровъ; но сіи патріотическія старанія, подкрѣпляемыя донесеніями и обнадеживаніями г. Фелькерзама, хотя и во исполненіе были бы произведены, но истинной своей меты, т. е. обезпеченія купеческихъ каравановъ отъ грабежей въ степяхъ, никакъ бы не достигли. Поелику многочисленнѣйшіе съ важнѣйшими товарами караваны изъ Бухаріи и Хивы обыкновенно выходятъ на Оренбургъ, Орскую крѣпость и Троицкъ, то одна отдаленность сихъ путей отъ укрѣпленій на берегахъ моря Каспійскаго преднамѣреваемое охраненіе дѣлала бы не-

[1]) Т. е. на мысѣ, выдающемся въ Каспійское море.

возможнымъ. Заведеніе при рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, при урочищѣ Учургинскѣ, значительнаго поста и проведеніе отъ онаго до границъ нашихъ военнаго кордона можно полагать одною изъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ для охраненія отъ грабежей каравановъ и для нѣкотораго усмиренія киргизцевъ.

Но сіе предположеніе, потребовавъ неминуемо посылки въ степь важнаго воинскаго ополченія и потому сопряжено будучи съ немалыми усиліями и пожертвованіями со стороны правительства, обращаетъ меня невольно къ предпріятію, которое, въ неотдаленномъ времени, отъ бывшаго здѣсь военнымъ губернаторомъ князя Григорія Семеновича Волконскаго государю императору было представлено и высочайшей его императорскаго величества удостоено конфирмаціи. Я подъ симъ разумѣю экспедицію, въ степь назначенную, движеніями которыя съ четырехъ пунктовъ чрезъ степь къ Хивѣ правительство наше намѣревалось истребить грабителей каравановъ; воровъ, чинившихъ побѣги въ наши границы, унять; потери, понесенныя нашимъ купечествомъ отъ грабежей, вознаградить; враждующихъ киргизцевъ намъ и между собою усмирить; благонамѣренныхъ успокоить; словомъ, окончательно устроить сіи народы, имѣя всегда въ виду распространеніе и усиленіе нашей торговли, положа всему основаніемъ и утвержденіемъ занятіе Хивы.

Не только участвовавши въ составленіи для сказанной экспедиціи плана, но, могу смѣло сказать, подавши г. губернатору объ ней первыя мысли, я обязанностію моею поставляю довесть къ свѣдѣнію вашего высокопревосходительства оный со всѣми подробностями въ прилагаемой у сего копіи [1]). Вы изъ изложеній, въ семъ донесеніи написанныхъ, изволите усмотрѣть истинныя причины, препятствующія рас-

[1]) Копіи этой у насъ не имѣется. (Прим. П. И. Бартенева).

пространенію и усиленію нашея отечественныя съ Азіею торговли, какъ и вѣроломные пріемы азіатцевъ, особенно хивинцовъ, во обращеніи въ свои выгоды неудачъ и несчастій нашихъ купцовъ, при тщательнѣйшемъ разбирательствѣ которыхъ само собою почти обнаруживается, что сказанная экспедиція есть единственная вѣрная мѣра для достиженія благонамѣренныхъ россійскаго правительства предпріятій [1]).

Твердо придерживаясь вышесказаннаго, смѣю присовокупить, что обстоятельства, вынуждавшія тогда сію экспедицію, суть и нынѣ тѣ же; то есть киргизы не перестаютъ своевольничать, непокорствовать и грабить. Караваны, избравъ по причинѣ грабежей дальную окольную дорогу на Троицкъ, и теперь по оной же выходятъ къ нашимъ границамъ, а Оренбургская прямая и по сіе время остается, по опасности, праздною, и излишнія азіатцевъ, за дальній обходъ, издержки падаютъ на нашъ же счетъ. Хивинцы, продолжая пронырствовать, не унимаются во вредъ намъ обогащаться; и несчастные наши плѣнники, воздѣлывая ихъ нивы, угобжая ихъ пóтомъ своимъ и слезами, принуждаются доставлять имъ за ничто всѣ сладости жизни. Смутныя для любезнаго отечества нашего времена, остановивъ выполненіе сего важнаго предпріятія, по перемѣнѣ ли здѣшняго начальства, можетъ быть по инымъ винамъ, оставаясь въ бездѣйствіи, заставляютъ страшиться, дабы съ продолженіемъ времени не сдѣлалося оно совершенно гибельнымъ. При возстановленіи нынѣ повсюду спокойствія и благоденствія, въ про-

---

[1]) Итакъ, Винскому принадлежитъ первоначальная мысль, выразившаяся при Николаѣ Павловичѣ Хивинскимъ походомъ Перовскаго и увѣнчанная въ наши дни великими успѣхами въ Средней Азіи. Несчастный Винскій не дожилъ до исполненія этой мысли. Графъ Ростопчинъ, при императорѣ Павлѣ, шелъ еще далѣе и борьбу съ Англіею предполагалъ вести изъ Средней Азіи, походомъ въ ея Индійскія владѣнія. (Прим. П. И. Бартенева).

долженіи коихъ нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ сомнѣваться, возбуждается во мнѣ рвеніе обратить вашего высокопревосходительства вниманіе къ сему предпріятію, какъ къ единственному средству возстановить, усилить и навсегда утвердить нашу отечественную съ Верхнею Азіею торговлю. Вы, будучи истинный попечитель и покровитель торговли, исходатайствовавъ государя императора о семъ благоволеніе, удовлетворите всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества и самихъ благонамѣренныхъ азіатцевъ всегдашнимъ желаніямъ.

Принявъ именованную экспедицію единственною и вѣрнѣйшею мѣрою для достиженія сугубой правительства цѣли, то есть: образовать киргизцевъ мирными и полезными подданными и торговлѣ нашей доставить желаемое распространеніе и усиленіе, ежели бы произведеніе ея въ дѣйствіе было положительно опредѣленнымъ: тогда всѣ другія разысканія, сужденія и мнѣнія могли бы почесться излишними. Но неувѣренность, хотя не въ полномъ производствѣ, по крайней мѣрѣ въ отдаленіи временно онаго, заставляетъ меня представить на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства мнѣніе мое о частныхъ въ степь военныхъ поискахъ. По обстоятельнѣйшемъ наблюденіи дѣяній сихъ отправленій, при тщательнѣйшемъ развѣдываніи ожидаемыхъ отъ оныхъ выгодъ, всегда обнаруживалося, что посыланные отряды никогда почти не достигали виновныхъ хищниковъ; нападали, грабляли, даже истребляли совершенно безвинныхъ и, насыщая часто одну алчность, никогда не вознаграждали истинно потерпѣвшихъ убытки, усиливая между тѣмъ въ семъ грубомъ народѣ обидное для насъ мнѣніе, что всѣ сіи поиски суть нарядные грабежи, отдаляющіе отъ насъ самыхъ благонамѣреннѣйшихъ степныхъ жителей. Зло сіе, толикократно распространявши страхъ и отчаяніе въ степяхъ ближайшихъ къ Оренбургу, по навѣдыва-

ніямъ моимъ, при объѣздѣ въ прошломъ году линіи, тотъ же причиняетъ вредъ и недовѣрчивость между жителями, принадлежащими къ границамъ сибирскимъ. Посему я считаю первѣйшею необходимостью: всѣ, военными командами, въ степь поиски, подъ какими бы они ни назначались названіями, отмѣнить и единожды навсегда, какъ здѣсь, такъ и по сибирской линіи, запретить. Въ случаяхъ же вторженія киргизцевъ въ наши границы и произведенія ими хищеній, предписать: выполнять повсюду правила, утвержденныя государемъ императоромъ.

Да позволено будетъ мнѣ прибавить, что занятіе Хивы должно быть не временное, но чрезъ присоединеніе ея навсегда къ областямъ Россіи, вѣчное, чего требуютъ истинныя выгоды, ожидаемыя отъ сего предпріятія. Сей постъ, учрежденный за степями, населяемыми киргизцами, находясь въ ихъ тылу и военными форпостами и кордонами къ границамъ пресѣкая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ жилища, приведетъ сихъ своевольниковъ и въ спасительную необходимость быть мирными, покорными, заниматься единственно своимъ хозяйствомъ, а со временемъ преобразитъ ихъ въ полезныхъ подданныхъ. Съ другой стороны, воздвигнувши, такъ сказать, у воротъ Бухаріи и въ виду Верхней Азіи, твердый (по значительнымъ военнымъ силамъ, по важному населенію природными россіянами) оплотъ, содержа сіи народы въ почтительномъ уваженіи благодѣтельныхъ Россійскаго правительства мѣръ, обнародованный вольною для всѣхъ торгующихъ складкою товаровъ, какъ въ порто-франко, возродитъ во всѣхъ купечествующихъ азіатцахъ рвеніе участвовать въ нашей торговлѣ. Сами хивинцы, обнадеженные въ полномъ и твердомъ владѣніи своими собственностями, покровительствуемые въ свободномъ отправленіи своей вѣры, нимало не стѣсняемые въ нравахъ и обычаяхъ, скоро мнимое покореніе свое сочтутъ истиннымъ для себя благодѣя-

ніемъ и, предавшись безбоязненно своимъ занятіямъ, промышленности, торговлѣ, почувствуютъ въ полной мѣрѣ свое благоденствіе. Несчастные наши соотчичи, обремененные отъ давнихъ временъ оковами невольничества, освободясь отъ жестокаго господствованія, по сродненію своему съ тамошнимъ климатомъ, по навычкѣ воздѣлывать тамошнія пашни, могутъ тамъ быть первыми нашими поселенцами, которые, получивъ въ собственность землю, въ первое же лѣто снабдятъ занятыхъ единственно службою хлѣбомъ и всѣми отъ земли плодами.

Та же Хива, образованная и устроенная твердымъ заведеніемъ поселенія, о коемъ распространяться было бы для меня напраснымъ усиліемъ, Хива, заключу, на будущія времена россійскій въ Великой Татаріи Гибралтаръ, послужитъ для торгующихъ всѣхъ земель мирною пристанью, къ коей поспѣшитъ всякъ, во увѣренности найти тутъ: упокоеніе, пособіе и обнадеженный путь къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Для нашего же купечества да содѣлается она вратами, имѣющими со временемъ богатые индѣйскіе товары препровождать въ нѣдра нашего любезнаго отечества.

Примѣчанія [1]).

2$_{3-4}$. «Исторія моего времени» («Histoire de mon temps»)—такъ называется трудъ прусскаго короля Фридриха II Великаго (1740—1786).

2$_{17}$ ...Не поставляя себѣ образцами ни Ксенофонтовъ, ни Титовъ-Ливіевъ, ниже К... К...—конечно, Карамзинъ.

4. Шандеизмъ. Винскій имѣетъ въ виду романъ Лоренца Стерна «Жизнь и убѣжденія Тристрама Шанди» (The life and opinions of Tristram Shandy). Во времена Винскаго по русски было переведено только нѣсколько отрывковъ этого знаменитаго романа, и Винскій былъ знакомъ съ нимъ, конечно, во французскомъ переводѣ. Стернъ оказалъ большое вліяніе на литературную манеру Винскаго. Въ частности, начало его записокъ является подражаніемъ первымъ страницамъ романа Стерна, а главу, озаглавленную Шандеизмъ, трудно понять, не прочитавъ предварительно первой главы «Жизни Тристрама Шанди». Приводимъ эту главу по новому русскому переводу (Лоренцъ Стернъ. Сочиненія. Пер. съ англ. Н. М. Спб. 1890 и въ журналѣ «Пантеонъ литературы» за 1890 годъ).

«Какъ жаль, что ни мой отецъ, ни моя мать, ни они оба, ибо по истинѣ на нихъ обоихъ лежала эта нравственная обязанность, не постарались отнестись добросовѣстнѣе къ своему дѣлу, когда производили меня на свѣтъ! Я глубоко убѣжденъ, что роль моя въ этомъ мірѣ была бы совершенно отлична отъ той, въ которой мнѣ приходится явиться передъ читателемъ, если бы они поразмыслили о всей важности послѣдствій ихъ тогдашняго занятія и тщательно взвѣсили и обдумали его значеніе: вѣдь въ немъ дѣло шло не только о произведеніи разумнаго существа, но, можетъ быть, и объ удачномъ образованіи его тѣла и духа, его ума и, пожалуй, даже самыхъ его міровоззрѣній; да, наконецъ,—какъ знать?—судьбы всего его дома могли зависѣть отъ душевнаго настроенія ихъ въ ту минуту. Повѣрьте, добрые люди, что это совсѣмъ не такой пустякъ, какъ можетъ показаться многимъ изъ васъ; вы, навѣрно, всѣ слышали о жизненныхъ

---

[1]) Цифры указываютъ страницы текста и строки страницъ.

силахъ и о томъ, какъ онѣ передаются отъ отца къ сыну? Ну, такъ даю вамъ слово, что девять десятыхъ человѣческаго ума или глупости, успѣха или неудачи въ жизни зависятъ отъ движеніе и дѣятельности этихъ жизненныхъ силъ и отъ различія путей, по которымъ онѣ будутъ направлены; а ужъ разъ онѣ приведены въ движеніе—худо-ли, хорошо ли, все равно—то ихъ ничѣмъ не остановишь, и онѣ мчатся, словно бѣшеныя. Когда же онѣ нѣсколько разъ пройдутъ по тому же пути, онѣ протопчутъ цѣлую дорогу, такую же гладкую и ровную, какъ садовыя аллеи... а какъ только онѣ къ ней привыкнутъ—тутъ ужъ и самъ чортъ не всегда сумѣетъ ихъ съ нея согнать.

— «Скажи, душа моя,—промолвила моя матушка,—не забылъ ли ты завести часы?»—«Богъ мой,—воскликнулъ отецъ,—стараясь въ то же время умѣрить свой голосъ:—я убѣжденъ, что еще ни одна женщина, съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, не отвлекала человѣка такимъ дурацкимъ вопросомъ»—Скажите, о чемъ же это говорилъ вашъ отецъ?.. Ни о чемъ.

1537. Упоминаемый здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дальше Мерсье тоже оказалъ большое вліяніе на Винскаго. Занимающій нынѣ скромное мѣсто во французской литературѣ, Луи Себастьянъ Мерсье (1740—1814) въ свое время пользовался большой извѣстностью, какъ авторъ «Tableau de Paris», «Le Nouveau Paris» и утопическаго романа «L'an 2440, rêve s'il en fut jamais». Послѣднее произведеніе произвело особенное впечатлѣніе на Винскаго; онъ самъ разсказываетъ объ этомъ на стр. 120.

1199. «Всемірный путешествователь, или познаніе стараго и новаго свѣта, то есть: описаніе всѣхъ по сіе время извѣстныхъ земель въ четырехъ частяхъ свѣта и проч.». Соч. г. Аббата де-ла Порта; перев. съ франц. Яковъ Булгаковъ. Это огромное сочиненіе, въ подлинникѣ въ 34 частяхъ, по русски появилось только въ 27 частяхъ въ 1778—1794 году.

Указатель собственныхъ именъ.

Авдотья Михайловна, сестра Булгакова, вдова, 127.
Адамовичъ, банковый судья, 73, 83, 84, 89.
Адреянопольскій, прокуроръ, 30, 36, 58.
Алешка, слуга, 43.
Ананьевскій, 46.
Андреевскій, Степанъ Семеновичъ, врачъ, 132—134.
Анна Іоановна, 69, 70, 100.
Апраксина, графиня, 122.
Арсеньевъ, Александръ Ивановичъ, 120.
Артамоновъ, 27, 28.
Астраханцевъ, откупщикъ, 110—112.
Бауманъ, офицеръ, 62—64, 74.
Бибиковъ, Александръ Ильичъ, 27.
Брещинскій, офицеръ, 73, 90—95,
Булгакова, Анна Николаевна, 115. 134, 135.
Булгакова, Прасковья Михайловна, жена Булгакова, 115, 116, 127, 128, 134, 135.
Булгаковъ, Николай Михайловичъ, надв. сов., 113, 115, 118, 119, 121—123, 127, 128, 132, 133.
Бѣльскій, 46.
Бюффонъ, 17.
Ванька, слуга, 49, 50.
Варвара, нянька, 12.
Вербицкій, майоръ, 58.
Винская, Марфа Артемьевна, рожд. Пискаревская, по второму браку Губчицъ, мать автора записокъ, 3, 5, 10—12, 17, 34, 35, 51, 56, 121.
Винская, Елеонора Карловна, жена автора записокъ, 59, 60—67, 74, 75, 87, 88, 101—103, 106—108, 111, 112, 118, 122, 127, 128, 134, 135, 138—143.
Винскій, Осипъ, братъ автора записокъ, 5.
Винскій, Степанъ Акимовичъ, отецъ автора записокъ, 3, 11.
Волковъ, поручикъ, 71—73.
Вольтеръ, 17, 37, 45, 119.
Вяземскій, кн. Александръ Алексѣевичъ, генералъ-прокуроръ Сената, дѣйств. тайн. сов., род. 1727 г. ум. 1793 г., 45, 72, 73, 88, 89, 99, 100.
Гагемейстеръ, 131.
Ганіо, французъ-учитель у кн. Хвабулова, 107, 108.
Гарпагонъ, 46.
Гельвецій, 139.
Гиммель, поручикъ, 98.
Горичи, братья, 92.
Губчицъ, Марфа Артемьевна, см. Винская.
Губчицъ, Михаилъ Васильевичъ, отчимъ автора записокъ, 5, 10, 51.
Губчицъ, въ замужествѣ Любысевичъ, сводная сестра автора записокъ, 11, 36, 51, 121, 122, 142.
Дембицкій, учитель въ Черниговѣ, 11.

Дворецкій, 9.
Екатерина, Великая, 16, 40, 42—44, 79 82, 99, 100.
Елизавета Петровна, 100.
Епанчинъ, 84.
Жанлисъ, 55.
Журманъ, генеральный судья, 14.
Занденъ, врачъ, 132, 133, 140, 141.
Калитѣевскій, подпоручикъ, 98.
Каржавинъ, 46.
Карповичъ, содержатель французскаго пансіона въ Стародубѣ, 13.
Катенька, дочь автора записокъ, 140, 141, 143.
Катенька, дочь майора Рыбкина, 109.
Куленгребенъ, 69.
Кутонъ, 17.
Левашова, Анна Васильевна, 143.
Левашова, Наталья Сергѣевна, 139.
Левашовъ, Сергѣй Яковлевичъ, надв. сов., совѣстлив. судья въ Уфѣ, 43, 128, 132, 138—143.
Левашовы, дѣти Серг. Як., 139, 142, 143.
Кашинцовъ, поручикъ, 71—73, 89, 91.
Квашнинъ-Самаринъ, генер.-губернат., 122.
Кеслеръ, 132.
Кирюша, дочь автора записокъ, 140—143.
Князевъ, Михаилъ, отставн. поручикъ, 92—95.
Леманъ, 59, 60.
Лесажъ, 37.
Ликургъ, 20.
Лихтенбергъ, полицейскій офицеръ, 74.
Лопухинъ, кн. Петръ Васильевичъ; род. 1753 г. Былъ при Екатеринѣ II оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ, затѣмъ гражданскимъ губер. въ Москвѣ и генералъ-прокуроромъ (1798 г.). Получилъ титулъ свѣтлости благодаря дочери своей, пользовавшейся расположеніемъ Павла I. При имп. Александрѣ I былъ министръ юстиціи и предсѣд. Госуд. Сов. Умеръ 1827 г., 75, 76, 88.
Лорхинъ, будущая жена автора записокъ, меньшая сестра ювелира Фродинга, см. Винская Елеон. Карл.
Любысевичъ, Аѳанасій Кирилловичъ, зять автора, бывш. генер.-адъютантъ гр. Разумовскаго, 35, 36, 121.
Людовикъ XV, 38.
Мабли, 139.
Мазарини, 38.
Максимка, цирульникъ, 32.
Малафѣичъ, писарь, 83, 84, 86, 96.
Мансуровъ, Александръ Павловичъ, подполк., 133—135.
Матюнинъ, Михаилъ Васильевичъ, 117.
Матюшка, слуга Винскаго, 15, 30.
Маратъ, 17.
Маріихинъ, дѣвушка-колонистка, прислуга Винскихъ, 111.
Марія Антуанета, 38.
Марія Терезія, 38.
Мерсье, 15, 139.
Мещерскій, кн. Петръ Сергѣевичъ, сенаторъ, отецъ поэта Елима Петровича. Род. 1779 г. ум. 1856 г., 82, 84, 88, 98.
Миллеръ, товарищъ автора записокъ, 131.
Мушинскій, 9.
Никодимъ, учитель реторики, 13.
Орловъ, гр. Григорій Григорьевичъ, генер.-аншефъ, фаворитъ имп. Екатерины II, одинъ изъ участниковъ возведенія ея на престолъ. Род. 1734 г. Ѣздилъ въ 1771 г. вмѣстѣ съ братомъ прекращать безпорядки въ Москвѣ послѣ чумы. Подвергся опалѣ въ томъ же году и всегда остался жить въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1796 г., сойдя съ ума, 37, 45.
Острожскій, товарищъ автора записокъ, землякъ, прокуроръ, 30, 36, 47—49, 52, 53.
Панинъ, графъ, Петръ Ивановичъ, род. 1721 г., генер.-аншефъ, се-

наторъ. Участникъ семилѣтней войны и турецкой 1770 г. Взялъ въ плѣнъ Пугачева. Умеръ въ 1789 г., 72, 99.
Паченко, штабъ-юнкеръ, 13.
Петрищевъ, флигель-адъют. гр. К. Г. Разумовскаго, 26.
Петръ Великій, 7, 16, 40, 100.
Писаревская, см. Винская, М. А.
Плавковскій, 4.
Плутусъ, 103.
Полозовъ, бѣглый канцелярист, 71—73.
Потемкинъ, князь, Григорій Александровичъ, 45, 89, 91, 99, 100.
Прокоповичъ, 4.
Пучковъ, поручикъ, 87.
Радищевъ, подпоручикъ, 98.
Разнатовскій, надзиратель, 12.
Разумовскій, гр. Кириллъ Григорьевичъ; род. 1728 г., простой казакъ, братъ фаворита имп. Елизаветы; получилъ хорошее образованіе за-границей и 20 л. былъ президентомъ Академіи Наукъ; затѣмъ былъ гетманомъ въ Малороссіи; участвовалъ въ возведеніи на престолъ имп. Екатерины II; умеръ въ 1803 г., 26, 35, 99.
Рейнъ, товарищъ автора записокъ, 132.
Рейнсдорпъ, Оренбургскій губернаторъ, 104.
Реми, товарищъ автора записокъ, 18.
Ришелье, 38.
Робеспіеръ, 17.
Ролленъ, 37.
Рославецъ, 11.
Румянцовъ, 99.
Руссо, Жанъ-Жакъ, 17, 45, 53, 139.
Рыбкина, жена майора, 109.
Рыбкинъ, майоръ, 109.
Рычкова, 135.
Рычкова, Елена Денисовна, жена Петра Ивановича, 137, 138.
Рычковъ, 132, 134—136, 140.
Рычковъ, Василій Петровичъ, 137.
Рычковъ, Петръ Ивановичъ, статск. сов., 137.
Рычковъ, Виссаріонъ Петровичъ, 136.
Рычковы, дѣвицы Анна, Агриппина, Прасковья, 137, 138.
Салтыковъ, кн. Николай Ивановичъ, генер.-фельдмарш.; род. 1736 г. Вмѣстѣ съ вел. кн. Павл. Петр. путешеств. по Европѣ.; воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей; въ 1812 г. былъ предсѣдателемъ Госуд. Совѣта. Въ 1814 г. получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя. Умеръ въ 1806 году, 73, 91.
Самойловичъ, 13.
Самоцвѣты, почепскіе панычи, 11.
Самуилъ, ректоръ, 13.
Седерстремъ, братъ жены Винскаго, 74.
Соколовъ, Леонтій Петровичъ, 69—74, 85, 89, 98, 102—104.
Соханскій, капралъ, 29.
Степушка, слуга, 56.
Стернъ, 139.
Стромилова, 32, 33.
Стромиловъ, 32, 83.
Сумароковъ, фельдфебель, 28.
Таубертъ, Фридрихъ, пріятель автора записокъ, 48—50.
Тихонъ, дядя Винскаго, 6.
Теляковскій, подпоручикъ, 98.
Терскій, Аркадій Ивановичъ; род. 1732 г.; оберъ-секретарь; тайный сов. при имп. Екатеринѣ, а впослѣдствіи генералъ рекетмейстеръ; умеръ въ Москвѣ въ 1815 г., 46, 73, 81—88, 96.
Толстая, Марья Петровна, вдова, дочь Петра Ив. Рычкова, 137, 138.
Толстой, Александръ Петровичъ (1719—1798) 87—90, 95, 96.
Ульрихша, 75.
Фридрихъ II, 39.
Фродингъ, Анхинъ, дочь ювелира, 59—63, 66.
Фродингъ, г-жа, жена ювелира, 59—63, 66, 122.
Фродингъ, ювелиръ, 58—61, 66.
Фродинги, родственники жены автора записокъ, 58, 66, 101.

Хвабуловъ, князь Матвѣй Аѳанасьевичъ, вице-губерн. Оренб. губ., 104—111.
Цвѣтъ, инспекторъ черниговской коллегіи, 11.
Чернышевъ, гр. Захарій Григорьевичъ; род. 1722 г., первый любимецъ имп. Екатерины II; герой семилѣтней войны, въ 1760 г. занялъ Берлинъ; президентъ военной коллегіи; генер.-фельдмаршалъ; генер.-губернаторъ Бѣлоруссіи и главнокомандующій г. Москвы. Масонъ. Умеръ въ 1784 г., 99.
Чечулинъ, 46.
Чигиринскій, корнетъ, 26.
Чичаговъ, Петръ Ивановичъ, 131, 132, 135.
Шишковъ, Ѳедоръ Яковлевичъ, губ. таможен. сов., 113, 143.
Шуазель, 38.
Щербацкій, богословъ, 12.
Ѳедоръ, слуга Брещинскаго, 73.
Якоби, генер.-поруч., 112.

Изданія к-ва „Огни".

Библіотека мемуаровъ. Мое Время. Григорія Винскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки несчастнаго (В. П. Колесникова), содержащія путешествіе въ Сибирь по канату. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ. Записки Н. В. Басаргина. Редакція П. Е. Щеголева. Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770 — 1838. — Е. А. Сабанѣевой. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914 г. Ц. 1 р.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. (1854 — 1855). Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. Ѳ. Ольденбурга. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Изъ Московской жизни 40-хъ годовъ. Дневникъ Е. И. Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бѣлинскій. Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.

Былины. Старинки богатырскія. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ. Художественная рамка и виньетки исполнены В. А. Никольскимъ по старинным образцамъ. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1911 г. Ц. 2 р.

Стихи духовные. Словеса золотыя. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избралъ Е. А. Ляцкій, при участіи Н. С. Платоновой. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

Русскіе художники. Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго. Портретъ художника и 7 репродукцій съ его картинъ. Рек. Уч. Ком. М. Н. П. Спб. 1910 г. Ц. 1 р.

Иностранные художники. Пювисъ де-Шаваннъ. Текстъ Я. А. Тугендхольда. Съ портретомъ художника и 7 репродукціями съ его картинъ. Спб. 1911 г. Ц. 1 р.

А. Родэнъ. Искусство. Переводъ Л. М. Со многими иллюстраціями. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к.

Р. Тепферъ. О прекрасномъ въ искусствѣ. Переводъ съ фр. М. Г. Спб. 1913 г. Ц. 90 к.

Къ новымъ далямъ. Сборникъ стихотвореній современныхъ поэтовъ (1900—1910). Бальмонтъ, Бунинъ, Брюсовъ, Гиппіусъ, Лохвицкая, Маковскій, Соловьева (Allegro), Ѳедоровъ, Чюмина и др. Составила Л. Д. Свербеева. Изданіе художественное. Спб. Ц. 90 к.

Б. Садовской. Пятьдесятъ лебедей. Стихотворенія (1909—1911). Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными (1865—1875). Со статьей Е. А. Ляцкаго и примѣчаніями М. Н. Чернышевскаго. Портреты, рисунки, автографъ. Вып. I. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. II (1876—1877). Спб. 1913 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. III (1878—1883). Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Портреты. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь. Личность. Творчество. Критико-біографическіе очерки. Изданіе 2-е, значительно переработанное и дополненное. Портреты, автографъ. Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Картинки Отечественной войны изъ романа „Война и миръ". Извлечено М. П—ой. Спб. 1912 г. Ц. 15 к.

Книга о святомъ Францискѣ Ассизскомъ. Предисловіе и переводъ В. Конради. Изданіе художественное. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

Джордано Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

За изданіями к-ва „Огни" обращаться въ книжный складъ „Жизнь и Знаніе": Спб., Фонтанка, 38, кв. 19.

Цѣна 1 р. 25 к.

Изданіе помѣщается въ складѣ „Жизнь и Знаніе“,
Спб., Фонтанка, 38, кв. 19. Телеф. 227—42.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00044006994